Д53

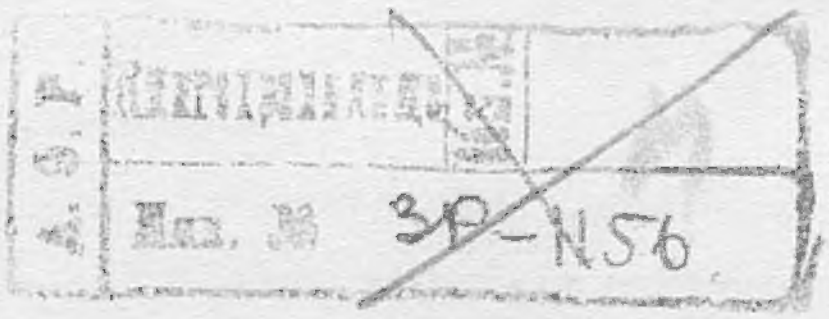
05644

~~2015~~

К
П53

С. ДМИТРИЕВСКИЙ

СТАЛИН



книга получена
от Секретариата НКВД

НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ЦГА СССР
Инв. № 05644

Хранилище
периодических изданий
ЦГАОР СССР
Вх. № ЗР 889

КНИГОХРАНИЛИЩЕ
Упр. ГБ
Н. К. В. Д.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СТРЕЛА“

Alle Rechte vorbehalten.
Copyright 1931 by S. Dmitriewsky, Stockholm.

«Energiadruck», Berlin SW 61

МОЕМУ РУССКОМУ ЧИТАТЕЛЮ.

Кажется невероятным, но это факт: каррикатурное представление о Сталине заграницей создалось главным образом под влиянием разных дипломатических и торговых представителей советской власти. Иностранцы, люди дела, понимающие все значение сильной личности в истории, часто спрашивали их в интимных разговорах:

— Скажите: что такое Сталин?

И обычно получали ответ:

— Сталин? — Грязный, грубый, беспринципный делец, рассеявший весь цвет интеллигенции нашей партии и опирающийся на таких же темных и грязных людей, как он сам. Полное идейное ничтожество. Моральный урод.

Надо, впрочем, сказать, что примерно то же мнение долго господствовало и в обывательских кругах самой России. Я не говорю уже об эмиграции, где формирующие общественное мнение люди и органы

печати в подавляющем большинстве видят в людях, руководящих нынешней Россией, только преступников, только анормальных, аморальных, либо совершенно ничтожных людей.

Основной автор легенд о Сталине — Троцкий. Он до сих пор не может простить Сталину его превосходства. Наголову разбитый Сталиным на арене жизненной борьбы, он не без успеха постарался отомстить Сталину на арене литературной. Использовав свой талант памфлетиста — основной и единственный свой талант, — он создал каррикатурно-уродливый образ Сталина, легший в основу ходячего о нем представления. Отсюда и странные как будто в устах «представителей» сталинского режима отзывы. Не надо забывать, что заграничные представительства советов долгое время комплектовались из политических отбросов — из людей ненужных и нежелательных внутри страны. Троцкистами и болотом кишела, отчасти и сейчас еще кишит, заграница.

Зависть и злоба — плохие орудия политической борьбы. Рано или поздно жизнь приходит со своими аргументами — и на смену легенде создает реальное представление о людях и вещах.

Сталина, как и людей, сейчас его окружающих, надо знать такими, как они есть. Со всеми их недостатками — но и со всей их силой. Ибо только так можно объяснить историю нашего настоящего — и только так можно ориентироваться на сложных путях будущего.

Надо твердо усвоить себе: у власти в России стоят сейчас люди немаленькие, люди несравненно большего калибра, чем те, которых выдвигали старый строй и старая жизненная школа. Да иначе не может и быть в эпоху великой революции, когда жизнь перетряхивает все народные слои и выдвигает наверх самое сильное, самое способное, наиболее соответствующее ее суровым условиям. Чтобы бороться с людьми революции — надо знать, надо изучать их.

Не надо забывать и еще одного: для тех, кто хочет всерьез строить национальную Россию будущего, было бы величайшей ошибкой рассматривать всех поголовно людей власти сегодняшнего дня, как врагов. Наоборот. Надо ясно осознать, что многие из них не только люди настоящего, но и будущего России. Без их силы, знания, опыта этой России не построишь. Даже больше: именно они то и будут основными строителями ее.

Надо понять: люди, особенно вначале всякого большого и нового исторического пути, являются — вплоть до самых великих — бессознательными орудиями истории. Искренне часто верят, что идут по одному пути — на самом же деле давно перешли на другой. Потребности жизни, воля страны и народа сильнее воли отдельных людей и мудрее отдельного сознания. И жизнь, идя вперед, все сильнее давит в направлении своих потребностей, соответственно им производит отбор людей, меняет обстановку, меняет са-

мих людей, проясняет их сознание, приводит к отчетливому пониманию того, что прежде осознавалось смутно, еле-еле.

Путь, казавшийся в России вначале путем абстрактной международной пролетарской революции, оказался, в конце концов, путем революции русской: имеющей, правда, как всякая великая революция, мировые задачи и мировое влияние, но в основе своей являющейся национальной. И люди, которые вначале искренне считали себя только коммунистами, стали сейчас национал-коммунистами, а многие из них стоят уже на пороге чистого русского национализма.

Истекший год принес много изменений в самой России — и, в частности, в ее правящих ныне слоях. Год назад у верхушки власти все кишело червями термидорианского перерождения, людьми болота. Казалось: они господа положения, они ведут. Они оказались сейчас в подавляющем большинстве выброшенными за борт самим Сталиным. Наверх подымаются все в большем количестве люди народа. Они несут с собой большой — у одних еще неосознанный, у других уже осознанный — национализм. Национализмом является окончательно победившая там идея «социализма в одной стране». Национализм — индустриализация. Национализм — все чаще звучащее утверждение: у нас есть отечество — и мы будем его защищать. Национализм — все чаще появляющееся именно там сравнение нашей эпохи с эпохой Петра

Великого, что безусловно верно, с той только разницей, что масштабы нашей эпохи больше, и в деле революционного преобразования России принимают участие гораздо более широкие, чем тогда, народные слои. Пусть много уродливого в том национализме, что там сейчас проявляется. Он и не может быть иным. Люди полностью еще себя там не осознали — и многие и не в состоянии пойти до конца на путь чистого великодержавного русского национализма. Но то, что мы сейчас имеем там, есть не только полная материальная подготовка здания будущей национальной империи. Там идет и подготовка ее идеологии. Там идет и подготовка ее людей.

...Эта книжка — только попытка подойти к изучению людей власти сегодняшнего дня. Она не может претендовать на полноту. Не только потому, что я сам себя ограничил известными рамками. Но и потому, что архивы закрыты, приходится пользоваться относительно ничтожными имеющимися материалами, да личным знанием обстановки и людей. Это немного, конечно, но это всетаки кое-что... Должен заметить: я сознательно откидывал многочисленные устные анекдоты, непроверенные, недостоверные, имеющие на себе большой отпечаток троцкистско-меньшевистской легенды. Кого интересуют и эти анекдоты, тому надо прочесть только что вышедшую на немецком языке книжку Эссад-бея: «Сталин». Там собрано, повидимому, все, что р а с с к а з ы в а ю т о Сталине и его

окружении. Книжка интересная, дающая материал для размышлений, несмотря на свою некоторую фантастичность и некоторую непрочность выводов. Свою книжку я старался строить в рамках известной схемы только на проверенных фактах и документальных данных. Приэтом я сосредоточился почти исключительно на самом Сталине. Его окружение, новых людей сегодняшнего дня, я частично уже характеризовал в своих газетных статьях. Если у меня будет возможность высказываться в прессе — я продолжу эти характеристики.

Но главная цель данной книжки вот какова: мне хочется показать в ней, какие люди нужны для борьбы, и как надо бороться за свое дело, за свои идеалы. Мне хочется сказать ею и людям зарубежной России, ищущим сейчас новые национальные знамена и пытающимся вокруг них сплотиться во имя борьбы:

Научитесь любить свое отечество, и так, как любили его Корнилов и Дроздовский, и так, как любил его Ленин — и любят люди, прошедшие настоящую ленинскую школу: самоотверженно, и не на словах только, но на деле — и вместе с тем с ясной осознанностью народных нужд: не для себя, но для народа. Научитесь ставить Россию превыше всего. Пусть будет она для нас здесь, как и для людей там, выше всего мира, самой лучшей и самой великой страной. Научитесь так, как люди там, быть независимыми — и презрительно и гордо смотреть в лицо

всему прочему миру. Научитесь так, как они, организовывать себя и других, пользоваться всеми средствами для достижения поставленных целей. Научитесь так, как они, строить свое государство, — и так же твердо осуществлять свою власть. Научитесь так, как они, бороться за свою власть и преодолевать все трудности. Станьте смелыми, жесткими, жестокими, циничными, непримиримыми, нетерпимыми. Но прежде всего — русскими, не отвлеченно, но на деле. Россия — выше всех и всего!..

Поймите: нынешняя жизнь — и особенно наша, русская — не комфортабельный салон, где без труда и забот скользят по паркету. Нынешняя жизнь — жестокая и трудная борьба. Мы и должны быть людьми этой борьбы. Белые и всякие перчатки надо снять: и для того, чтобы видеть, у кого в чем руки — и потому, что перчатки вообще сейчас ни к чему. Весь хлам старых предрассудков и истлевших идей, с которыми нас вели в прошлом от поражения к поражению, надо бросить. Мир перестраивается заново. Работа предстоит черная и кровавая. Не на мягких коврах будет решаться наша будущая судьба, не в пропитанных ложью и предательством кулуарах парламентов, не в канцеляриях продажных соглашательских партий, не в затхлых редакциях «демократической» прессы, не на изъеденных молью и червями кафедрах университетов, но в университете жизни, там, где сам народ: на грязных улицах, среди липкого чернозема полей, в

дыму кровавых боев. К этим боям мы должны вести людей, к ним их готовить. Только с оружием в руках, но не проповедью примиренчества и пацифизма будет создан твердый порядок и утверждены национальные идеи и национальное государство и на нашей родине и во вне ее. Человек сегодняшнего дня, если он хочет быть полезным своей родине по настоящему, должен быть прежде всего воином. Пусть мещанская чернь превозносит Ремарка: вы должны знать, что Ремарк — это человек вне нации, а ремарковщина — клевета на человечество.

Бросьте в мусорную яму все мысли о коалиции «всех» или многих сил: ибо всякие коалиции — вернейший путь к поражению. Помимо всего прочего — они вернее всего ведут к сплочению с нынешним ГПУ. Следуйте Ленину: сначала размежевание и отбор — потом объединение*).

В процессе сплочения и борьбы непрестанно очищайте свои ряды от всех малодушных, колеблющихся, сомневающихся, инакомыслящих. Бойтесь, как огня, меньшевиков всех мастей. Остерегайтесь предателей — и непроверенных людей. Пусть мадам Кусковы распивают чаи с загадочными девушками, которые

*) Мне думается, если я правильно его понимаю, что к «коалиции» скептически относится и человек, которого Ленин всегда считал мудрейшим из вождей эмиграции — П. Н. Милюков. И это характерно. П. Н. Милюков, правда, и против активизма — но это другой вопрос, да и активизм активизму рознь.

«хохочут», просидев две недели без хлеба, не имея и ничего иного; хохочут в наивное лицо мадам Кусковой и других, только, очевидно, для того, чтобы показать, что в России сегодня нет голода, а если есть, то не страшен. Тот, кто видел и пережил голод, кто знает, что это такое, — тот знает, что не только хохотать, но и просто жить человек не будет, просидев две недели без хлеба и без всякой другой пищи... Мы должны искать своих союзников не в таких, неизвестно как, неизвестно откуда и неизвестно зачем появляющихся заграницей людях, но в национально-мыслящих и действенных кругах живой России. Они есть — есть и на низах, есть и у власти. И они всегда отзовутся.

Стройте небольшую, но тщательно отобранную, тесно сплоченную единством мысли и действия и самой жесткой дисциплиной, строго централизованную партию-секту воинов и монахов национальной революции. Но именно революции: ибо великая революция была и есть, народ ее принял, она принесла с собой много жизненно-ценного — и этого не выкинешь. А вот русской национальной партии, кладущей начало национально-революционному объединению народов России, партии приемлющей и понимающей революцию, могущей проложить путь в будущее в ее пуганых дебрях, этой партии не было еще и нет. Национальная Россия до сих пор не имеет ясного лица. И это лицо могут нарисовать, конечно, не те, кто самозванно взял монополию на представительство национальных инте-

ресов России. И не те, кто хоть и болтают о национальной России, но на самом деле зверино ненавидят все русское и все национальное — не проводники антинациональной политики антинационального капитала и идеалов мирового мещанства в русском зарубежьи. Чтобы представлять какие либо интересы — надо их знать и понимать! Чтобы представлять национальную будущую Россию — надо быть русским и народным, т. е. революционным, националистом.

Но национальная партия будет создана. Потребность в ней ощущается многими. Я непрестанно получаю письма от бывших активных участников гражданской войны, от героев ее национального фронта; от национально-мыслящей молодежи, выросшей заграницей, — и эти письма говорят мне больше, чем все, что пишется на столбцах якобы «национальной» прессы. Люди хотят борьбы — и хотят объединения.

Организационные принципы национально-революционной партии народов России дал большевизм. Он же частично, вместе с широкими слоями национально-мыслящей молодежи в России, даст и кадры для партии там. Ибо там национальное побеждает уже над коммунистическим в людях — как победит оно и в жизни. Идеи национально-революционнного движения носятся в воздухе. Это: национальная империя, построенная на принципе свободного союза народов России. Это советская система, возглавленная избранным путем всенародного плебисцита народным вождем.

Это правовой и экономический либерализм, но с сохранением примата государственного интереса над личным. Это государственный капитализм, конкурирующий с нарождающейся частной инициативой. Это собственность крестьян на землю, полная свобода землепользования и землеустройства, сочетание обоих систем: коллективной и индивидуалистической. Это союз, а не война с Западом, покровительство народам Востока, примирение интересов метрополий и колоний по примеру, показанному Россией.

Продумайте, оформите эти идеи, носящиеся в воздухе, свяжите их в стройную систему, которая могла бы оказаться равноценной по силе влияния на массы с системой идей коммунизма. Знайте твердо: третьего — нам, по крайней мере, России не дано. Либо сталинский национал-коммунизм, либо национальная империя, цезаризм. А вернее: дано только одно — именно цезаризм. Он подготовлен всем ходом нашей истории — и, особенно, историей революции. Сталинская система есть переходный этап, — она может задержаться, к несчастью для наших народов, к несчастью для народов других стран. Но уже сейчас сталинская система есть полная подготовка цезаризма: она — в положительной своей части — утвердила идею единоличной власти, показала ее преимущества, необходимость для страны; она вместе с тем — в отрицательной своей части — показала необходимость власти национальной, т. е. во главу угла ставящей

интересы нашей страны и ее населения в данный момент, и власти либеральной, охраняющей права человеческой личности.

Что до «парламентаризма», мещанской «демократии», — все это обречено историей и на Западе. Правление стадных олигархов, оторванных от народа, никому сейчас не нужно. Если Запад сейчас слаб и разорнен и с таким трудом противится коммунизму, то главным образом потому, что в его странах слишком слаба государственная власть. Когда, в результате нынешнего экономического кризиса, в результате возможных больших потрясений и перемен, окрепнет и перевооружится монополистический капитал — он неизбежно должен будет, опираясь на национальные круги и идущие за ними народные массы, перестроить всю западную структуру власти. Власть перейдет из рук профессионалов политики в руки профессионалов практического дела. Те, кто работают, будут управлять государством: вожди промышленности, люди науки, инженеры, профессионалы административного аппарата, военные и т. д. Все публичные дома политики сегодняшнего дня будут, вероятно, разогнаны и закрыты. Государство должно управляться так же четко и так же централизовано, как фабрика, и с тем же «демократическим централизмом». Если это не произойдет, и Запад не перестроит своей государственной системы, тогда, действительно, ему может грозить участь древнего Рима: он может пасть под мечами но-

вых варваров — жертва собственной слабости, разрозненности, паразитизма правящих слоев.

И на Западе для осуществления нужной ему перестройки придется выдержать большую борьбу. Сейчас национальные идеи и люди национального дела во всех странах Запада преследуются. Сейчас царит мировое мещанство, тупая политическая чернь, спекулянты минуты, антинациональные круги капитала, антинациональная мысль. Это они то и превозносят Ремарка — чтобы разоружить идейно и физически народы. Это они провозят по всему миру в триумфальной колеснице клоуна Чаплина — символ своего владычества. Это они делают героев из предателей собственных народов. Это они кидают грязь на могилы настоящих героев — и стараются затоптать принизить тех из них, кто еще жив. Это они пытаются угасить все национальное — стереть лицо каждого народа, заменить его плоской маской интернационализма. Это они пролагают дорогу коммунизму — марксизму.

Но национальная мысль, несмотря ни на что, пробуждается во всех странах. Рождается и крепнет национальное действие.

Мы, пожалуй, счастливее других. У нас в России расцвет национализма подготовлен всем ходом революции. Здание национальной империи в сущности готово уже у нас: предстоит только борьба за место в нем новым людям, новым народным вождям.

НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ЦГА СССР
Инв. № 63644

Пусть мрачен сегодняшний день нашей родины. Пусть идет там глухая и кровавая борьба. Именно эта борьба, дойдя до своего апогея, и родит наше будущее.

Пусть мрачен сегодняшний день русского зарубежья. Пусть слабость, разрозненность, сознательное и бессознательное предательство. Новые люди и новые идеи появляются и здесь. Они создадут национальную русскую партию. Сплотятся через нее с людьми России. Из маленькой, но сплоченной национально-революционной партии выростут железные легионы освобождения. Наша партия придет к победе — и тогда растворится в народе, ибо в будущем партии не будут уже нужны, нужен будет только союз народов России.

В день нашей победы голос миллионов — единый и мощный — скажет то, что уже сегодня должно быть нашим лозунгом:

— Да здравствует третья Россия — народная империя! Да здравствует мощное и свободное национальное Государство народов России!

Стокгольм. 17 июня 31 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

УЧЕНИК ЛЕНИНА

I.

Пожалуй, ни один человек современности не привлекает к себе такого внимания, как этот сын тифлисского крестьянина и сапожника, готовившийся в священники, ставший правителем революционного государства.

Еще несколько лет назад он мало кому был известен. Сегодня он сидит — невидимый и недоступный, как подлинный восточный деспот — за толстыми стенами Кремля, и в его кулаке зажаты сто шестьдесят миллионов человеческих жизней и одна шестая часть земли. Он, вероятно, самый мощный из всех властителей сегодняшнего мира. Нет страны, в которой государственная власть представляла бы собой такую безграничную силу, как в сталинской России. Государство там все, народ ничто. И в государстве сейчас почти все — это Сталин.

Его хотели бы знать и понимать вожди политики, капитаны промышленности и финансов старого Запада, — особенно сейчас, когда молот экономического кризиса бьет по взрыхленной войной и революциями почве мира, когда рушатся устои старого порядка, и то, что впереди, покрыто полной неизвестностью. Что

несет с собой этот человек? Как долго судьба будет благоприятствовать его кажущимся фантастическими планам? Каковы будут эти планы завтра? Что нужно делать? Готовиться к бою или к капитуляции? Вооружать армии, организовывать экономическую блокаду, — или заранее договариватся о заказах, кредитах, о разделе рынков, политического и экономического влияния? Или ничего не делать, отдаться течению, сложить безнадежно усталые руки — и ждать, как неизбежного, кровавой бури, геологических потрясений и на Западе?

С затаенным дыханием ловят каждое движение его руки вожди и чиновники «братских» коммунистических партий, восточные генералы, самодержцы, народные трибуны и сотни и тысячи всевозможных проходимцев, ищущих выгоды от народных потрясений, ловящих добычи во взмутившейся воде народных бурь ... Из этой руки, так тяжело и властно упавшей на тело России, во все стороны сыплется золотой дождь субсидий, пособий, авансов. И в этой руке зажаты штыки многомиллионной, вооруженной до зубов армии, которая может внезапно вознести к власти тех, кто сегодня пресмыкается в подполье.

Тысячи тысяч отчаявшихся в справедливости современного строя людей Запада и Востока готовы видеть в нем вождя, избавителя, пророка нового мира. Тысячи тысяч людей его собственной страны готовы поднять его, как знамя, — и нести, и итти за ним, куда угодно, на что угодно, только вперед, только к борьбе и к подвигам. И тысячи тысяч других людей России, разоренных и измученных его властью, с ужасом и ненавистью произносят его имя — как имя самого страшного тирана.

Одни готовы поднять его на недосягаемую высоту. Другие не могут найти слов, достаточно сильных чтобы унизить его.

В его собственном окружении его почти никто не любит. Он правит страхом и интересами, но не привязанностью. Перед ним все дрожат.

...Спокойный, неподвижный, с каменным лицом допотопной ящерицы, на котором живут и быстро двигаются только глаза, улавливающие каждое движение чужого тела и души, он сидит в старом Кремле, или в центре деловой Москвы, на Новой площади — в маленькой комнатке своей квартиры, в зале совещаний правительства, или в просторном рабочем кабинете. И обычно молчит. Предоставляет говорить, высказываться до конца другим. И только выслушав их, уловив все их явные и тайные мысли, он негромко, уверенно, не спеша, отдаст приказание, продиктует резолюцию, от которых что то изменится в судьбе миллионов. И при этом он будет улыбаться — всегда одной и той же неподвижной улыбкой.

Было время, когда он любил поговорить — громко и резко. Было время, когда часто и много смеялся. Сейчас этого нет. Сейчас и улыбка — только маска. Когда он один — маска сходит. Лицо становится мрачным и серым, как тысячелетний камень.

Он один знает полную правду о себе. Знает, как тяжелы сегодняшние дни. Знает, как трудна борьба, вечная, ни на минуту не прекращающаяся. Как малы, в сравнении с затраченными усилиями, как недостаточны, в сравнении с поставленными задачами, как непрочны, наконец, все его достижения. Все это он знает. И еще, самое, может быть, главное: что он —

обреченный человек. Ему не дано войти в будущее. Он падет на его пороге.

Что он такое? — Тяжелый топор, срезающий головы прошлого. Жесткий таран, пробивающий дверь будущего. Рано или поздно дверь будет пробита. А может быть, она пробита уже и сейчас — и он уже не нужен, он живет и властвует только по инерции, не идет вперед, но, как обломок временной рабочей постройки, застрял в проходе в канал будущего — и тормозит уже народную судьбу. Кто знает? Кто это может знать?

Но ясно одно: вечно то напряжение, в каком он держит народные силы, длиться не может. Нельзя бесконечно заставлять живущие ныне поколения народа жертвовать всем ради будущего. Когда нибудь они подымутся и скажут: мы хотим тоже жить — не только для будущего, но и для себя. Таков закон истории. Так кончались все революции — и так, вероятно, кончится и русская, хотя бы она и была самая великая из всех.

Что такое завоевания революции? — Компромисс меж старым и новым порядком, средняя меж высшими точками развития обоих. Но ему, Сталину, не дано видеть линии компромисса. Он слишком ненавидит старое — и слишком уверен в правоте того, что делает сейчас. Он умеет одно: упрямо итти вперед. И он будет итти. Постарается зайти как можно дальше в страшном торге с жизнью, — для того, чтобы потом старому миру удалось отхватить в свои лапы возможно меньше.

Нет, недаром имя, унаследованное от предков, ничего никому не говорящее, он заменил другим, соответствующим его сущности: Сталин. Это значит — че-

ловек из стали. Это значит — человек такой же твердый и такой же гибкий, как сталь. В своей жизни он не раз вынужден был сгибаться. Но ни разу не был согнут до конца. Всегда выпрямлялся, — выпрямившись, наносил противнику новый удар. Так будет, вероятно, до конца его дней: ни жизнь, ни люди его не согнут. Его можно только сломать.

Рано или поздно его сломают. Он обречен, как был обречен Робеспьер. Но что это меняет сегодня? — Пока он стоит на ногах — он будет итти своим путем. Если нельзя итти прямо, если нужен обход — будет лавировать, проявит максимальную гибкость. Но цели поставленной не выпустит из глаз — будет стремиться к ней всем напряжением страшной воли.

II

Он небольшого роста, плотный, мускулистый. Ему сейчас больше пятидесяти лет. Суровая жизнь, тяжелая работа износили и этот организм. Но он всетаки и сейчас еще крепче многих молодых. У него здоровая примитивная натура. Его предки жили простой жизнью, дышали чистым воздухом гор, не были отравлены ядом городской культуры, работали больше руками, чем мозгом. У него и сейчас вместо нервов воловьи жилы. Правда, лицо покрыто морщинами, говорящими о большой и неустанной внутренней работе — и о том еще, что все, что происходит в этом человеке, постоянным напряжением воли сохраняется внутри, не выносится наружу. Цвет лица уже нездоровый: желтовато-бледный. Под глазами мешки. Но

зато на голове под упрямым низким лбом — нетронутая временем шапка густых черных с проседью волос. Над твердым ртом густые черные усы, по восточному свешивающиеся вниз. Подбородок не потерял своей каменной крепости.

В наружности его нет ничего примечательного. Тысячи и тысячи подобных ему внешностью людей бродят по улицам и проселкам Востока: торгуют фруктами, коврами, женщинами, скотом, погоняют верблюдов и ослов, работают в поле, разбойничают в горах, чистят сапоги. Он типичный восточный человек. Ему недостает только обрамления восточной одежды: пестрого халата или черкески.

Одевается он до крайности просто. На нем всегда почти защитного цвета военный костюм — без каких бы то ни было отличий, конечно. Поверх накинута солдатская шинель. Последнее время, впрочем, он начал носить поддевку, напоминающую те, в каких прежде ходили купцы попроще и зажиточные крестьяне. На голове картуз.

Держится он тоже исключительно просто. Всюду и везде старается оставаться немного в тени, за другими, не выпячивать себя на первый план. Это не от природы, это жест, перенятый у Ленина.

Когда Сталин был молод — он думал, что «вожди» должны и внешностью отличаться от массы. Как восточный человек, он привык мыслить об отвлеченных вещах образами. Ленина, с которым он еще не встречался лично, но которого считал самым большим человеком, настоящим вождем масс, он представлял себе и физически крупного роста, великаном даже, статным, представительным. И вот он встретился с Лениным.

— Каково же было мое разочарование, разсказывал он после, — когда я увидел самого обыкновенного человека, ниже среднего роста, ничем, буквально ничем не отличающегося от обыкновенных смертных.

И держал себя этот человек вовсе не так, как в представлении молодого Сталина должен был держать себя вождь.

Сталин думал, что Ленин обязательно запоздает. Даст всем — это было на конференции большевистской партии — предварительно собраться — и с замиранием сердца дожидаться его появления. Потом раздастся: «Тсс... тише... он идет»...

— Эта обрядность казалась мне не лишней, ибо она импонирует, внушает уважение.

Чтобы пережить этот момент, Сталин пришел в собрание одним из первых.

И вот почти одновременно с ним пришел незаметный человек в потертом пальто, в стареньком котелке, в калошах и с зонтиком под мышкой — шел снег. Быстро разделся. Не вызывая с ничьей стороны внимания, прошел в угол, забился там — и стал вести тихую и самую обыкновенную беседу с другими делегатами. И вдруг Сталину говорят:

— Да ведь это Ленин...

— Не скрою, признается Сталин, это показалось мне тогда некоторым нарушением необходимых для вождя правил.

— Только впоследствии я понял, что эта простота и скромность Ленина, это стремление остаться незаметным или, во всяком случае, не бросаться в глаза и не подчеркивать своего высокого положения, — эта черта представляет одну из самых сильных сторон Ле-

нина, как нового вождя новых масс, простых и обыкновенных масс, глубочайших «низов» человечества.

... Живет он просто, почти аскетически. Это уже от природы. Это то, что свойственно всем почти большим честолюбцам, в которых все сосредоточено на одной цели: на власти, как таковой. Им некогда и не к чему растрачивать себя на внешние блага, какие может дать власть.

Он живет в маленькой квартирке в Кремле. Прежде в этих двух комнатках жила какая нибудь прислуга, сторож, вероятно. Одна комната, побольше — столовая. Здесь прежде на диване спал его старший — от первой жены — сын. Потом сын поступил в высшую школу, перешел в общежитие, стал жить, как живут все советские студенты. Долгое время валялся просто на полу, потому что в общежитии не было кроватей, потом устроился немножко лучше, но и сейчас живет, сильно нуждаясь. Это необычная вещь в среде советских сановников. Там дети обычно воспитываются в ультра-буржуазной холе и неге. Но не так у Сталина. Сын Сталина не должен иметь привиллегий.

Другая комнатка — спальня. В ней помещается он сам, его нынешняя жена, тихая, спокойная женщина, дочь его старого товарища Аллилуева, которую все зовут просто — Надя, и двое их детей. У него есть еще дочь — тоже от первой жены — которая замужем за иностранным коммунистом.

Мебель самая простая. На окнах белые занавески. У окна в столовой — мягкое кресло: единственная, пожалуй, роскошь. После обеда, иногда по вечерам, он сидит в этом кресле, курит трубку и думает... напряженно думает. О чем? Этого никто не знает. Дома он еще меньше говорит, чем на людях. Во

время обеда — полная тишина. Только вилки и ножи стучат о тарелки, да звякает о стакан горлышко бутылки, когда он наливает себе вино. Это кавказская привычка — и он от нее не отказался. Вино за едой, да табак — вот его маленькие «пороки».

Прежде пищу приносили ему из лежащей напротив столовой совнаркома, из общей кухни. Теперь ему готовят отдельно. Не потому, что он требует лучшего питания — пища столовой совнаркома очень хороша, да и он неприхотлив. Но пользование общей столовой, как ни проверен там персонал, не безопасно. Всех наркомов и членов ЦК отравлять не станут, но Сталина могут — свои же. По той же причине он не курит чужих папирос, не пьет чужого вина. Во время работы он пьет чай, который приготовляет тут же на электрическом чайнике его секретарь.

На дому у него почти никто не бывает. У дверей квартиры постоянно стоит часовой — он никого без особого разрешения не впустит. Редко — редко — по неотложному делу придет кто либо из наиболее близких: Молотов, Орджоникидзе, Микоян. Иногда кто нибудь из кавказских друзей. Но все только по делу. Никогда просто поболтать. Этого он не любит, на это у него нет времени. Да и дома он бывает очень мало. Дела не ждут. — И жена его мало с кем общается.

Изредка его можно видеть в Большом московском театре: в опере, на балете. Он сидит в боковой ложе партера — это «правительственная ложа», и там всегда можно видеть Енукидзе, Ворошилова, Карахана... Сталин сидит позади, скрытый от публики. Он любит музыку. Это пожалуй единственное его развлечение.

Иногда — последнее время все чаще — он уезжает на несколько дней в одно из загородных имений. Там так же много, как и в городе, работает. Но много и гуляет. Свежий воздух — для него потребность большая, чем пища. Отдыхает обычно за пианолой. Говорят, он радовался как ребенок, когда ему впервые привезли пианолу. Изумительное изобретение: не надо знать музыки — и можно тем не менее разыграть самую сложную вещь. Душа дикаря радуется. Он любит такие чудеса техники. Когда он сидит за пианолой, и из под его грубоватых и сильных пальцев выходят любые звуки, именно те звуки, какие он поставил задачей извлечь, до самых нежных, — ему кажется, что он творит. Техника великая вещь! И, вероятно, он не раз думает:

— Почему мир, почему жизнь, почему люди не устроены так же, как пианола?

III

Он родился в 1879 г. в Грузии, в городке Гори Тифлисской губернии. Его семья — крестьяне села Диди-Лало той же губернии.

Под горячим солнцем Закавказья он быстро рос и креп. Пас баранов, водил лошадей, стриг виноградник. В свободные часы карабкался по горам со стаей таких же, как он, безстрашных оборванцев, командовал ими, был их вождем. Это были счастливые годы. Воспоминания о них — почти единственное, что и сейчас, в сегодняшней напряженной и мрачной его

жизни, падает в душу, как солнечные пятна, согревает ее, сгоняет с лица суровые складки, на минуту освещает его естественной, простой, почти детской улыбкой — и вызывает потребность рассмеяться, пошутить, грубовато, но беззлобно.

Вот он проходит по комнате своего секретариата. Все напряженно ждут: сухого замечания, короткого поручения, грубого окрика. Он останавливается возле личного своего секретаря, несколько секунд задерживается на его тощей, высокой фигуре, на замкнутом молчаливом лице — и вдруг говорит:

— Знаешь что, Товстуха... У моей матери был козел, страшно на тебя похожий. Только он не носил пенсне.

Глаза, которые смотрят на Товстуху, не знающего, смеяться ему или обидеться и еще более замкнуться, прячут в глубине что то любовное, даже нежное. Не думает ли управляющий ими мозг:

— Это, очевидно, хороший человек, ему можно довериться, с ним можно работать, — ведь недаром он так похож на приятеля детства, материнского козла.

Лицо Товстухи расплывается в неловкой, застенчивой, но довольной улыбке...

Это секунды. Сталин опять замыкается. Тяжело захлопывается дверь кабинета. За широким столом опять сидит недоступный диктатор, всех подозревающий, никому не доверяющий, никого не любящий. И всетаки несколько секунд, обвеянных теплым ветерком детства, сближают и связывают двух людей.

...Потом он учился: сначала в Гори, в духовном училище, потом в Тифлисе, в православной духовной семинарии.

В дальнейшем должен был пасти людей — может быть в родном селе.

Жизнь была бы размеренная и ясная.

Он имел бы маленький дом, виноградник, лошадь, стадо баранов, пугливую и тихую жену, кучу детей. Гортанным кавказским голосом читал бы молитвы, поучал людей, разбирался бы несложные их дела, сыпал бы в глубокие карманы рясы потные пятаки, пересчитывал бы кульки приношений — и сурово выговаривал бы тех, кто принес слишком мало. Работал бы до изнеможения в собственном поле, на винограднике. А вечером у окна тихо курил бы трубку перед стаканом мутного домашнего вина. Жена, укладывая спать детей, пела бы унылую однотонную песню. Облака, одно как другое, бесконечной вереницей ползли бы над синими верхушками гор. Этими горами была бы отграничена от всего мира его жизнь — и была бы однотонной и унылой, как песня жены, как полз облаков . . .

Вероятно, отец мечтал для него именно о такой жизни, как о величайшем счастьи. И еслиб отец был жив, и все в том же селе, и сын приехал бы к нему сегодня, в расцвете своей необыкновенной судьбы, — старый Джугашвили сказал бы то же, что писал как то отец-крестьянин Авелю Енукидзе, бессменному секретарю всесоветского ЦИК'а:

— Бросай все, приезжай домой, садись за дело. Хозяйство разваливается, работать некому, а ты глупостями занимаешься. Дурак!

Сосо Джугашвили рано разочаровал отца. Он не хотел быть православным священником. Судьба смиренного служителя религии сильных и богатых не привлекала его. Рано начал он задумываться о жизни. Глаза у него были пытливые и широко раскрыты: он вбирал ими не только яркое солнце, синее небо, соч-

ную зелень родной страны. Он видел нищету, рабство, согнутые спины, выжженные глаза. Когда отец переехал в Тифлис и стал сапожником, сын помогал ему иногда в работе. И каждый раз, когда он брал в руки принесенную для починки обувь, она говорила ему то же, что улицы городов и простор полей, лица людей и покатые бока скота. Он ставил рядом уродливый башмак бедняка и блестящую туфлю — игрушку с барской ноги — и видел перед собой изуродованный несправедливостью мир. Нет, нет. Он не хотел умерять елеем сладкой лжи гнев и скорбь обездоленных.

Но что другое оставалось ему? Под спокойной внешностью трепетала страстная душа: требовала действий, борьбы, подвига. Может быть, уйти в горы, стать разбойником? Это тоже было почетным занятием на его родине. И в детских играх он не раз подражал героям родных гор, друзьям бедных, врагам богатых. Но это не было выходом для него теперь, в годы зрелой юности. Под низким лбом ровными пластами лежал практический, реальный, уравновешенный мозг. Романтика прошлого была не по нем. Так что же всетаки делать? Куда итти? — Он рано начал читать — и много читал. Это были девяностые годы прошлого столетия. Общественная мысль России переживала тогда медовый месяц увлечения марксизмом. Сухие и точные формулы этого учения как нельзя больше отвечали складу сталинского ума и его воспитанию. Он недаром начал формироваться в человека в духовной семинарии. Что то общего было меж догмой марксизма — и догмой учения святых отцов церкви. Та же обманчивая схематическая простота. Надо только усвоить несколько основных положений

— и мир становится ясным, как глаз барана. Марксистские книги указали молодому Джугашвили путь.

Он не стал ни священником, ни разбойником, но сочетал и то и другое. Сочетал оба метода воздействия на людей: идейное убеждение и физическое насилие. Стал революционером.

В 1897 г. его исключают из семинарии за «политическую неблагонадежность». В 1898 г. Сталин вступает в тифлисскую организацию только что образовавшейся российской социал-демократической партии. Ведет пропагандистскую работу в кружках железнодорожных и фабричных рабочих. В 1900 г. учреждается тифлисский комитет партии. Сталин становится его членом, а вскоре и одним из руководителей. «В этот период, разсказывает его оффициальная биография, рабочее движение в Тифлисе начинает выходить из рамок старой, чисто пропагандистской работы с «выдающимися единицами» из рабочих. Агитация в массах путем листовок на злободневные темы, путем летучек и политических демонстраций против царизма становится злобой дня. Разгорается спор между «стариками», сторонниками старых методов чисто пропагандистской работы, и «молодыми», сторонниками «улицы» ... Сталин на стороне «молодых»: его тянет к живым массам, к живому делу.

В этом же периоде он сталкивается с одним из друзей и приверженцев Ленина, Курнатовским, играющим большую роль в революционном движении Закавказья. Курнатовский знакомит Сталина с идеями Ленина. Вскоре Сталин крепко примыкает к Ленину — и становится уже на всю жизнь священником — воином его религии: якобинского марксизма, русского коммунизма, ленинизма.

IV

В маленькой каморке рабочего района Тифлиса над грудами книг и брошюр сидит молодой Сталин и размышляет.

Почему он стал именно марксистом? — Он вышел из крестьянской семьи. Был сыном страны, где преобладали интересы крестьянина и мелкого ремесленника, но не промышленного пролетариата крупных городов. Почему же он выбрал орудием борьбы учение, ставившее во главу угла именно интересы промышленного пролетариата, учение, такое далекое как будто своеобразным условиям России и особенно Закавказья? — Потому же, почему это учение в конце девятнадцатого века стало откровением для большей части русской интеллигенции.

Конец девятнадцатого века принес России неожиданный и бурный рост промышленности. Вместе с промышленностью вырос и обратился в потенциальную силу и русский рабочий класс. И в нем в первый раз за все свое существование революционная интеллигенция России нашла, наконец, тот рычаг, посредством которого — казалось ей — можно было осуществить заветную мечту о революции и повернуть на новый путь народные судьбы.

До тех пор революционная интеллигенция была слишком одинока в своей борьбе с царским самодержавием — и потому из этой борьбы ничего или почти ничего не выходило.

В начале, когда во главе движения стояло либеральное дворянство, — пытались действовать привычным ему методом военно-дворцового переворота. Ничего не вышло. Слишком узок был круг этих револю-

ционеров. Не на кого им было опереться. От своего собственного, дворянского круга они оторвались, выступали против его интересов, от народа же были страшно далеки.

Их преемники — революционеры-разночинцы 60-х и 70-х годов уже ближе стояли народу, но все-таки недостаточно. Они пошли было в крестьянский народ. Решили, что он прирожденный социалист и революционер, и стоит только разбудить пропагандой дремлющие в нем бунтарские инстинкты, чтобы он поднялся как один человек. Народ остался глух. Он жил жизнью, слишком отличной от жизни европеизованной интеллигенции, мыслил иначе, чем она, не понимал ее, как и она его не понимала. В то же время народ был слишком измучен тяжелой судьбой — и его усталая душа не подымалась еще ни на какой протест. Он боялся потерять и то немногое, что имел. Скоро революционеры разочаровались в возможности вызвать революционную самодеятельность масс.

Вот как описывает свое хождение в народ вождь народовольцев, Желябов: «Он пошел в деревню, хотел просвещать ее, бросить лучшие семена в крестьянскую душу; а чтобы сблизиться с ней, принялся за тяжелый крестьянский труд. Он работал по шестнадцати часов в поле, а возвращаясь, чувствовал одну потребность — растянуться, расправить уставшие руки или спину, и ничего больше; ни одна мысль не шла в его голову. Он чувствовал, что обращается в животное, в автомата. И понял, наконец, так называемый консерватизм деревни: что пока приходится крестьянину так истощаться, переутомляться ради приобретения куска хлеба, до тех пор нечего ждать от него чего либо другого, кроме зоологических ин-

стинктов и погони за их насыщением. Подозрительный, недоверчивый крестьянин смотрит искоса на каждого, являющегося в деревню со стороны, видя в нем либо конкуррента, либо нового соглядатая со стороны начальства для более тяжкого обложения этой самой деревни. Об искренности и доверии нечего и думать. Насильно милым не будешь. Почти в таком же положении и фабрика. Здесь тоже непомерный труд и железный закон вознаграждения держат рабочего в положении полуголодного волка... Ты был прав, окончил он, смеясь, история движется ужасно тихо, ее надо подталкивать».

И начали подталкивать историю. Сказали: «вызвать революцию можно не организацией в слоях народа, а, наоборот, сильной организацией в центре можно будет вызвать революционные элементы и организовать из них революционные очаги». Потом пошли еще дальше, и сказали: революция произойдет только тогда, когда сплоченная организация революционеров-заговорщиков захватит верховную власть в стране. Власть это все. Имея власть, можно согласно своих идеалов переделать народную жизнь и самый народ.

Главным орудием борьбы сделали террор. Физическим уничтожением носителя верховной власти и его ближайшего окружения думали дезорганизовать самодержавие, создать обстановку, благоприятствующую захвату власти революционной организацией.

Террор скоро из подсобной задачи обратился в основную и единственную. И скоро оказалось, что им ничего не достигается. Убили одного царя. Только по случайности не убили другого. Казнили ряд сановников. Но самодержавие стояло на месте — не

менее мощным, чем было. Мало того. В ответ на террор революционеров оно усилило свой собственный — усилило и общий гнет в стране. Под ножом правительственного террора силы революционеров таяли с каждым днем. За смерть одного сановника правительство платило казнью десятка революционеров. «Мы проживаем капитал», — говорил тот же Желябов. А либеральное общество, перепуганное террором и революционеров и правительства отшатнулось от террористов. Народные массы по прежнему молчали. Единоборство кучки революционной интеллигенции со всесильным самодержавием кончилось полным ее разгромом. Большая часть интеллигенции кисла, опустила безнадежно руки.

Началась реакция восьмидесятых годов: полоса «мелких дел», культурничество, земская работа, школы, больницы, кружки самообразования, личное самоусовершенствование. Мысль о революции, о захвате власти, коренном переустройстве русской жизни была, казалось, оставлена навсегда. Она тлела еще, но именно только тлела — в ничтожных, не влиятельных группах. Большинство же русской общественности начало мечтать уже не о свержении самодержавия, но о сотрудничестве с ним, не о революции, но о самой хотя бы маленькой реформе. А правительство отнимало одну за другой реформы прошлого.

И вот приходят девяностые годы, рост рабочего класса, рост его сознательности, рабочие волнения, массовые стачки. Рабочий девяностых годов не был уже тем забитым жизнью человеком, которого описывал Желябов. Он осознал себя силой. И вот внезапно как то перед интеллигенцией, вчера еще чувствовавшей себя одинокой, непонятой, ненужной, ока-

зался широкий слой народной массы, живший, как и она, под воздействием европеизованного города, мыслившей поэтому близким ей образом, поддававшейся ее воздействию. В русской жизни распахнулось как будто широкое окно. Активная часть молодого поколения поспешила поднять вывалившееся было из рук отцов знамя революции.

Новые формы движения требовали и новой теории. Старые русские теории под народом почти исключительно понимали крестьянство. Собственную теорию, подходившую задачам работы с новой силой, рабочим классом, русская жизнь не успела создать. Теорию взяли с запада. Так пришли в Россию идеи марксизма. И, пожалуй, ни в одной стране так быстро и так широко не распространялись они, как в России конца девятнадцатого века. Захлестнула волна марксистких идей и далекое Закавказье, где тоже к этому времени начала строиться промышленность и появился промышленный пролетариат. Он, Сталин, попал в общую волну — и стал марксистом.

V

Но скоро Сталин, как и большинство активной молодежи России, заметил, что механически усвоенный ими европейсский марксизм их не удовлетворяет.

В первую очередь молодежь России пришла к выводу, что марксизм, принесенный в Россию, не был революционной теорией. Марксизм был принесен в Россию в том виде, каким он стал на западе в конце девятнадцатого столетия. Это не был якобинский

марксизм сороковых и пятидесятых годов, питавшийся от тех же революционных источников, что и русская мысль той же эпохи. Это был выхолощенный марксизм эпохи политического декаданса, марксизм старости, артерио-склероза, марксизм бездейственных и продажных парламентов, партийных и профессиональных канцелярий.

— Мы искали смелое и молодое лицо богини баррикад, — пишет в письме другу один из марксистов той эпохи. — Вместе этого мы увидали старую подмазанную куртизанку. Мы с отвращением отвернулись от нее . . .

Это были жестокие — и немного слишком напыщенные слова. Но в них было много правды. Европейский марксизм не соответствовал темпераменту активных слоев русской молодежи того времени. Эта молодежь стремилась — по примеру своих предшественников, семидесятников — к революции: к революционной диктатуре, к безраздельному захвату власти, к коренному переустройству народной жизни. Она рвалась на баррикады, к революционным боям. А европейский марксизм звал ее к терпению, к вере в стихийность исторического развития, предлагал довольствоваться маленькими компромиссами, тощими косточками со стола господ.

Марксизм говорил: если капитализм неизбежен, если капитализм в своем развитии неизбежно меняет и политические формы, так, как он изменил их на западе, — то зачем же толкать историю? — Россия должна придти и придет к западному парламентарному строю.

Точно также когда нибудь придет и социализм. Надо только верить в силы пролетариата. Если про-

летариат стихийно влечется к социализму, потому только, что он пролетариат, то опять нет надобности толкать историю: ничто не сможет свернуть пролетариат с его исторического пути, и социализм, независимо от активности или пассивности нашей, будет.

Зачем же тогда горячиться, зачем безрассудная борьба, истощающие усилия, ненужные жертвы? Нужна ли вообще политическая борьба? Не лучше ли основное внимание сосредоточить на экономических, бытовых вопросах, облегчать, устраивать материальную жизнь рабочих? А если уж бороться, то надо бороться в пределах реальности, бороться за достижимые цели, а не зарываться, не прыгать в неизвестность, не пытаться перескочить через неизбежные стадии развития. История запада говорит, что на смену полуфеодальному строю царизма придет буржуазно-демократический парламентаризм. Скачков история не знает. Следовательно, революционные задачи пролетариата сводятся сейчас к одному только: к завоеванию власти для русской буржуазии.

Но молодежь не хотела ждать. Она не хотела и таскать из огня каштаны для других. Бужуазии своей она так же недоверяла, как и самодержавию. Она не отделяла одно от другого. Она помнила старые слова Михайловского: «Россия только покрыта горностаевой царской порфирой, под которой происходит кипучая работа набивания бездонных приватных карманов жадными приватными руками. Сорвите эту когда то пышную, а теперь изъеденную молью порфиру, и вы найдете вполне готовую, деятельную буржуазию. Она не отлилась в самостоятельные политические формы, но только потому, что ей так удобнее исполнять свою историческую миссию расхищения народного достоя-

ния и присвоения народного труда... Европейской буржуазии самодержавие — помеха, нашей буржуазии оно — опора». В правильности этой старой мысли русская молодежь убедилась в первую революцию, когда русская буржуазия сомкнутым строем стала на защиту самодержавия против народа.

Первое, что сказала себе русская молодежь, всмотревшись в усвоенный ею марксизм:

— Назад к марксизму сороковых и пятидесятых годов! К якобинскому революционному марксизму.

... Но скоро выяснилось, что одной реставрации революционного содержания марксизма недостаточно, чтобы сделать его приемлемой для России теорией. Выяснилось, что марксизм, вообще, даже очищенный марксизм, русским условиям не подходит: не покрывает жизненных запросов страны, не объясняет ее конкретной действительности. Марксизм прежде всего не мог разрешить аграрного вопроса в соответствии с интересами русского крестьянства. Марксизм вообще не понимал крестьянства — и не мог на него опереться. Он имел двух идолов, которым поклонялся: буржуазию и пролетариат. Что до крестьянства, то он почти совсем скидывал его с исторических счетов, рассматривал его, во всяком случае, не как силу будущего, но как какое то историческое недоразумение, как промежуточный слой человеческих масс, обреченный на неизбежную гибель под колесницей капитализма и пролетаризации. Все это вполне понятно. Марксизм исторически не мог сомкнуться с крестьянством: он возник на западе и в странах, где крестьянский вопрос вообще не играл такой большой роли, сложился в твердую догму в эпоху, когда крестьянские интересы временно были отодвинуты историей запада

на второй план. Но и на западе однобокая узость марксизма, как чисто городской и построенной на временной и случайной конъюнктуре теории, должна была рано или поздно привести либо к его затуханию, либо к коренной реформе. В России же, по мере дальнейшего развития ее истории и прояснения сознания ее революционеров и ее народных масс, чистый марксизм неизбежно должен был оказаться в конце концов совершенно не ко двору — и быть выброшенным на свалочное место истории, как ненужная никому ветошь. Ибо в России крестьянские интересы стояли во главе угла. В России крестьянство было основным слоем населения и решающей исторической силой. Именно крестьянский вопрос создавал в России революционную обстановку — и именно только переход крестьянства на сторону революции мог обеспечить ей успех. Это сказалось уже в первые годы двадцатого столетия, когда волна крестьянских беспорядков — и именно она — заставила задрожать царский строй. Это сказалось с особенной силой в революцию 1905 г. — отлив крестьянской волны обрек революцию на поражение, несмотря на все усилия пролетариата и революционной интеллигенции. Наконец, только крестьянство решило судьбу революции 1917 г. — как оно же решит и судьбу сегодняшнего дня.

Не разрешал марксизм и сложного в России национального вопроса. Не разрешал он многого другого. Самое главное: он не понимал и потому отрицал глубокое своеобразие русского исторического развития, навязывал России рабское подражание европейскому пути, повторение всех его стадий.

Вначале всего этого не замечали — пока борьба из подпольных каморок революционеров, от споров за

чайным столом, не перешла в самую жизнь. Частью же не хотели этого замечать. Были слишком увлечены отрицанием старых теорий социализма, которые не сумели в свое время поднять на революцию массы, а поэтому, как казалось, никуда не годились. Слишком боялись отступиться от новой теории, чтобы не оказаться ни с чем, в идейном обнажении. И потому долгое время вместо коренной переделки марксизма, вместо приспособления его к русским условиям, пытались Россию приспособить к нему, насилуя для этого факты, цифры, всю свою политику. В конце концов зашли в тупик. В результате значительная часть нового революционного поколения, вступившего в жизнь в начале двадцатого века, отвернулась от марксизма, которым вначале так пылко увлеклась, вернулась к реформированным формам русского народнического социализма. Другая же — меньшая часть — пошла по пути переделки марксизма, оставив от него, в конце концов, только метод. В момент великой революции оба течения встретились: от их слияния образовалась чисто-русская, хотя и принимавшая во внимание европейский опыт, революционная теория — ленинизм.

VI

Ленин был тем человеком, которому история поручила организовать русскую революцию: создать ее теорию и тактику, подготовить кадры ее руководителей. Вся жизнь ушла на это: жизнь, полная постоянной борьбы с самим собой и другими, неутомимой и

напряженной работы, мучительных исканий, сомнений, тягостных ошибок, жестоких разочарований, радостного предвкушения и переживания побед. Но этой жизни не хватило. Ленин умер, не завершив поставленной перед ним историей задачи. Русская революция с его смертью не кончилась, постройка будущего не была готова. Ее окончание пало на плечи наследников Ленина — настоящих и будущих. Именно наследников: ибо и люди сегодняшнего дня России и люди ее будущего выросли и выростают под знаком его идей и дел.

... В 1900 г. тридцатилетний Ленин, отбыв сибирскую ссылку, приехал заграницу. Приехал туда уже сложившимся человеком: с большим запасом знаний и опыта, с продуманным планом действий, а, главное, с громадной уверенностью в свои силы, с сознанием своей исторической миссии. «В России, в студенческих кружках, в первых социал-демократических группах, в ссыльных колониях он занимал первое место, — пишет Троцкий. Он не мог не чувствовать своей силы уже потому, что ее признавали все, с которыми он встречался и с которыми он работал... Ленин приехал заграницу не как марксист «вообще», не для литературной работы «вообще»... Нет, он приехал, как потенциальный вождь, и не вождь «вообще», а вождь той революции, которую чувствовал и осязал. Он приехал, чтобы в кратчайший срок создать для этой революции идейную оснастку и организационной аппарат».

Русская социал-демократическая партия в то время формально уже существовала. В 1898 г. состоялся ее первый съезд. Но фактически партии не было. Не было цельности ни теории, ни человеческого материа-

ла. Теория представляла собой разный у разных людей, в общем довольно безсвязный набор механически усвоенных, не всегда даже понятых формул европейского марксизма. В составе партии были люди разных настроений и темпераментов: и будущие революционеры, и будущие «меньшевики», и вожди либерально-буржуазных течений. Крепкого организационного костяка у партии тоже не было. Не было, прежде всего, руководящего центра. Большинство самозародившихся местных организаций было разгромлено. Остальные действовали врозь.

В основе планов Ленина лежало: создать заграницей, вне ударов царизма, общерусскую политическую газету, как центр идейного и организационного сплочения революционной партии. Газета скоро была создана: «Искра». Она сделала свое дело. Она очистила партию от чисто-буржуазных элементов, притянула к ней новые слои революционного молодняка, создала и сплотила ее местные организации, создала возможность выработки первого варианта цельной партийной программы. «Искра» подготовила созыв в 1903 г. второго — фактически же первого, положившего начало ее существованию — съезда партии.

В руководстве «Искрой» объединились «старики» русского социал-демократического движения, люди громадного политического опыта, больших знаний, с громкими именами — Плеханов, Аксельрод, Засулич, — и «молодые», мало кому еще известные, но несшие с собой веяния зарождавшейся в России борьбы, — Ленин, Мартов, Потресов, несколько позднее — Троцкий.

«Старики», несмотря на весь их опыт и авторитет, скоро отошли на второй план. Развивавшаяся в Рос-

сии борьба, хотя и зародилась не без влияния их агитации, но развивалась без их непосредственного в ней участия — и живых элементов этой борьбы, конкретной обстановки их бытия они не знали. Они были слишком оторваны от русской почвы — и потому не могли быть руководителями движения, сошли невольно на роль попутчиков. Вождями стали «молодые».

...Русское подполье внимательно следило за развитием «Искры». И особенно внимательно следило за Лениным. Как всегда бывает при зарождении революционного движения, люди, отдавшие себя целиком революционной борьбе, инстинктивно искали героя, вождя, первосвященника, которой просветил бы их истиной верой, показал бы настоящий путь, к которому можно было бы слепо и всем существом и на всю жизнь прилепиться. Такого человека до сих пор не было. Такого человека они увидели, почувствовали, вернее, в Ленине.

— Я пришел к выводу, разсказывает Сталин о своих тогдашних переживаниях, что в Ленине мы имеем человека необыкновенного.

— Он не был тогда в моих глазах простым руководителем партии, он был ее фактическим создателем, ибо он один понимал внутреннюю сущность и неотложные нужды нашей партии. Когда я сравнивал его с другими руководителями нашей партии, мне всегда казалось, что соратники Ленина — Плеханов, Мартов, Аксельрод и другие — стоят ниже Ленина целой головой, что Ленин в сравнении с ними не просто один из руководителей, а руководитель высшего типа, горный орел, не знающий страха в борьбе и смело ведущий вперед нашу партию по неизведанным путям русского революционного движения.

VII

Сам Сталин тогда еще не встречался с Лениным. Он знал его, как и большинство работников русского подполья, только по статьям, книжкам, да по разсказам ездивших заграницу. Те, кому удавалось повидать Ленина, приезжали обратно в восторге и подтверждали его собственные мысли об этом человеке. Они рассказывали все, что они видели и слышали заграницей, в революционном центре. Сообщали, что в «Искре» нет уже согласия, что там напряженная атмосфера. По внешности все гладко, но чувствуется, что что то внутри лопнуло. Хмурятся «старики». Нервничает Мартов. И все недовольны Лениным. За глаза его называют «самодержцем», «социал-демократическим ханом», упрекают в том, что он всех хочет подмять под себя, что он нетерпим, непримирим. Но сами приезжие этого не замечали. Природная властность Ленина им только импонировала. Их она не давила. Наоборот: Ленин им казался ближе всех.

Рассказывали о посещениях Плеханова. Он принимал нехотя, разговаривал свысока. Давал на каждом шагу чувствовать свое превосходство... Особенно неуютно чувствовали себя у него рабочие. Им непривычно было сидеть на мягких стульях в нарядной в сравнении с их русскими рабочими казармами квартире. Их поили чаем, и чай подавали на блестящем подносе в тоненьких фарфоровых чашечках.

— Того и гляди раздавишь!...

Разсказы о России Плеханов слушал неохотно, недоверчиво как то, всем видом показывал, что он все заранее знает.

А вот когда приходили к Ленину, то там чувствовали себя как дома, как в Баку или в Тифлисе. Гостиной ему служила кухня. Сидели за простым белым сосновым столом, пили чай из простых стаканов, тут же стоял чайник, тут же хлеб. Ленин сам нарезает хлеб, мажет маслом — и непрестанно расспрашивает, всем, каждой мелочью интересуется: и как живут, и что думают, и что делают не только в политике, но и в простой жизни.

— Выйдешь потом от него и думаешь: да ты ведь, батенька, у него весь как на ладони... И никакого стеснения перед ним. И как он нас понимает!

Разсказывали о Мартове, который играл в редакции вторую после Ленина роль. Несерьезный он какой то, легковесный. Придет, неряшливый весь, взъерошенный, заговорит быстро — быстро, никого не слушая, никому не давая слова сказать, говорит о чем угодно, на любую тему, быстро с одного на другое перескакивает, горячится, руками махает, слюной брызжет. А замолчит — и непонятно, к чему все это говорил, и неясно, что хотел сказать. Все ни к чему как то. И сам он скоро то, что сказал, забывает...

И дома Мартов был такой же суетливый, бестолковый, беспорядочный. Везде у него ворохами лежат книги, газеты, бумаги. Когда ему что либо нужно, долго суетится, ныряет в груды бумаг, пока найдет, что нужно. А у Ленина во всем удивительный порядок — и чувствовалось, что тот же строгий порядок и у него в голове, как тот же беспорядок у Мартова. Ленин неохотно слушает мартовскую трескотню — и часто уныло и укоризненно покачивает головой: нет ясности и твердости в Мартове. Приезжие чувствовали, что отношения Мартова и Ленина какие то не-

нормальные, натянутые. Они и на «ты» еще, а все какой то холодок ощущается. Приезжие чувствовали, что это не случайность и непоправимо.

— Разные они люди... Там знаешь, что о них говорят: Ленин твердый, Мартов мягкий. Нет. Долго им вместе не работать.

Когда несколько лет спустя Сталин прочел у Троцкого характеристику Ленина по «Искре», ему вспомнило это определение «твердый», и он довольно покачивал головой. Троцкий с присущей ему яркостью писал:

— Там, где нужно было оформить, закрепить, приковать, завязать мертвой петлей, там, где нужно было: «чтобы не ды-ша-ла!» — там решительно и талантливо выступал товарищ Ленин.

— Ловко, думал Сталин. — Именно так: чтобы не ды-ша-ла!... Чтоб не смели дезорганизовать партию и коверкать ее оппортунисты и раскольники всех мастей. Правильно!

И ему вспоминалось, как те же приезжие передавали отзыв о Ленине Засулич:

— У него — мертвая хватка...

Для Сталина Ленин был единственный настоящий человек. Больше всего импонировала ему ленинская твердость и властность. «Необыкновенный человек», — часто повторял он.

— Это впечатление, пишет он много лет спустя, так глубоко запало мне в душу, что я почувствовал, необходимость написать о нем одному своему близкому другу, находившемуся тогда в эмиграции, требуя от него отзыва.

— Через несколько времени, будучи уже в ссылке в Сибири — это было в конце 1903 г. — я получил

восторженный ответ от моего друга и простое, но глубоко содержательное письмо Ленина, которого, как оказалось, мой друг познакомил с моим письмом. Письмецо Ленина было сравнительно небольшое, но оно давало смелую, бесстрашную критику нашей партии и замечательно ясное и сжатое изложение всего плана работы партии на ближайший период. Только Ленин умел писать о самых запутанных вещах так просто и ясно, сжато и смело, когда каждая фраза не говорит, а стреляет. Это простое и смелое письмецо еще больше укрепило меня в том, что мы имеем в лице Ленина горного орла нашей партии...

VIII

Для людей, далеких от жизни той или иной политической партии, история ее развития, внутренних споров, схождения и расхождения идей и людей, — все это представляется чем то скучным, мелким, нестоющим внимания. Особенно, если партия эта — подпольная и по тем или иным причинам не получает заметного во вне влияния на жизнь данной эпохи.

— Ну что, в самом деле, интересного: копошатся какие то людишки, занимаются какой то ерундой.

Внимание большинства людей обычно занято только тем, что делается у всех на виду. И хотя бы на подмостках исторической сцены копошились без толку и без смысла всего только жалкие статисты, — на них смотрят, потому что они на виду, о них думают, что они имеют значение и силу — только потому, что они называются министрами, вождями парламентских

партий и пр. и тпд. Процессы же более важные, часто определяющие потом все направление эпохи, проходят незаметными, поскольку их авторы и актеры не вышли еще на подмостки истории.

И вот партия, которая вчера еще была никому почти неизвестной сектой странных и даже смешных фанатиков непонятных идей, сегодня вдруг становится у власти в огромной стране, начинает подлинно влиять и на судьбы своего народа и на окружающий мир. Люди в изумлении спрашивают:

— Откуда это взялось? Как это зародилось?

Как то не верится, что из споров о букве программы, из того, что Ленин был «твердый», а Мартов «мягкий», из того, что чистый марксизм был ревизован, а старое народничество возрождено, из того, что когда то жил всеми забытый Ткачев, а над организацией революционной партии думал гениальный неудачник Нечаев, из этого и из многого другого, что делалось в потемках революционного подполья, родились, в конце концов, громадные события, почти геологические перевороты, возникли новые политические и экономические формации, над которыми задумывается сейчас весь мир.

— Мы вспоминали однажды с Владимиром Ильичем, — рассказывает Крупская, описывая эпоху 1903 г., — одно сравнение, приведенное где то Л. Толстым: идет он и видит издали — сидит человек на корточках и машет как то нелепо руками; он подумал — сумасшедший, подошел ближе — видит человек нож о троттуар точит. Так бывает и с теоретическими спорами. Слушать со стороны: зря люди препираются, вникнуть в суть — дело касается самого существенного.

... На съезде партии в 1903 г. произошел раскол. Произошел он по вопросу: какие требования надо предъявлять члену партии. Ленин требовал, чтобы партия состояла из профессиональных революционеров, отдающих ей не только свое сочувствие, известную материальную поддержку, изредка свободные вечера, но всего себя, всю свою жизнь. Мартов настаивал на принятии в партию всех, кто сочувствует ее идеям.

Вопрос, как будто бы пустяшный. Многие из заграничных партийных интеллигентов пожимали плечами: «Можно ли раскалывать из за этого партию?». Но Ленин прекрасно знал, что это не пустяки. Несколько лет спустя он говорил Троцкому:

— Раскол 1903 г. был, так сказать, антиципацией, предвосхищением.

Предвосхищением? Чего? — Неизбежного и резкого размежевания русского освободительного движения по двум линиям: реформы и революции. Неизбежного раскола не только социал-демократии, но всей массы русских революционеров на два слоя: якобинцев и жирондистов революции.

В 1903 г. две линии движения не так еще ясно сказывались. Люди обоих слоев говорили тогда примерно одними и теми же словами и примерно об одних и тех вещах. Но «маленький» вопрос — как строить партию — уже предопределял лицо каждого слоя. Ибо это был вопрос не только о том: к а к, но и о том: д л я ч е г о строить партию: для революции, или для реформы. Для каждой из этих целей требовались и разная структура партии и разные люди в ней. Так стоял вопрос. Он вовсе не был «пустяшным».

Те, кто пошли за Мартовым, — на съезде они оказались в меньшинстве, почему их и назвали «меньшевиками» — это были «мягкие», Жиронда социал-демократии, герои реформы.

Они свято полагались на классовое самосознание пролетариата, на его стихийный бег к социализму. В этом отношении они были точной копией западных социал-демократов. Им нужна была легальная рабочая партия, включающая в себя рабочую верхушку и широкие круги радикальной сочувствующей рабочему движению интеллигенции. Они тоскуют по профессорам и гимназистам, — иронизировал Ленин. Поднявшись на плечах этой партии наверх, сделавшись наподобие заграничных легальных революционеров, «социалистами его величества», они хотели от имени рабочего класса заключить выгодное соглашение с правящими кругами — и на базе этого соглашения медленно двигаться по гладкой лестнице стихийного прогресса.

В их среде было много умных и честных людей. И если бы русской истории суждено было разрешить свои больные вопросы на путях реформы — эти люди принесли бы немало пользы и рабочему классу, как таковому, и общему делу демократизации русской жизни. Но русская жизнь была беременна революцией. С революцией же этим людям нечего было делать, хотя они и говорили о ней. Для революционного действия у них не было достаточно дерзания, идейной смелости, мужества дел. Они были слишком слабы: одни от усталости, от старости, потому, что «выдохлись», другие, большинство, от природы. Это были типичные представители пассивной, лишенной борческого инстинкта, соглашательской части человечества — человеческого болота. Их настроения еще

в эпоху «Искры» прекрасно выразил старик Дейч в разговоре с молодым Троцким:

— Никакого вооруженного возстания, юноша, не будет и не нужно его. На каторге у нас были петухи, которые по первому поводу лезли в драку и погибали. Я же занимал такую позицию: держаться твердо, давать администрации понять, что дело может дойти до большой драки, но в драку не лез. Этим путем я добивался и уважения со стороны администрации, и смягчения режима. Подобную ж тактику нам нужно применять и к царизму, иначе нас разобьют и уничтожат без всякой пользы для дела . . .

Что было делать таким людям в революции! Они и не хотели и не умели переделывать жизнь, они не бросали вызова старому миру, но примирялись с ним, шли по течению, в хвосте событий. И когда революция пришла — все эти люди сначала тормозили ее развитие своей линией вечного компромисса, своим вечным сидением меж двух стульев — а потом были выброшены за борт ее жизни. Революционной России они не были нужны!

IX

Ленин чувствовал, что Россия беременна революцией. И потому он упорно шел к ней — и в соответствии с этим строил партию и подбирал людей.

Основным вопросом революции, говорил Ленин, является вопрос о власти. Только захватив власть — только силой революционной диктатуры можно преобразовать страну и народ. В этом, в частности, аль-

фа и омега революционного марксизма. Но как захватить власть? — При помощи рабочего класса. Это тот рычаг, ухватившись за который, можно произвести народную революцию.

Именно народную, а не только рабочую революцию. Можно, говорил Ленин, бороться с буржуазно-демократическим злоупотреблением словом народ, можно требовать, чтобы этим словом не прикрывались классовые антагонизмы внутри народа. Можно настаивать на полной классовой самостоятельности пролетариата. Но вместе с тем: мы разлагаем народ на классы вовсе не для того, чтобы передовой класс замыкался в себе, ограничивая себя узенькой меркой, кастрировал свою деятельность, но для того, чтобы этот класс со всей решительностью боролся за дело всего народа, во главе всего народа.

— Во главе всего народа и в особенности крестьянства — за полную свободу, за последовательный демократический переворот, за республику! Во главе всех трудящихся и эксплоатируемых — за социализм! Такова должна быть на деле политика революционного пролетариата.

Но если рабочий класс — рычаг, поворачивающий народные судьбы, то нужна сила, которая в свою очередь могла бы повернуть этот рычаг. Сам по себе он повернуться не может. Надеяться на стихийность рабочего движения нельзя. Умной экономической политикой правящих слоев — рабочий класс в лице своих верхушечных слоев может быть подкуплен за счет других слоев населения — крестьянства, напр., колониальных народов — и может на время отказаться от политической борьбы, ограничиться одной экономической. Социализм вовсе не присущ рабочему классу

от природы. Социализм — учение, которое выработано революционной частью буржуазной интеллигенции. И с тем же успехом, как это учение, даже, может быть, с большим успехом, рабочий класс может усвоить и чисто буржуазную идеологию. Следовательно, рабочим классом надо руководить, надо толкать его на политическую борьбу, надо организовать его для революции. Таким руководителем может быть только революционная партия.

Как должна быть построена такая партия? — По образцу, данному якобинцами, по образцу, прекрасное оформление которого в русских условиях дали революционеры 70-х годов. Это должна быть партия профессиональных революционеров, готовая на все. Она должна быть жестко централизована, строго законспирована, должна иметь жесточайшую дисциплину. Ее учение, принятое ее руководством, должно быть для всех членов свято. Никаких отступлений, никакой разноголосицы, никакой свободы критики. Высшие органы не избираются. Партией правят основавшие ее вожди. В период подпольной работы нет места выборности, демократизму. Решения вождей должны быть законом, подлежащим такому же беспрекословному исполнению, как приказы военачальника во время боя. Революция есть бой. Члены партии — солдаты революции. Вернее: воины-монахи ее, ибо у них, раз они вступили в партию, нет уже личной жизни... Только с такой партией можно организовать рабочий класс, через его посредство организовать народ — вызвать общенародную революцию, встать во главе ее, преобразовать страну, рабочий класс, весь народ, человечество, мир.

— Дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию! восклицал Ленин.

Все это были взгляды, резко противоположные взглядам меньшевиков. Троцкий был прав, когда, сравнивая тех и других, писал в 1904 г.: — Два мира, две доктрины, две тактики, две психологии, отделенных пропастью!

...За Лениным пошло большинство съезда 1903 года. Но зато на сторону Мартова перешла вся почти заграничная партийная интеллигенция — и все руководители «Искры». Дольше всех с Лениным оставался Плеханов, но и он в конце концов перешел в противный лагерь. Ленин остался заграницей почти в полном одиночестве. Но за его плечами сомкнутыми рядами стояло русское революционное подполье.

За ним стояли все активные люди партии, непримиримые, нетерпимые, воины по природе, не сгибающиеся перед жизнью, но старающиеся ее переделать, приспособить к своим идеалам, готовые всегда, если не дано победить, погибнуть в борьбе. Это были прямые наследники прежних поколений русских революционеров особенно героического поколения 70-х годов. Их отличала от последних только их марксистски окрашенная теория, да еще то, что в их среде были сейчас уже не одни интеллигенты — разночинцы и дворяне, но и много людей народа, выходцев из крестьянства и рабочего класса. Они были, пожалуй, грубее, жестче, но зато лучше знали народную жизнь, ближе были народной среде, сильнее могли на нее влиять.

В высшей степени характерно, что люди русского революционного подполья, пошедшие за Лениным, не только охотно принимали утверждавшееся им, по сло-

вам меньшевиков, «самодержавие» в партии, его жесткий централизм, но шли, пожалуй, еще дальше, чем он. После раскола, когда меньшевики выдвинули лозунг свободы мнений в центральном органе партии, хотели вообще создать из центральных ее организаций парламент разных течений, люди подполья, люди типа Сталина, писали заграницу:

— В партии революционного пролетариата не может быть и речи о представительстве в центральных организациях каких-то разных течений.

— Если франкфуртский парламент представлял все революционные течения Германии 48-го года, то он был простой говорильней, неспособной ничего предпринять для успеха революции. Если парижская коммуна 71-го года пала, то ближайшая причина та, что в ней были представлены разные направления, представители разных, часто противоречивых интересов. Каждый тянул в свою сторону, в результате — споров было много, дела — мало. Если Гора 93 года действовала энергично, решительно, то потому, что была достаточно однородна. И Гора 93 года, хоть и погибла, но навсегда бесповоротно решила дело революции. И надо сказать не только о России, но и о всемирном пролетариате, что ему необходимо подготовлять и подготовляться к получению сильной, властной организации. Без сильной, властной централизованной организации он не сможет управлять, не сможет использовать в своих целях власть ... Подготовка пролетариата к диктатуре — такая важная организационная задача, что ей должны быть подчинены все прочие. Подготовка состоит, между прочим, в создании настроения в пользу сильной, властной пролетарской организации, выяснение всего значения ее.

Можно возразить, что диктаторы являлись и являются сами собой. Но так не всегда было, и не стихийно, не оппортунистически должно быть в пролетарской партии. Здесь должна сочетаться высшая степень сознательности с безусловным повиновением — одно вызывать должно другое (сознание необходимости есть свобода воли).

Это было первое утверждение идей, с которыми впоследствии пришел и укрепился у власти Сталин.

X.

Впервые Сталин встретился с Лениным в Таммерфорсе, в Финляндии.

Это было в декабре 1905 г. Первая русская революция подошла к своему кризису. Правительство, растерявшееся вначале от неожиданности удара, опомнилось и твердо ступило на путь военной диктатуры. В ноябре было подавлено кронштадтское восстание. Затем — севастопольское. Затем был арестован Петербургский совет рабочих депутатов. По всей стране были рассыпаны карательные отряды, железом и кровью восстанавливавшие порядок. Волна революции в низах населения еще росла. Подавленные в одном месте, ее силы прорывались в другом. Но круги буржуазии, готовой было в начале поддержать революцию, уже от нее отшатнулись. Колебались, нерешительно топтались на месте меньшевики и другие соглашательские группы. Во многих местах благоприятный для действия момент был упущен. А правительство параллельно политике крови шло к умеренным кругам

с предложением компромисса. Был опубликован закон о выборах в Государственную Думу. Им урезались права низов населения — но верхушечные слои получали, как будто, долгожданную конституцию. И они готовы были принять участие в выборах. А это значило — ослабить у населения волю к борьбе.

Конференция проходила с громадным подъемом. «Это, вспоминает Крупская, был самый разгар революции, каждый товарищ был охвачен величайшим энтузиазмом, все готовы к бою. В перерывах учились стрелять».

Вопрос об отношении к Государственной Думе стал в центре конференции. Стоявшие под влиянием меньшевиков делегаты высказывались за участие в выборах.

Это вызвало резкую отповедь со стороны Сталина. Он только что приехал с Кавказа. Он видел в Баку армяно-татарскую резню. Он видел, как расправлялись отряды правительства с восставшими крестьянами Кутаисской губернии. Он видел соглашательскую политику меньшевиков, бывших особенно сильными в кавказских организациях — и был убежден, что именно эта политика может привести к срыву революции. Его требованием было: никаких соглашений, никаких компромиссов — борьба до конца. Или мы сейчас победим — или никогда.

— Посмотрите, — говорил он. — Правительство залило всю страну кровью. Правительство издевается над общенародным требованием созыва учредительного собрания. Закон о выборах в Думу — это только попытка правительства обмануть пролетариат и крестьянство и отсрочить свою окончательную гибель. Ведь этот закон фактически исключает из уча-

стия в Думе пролетариат и массу крестьянства... Как же мы, народные революционеры, можем пойти на соглашение с правительством на базе этого закона? А участие в выборах — это и есть соглашение. Нет. Единственным ответом всего сознательного пролетариата России на новый царский закон может быть только решительная борьба против этой, как и всякой другой подделки народного представительства. Надо сорвать эту полицейскую думу, отвергнуть всякое участие в ней. Избирательные собрания надо использовать не для выборов, но для того, чтобы расширить революционную организацию пролетариата и вести во всех слоях народа агитацию за вооруженное восстание. Восстание — вот единственный выход сейчас. Оно должно быть немедленно подготовлено и организовано повсюду. Только его победа даст возможность созвать действительно народное представительство, учредительное собрание. Итак — не на соглашение, но на бой! Да здравствует вооруженное восстание!

Сталин волновался вначале. В первый раз он выступал перед собранием руководящей группы партии. В первый раз он говорил перед Лениным. Но Ленин смотрел на него заинтересованными глазами — и одобрительно покачивал головой. Голос Сталина креп. Он кончил при всеобщем одобрении. Его точка зрения была принята. Никто не знал, что в этот момент восстание уже началось в Москве — что судьбы революции были брошены на весы.

На той же конференции обсуждались вопросы партийной организации и тактики. Так как успех революции требовал, по мнению многих, объединения всех сил рабочего класса, и на том же настаивали и рабочие массы — было решено попытаться объединиться с

меньшевиками, восстановить единство партии. И так как в условиях революционных «свобод» партия перестала быть подпольной и могла, как будто, разворачиваться в массовую, решено было отступить от организационных принципов подполья: на принципе «демократического централизма» провести в партии широкое выборное начало с предоставлением выборным центрам всей полноты власти в деле идейного и практического руководства, наряду с их сменяемостью, самой широкой гласностью и строгой подотчетностью их действий.

Сталин не принимал участия в обсуждении этих вопросов. Угрюмо молчал. Все это ему не нравилось. Он не верил ни в возможность и целесообразность объединения с меньшевиками, ему претил какой бы то ни было демократизм.

— К чему это? — сказал он, когда Ленин в перерыве спросил о его мнении. — Боевая партия должна иметь постоянный состав руководителей, не зависящих от случайности выборов. Разве на войне выбирают начальников?

Ленин усмехнулся:

— Ничего не поделаешь. Новая обстановка — нужно искать и новые формы. Но в чем дело? Ведь по существу ничто не меняется. Правят не те, кто голосуют, а те, кто правят. И уже от уменья тех, кто правит, зависит, чтобы они всегда были выбраны...

Сталин всетаки был недоволен. Лишь много лет спустя он понял, что «демократический централизм» — прекрасная вещь, если уметь распоряжаться его аппаратом...

XI.

...Они вышли вместе из Народного Дома, где происходила конференция. Было холодно. Дул резкий ветер. Но они долго ходили по улицам Таммерфорса.

Ленина интересовал этот человек, о котором он уже слышал, как об одном из самых решительных и твердых революционеров Закавказья. Он хотел присмотреться к нему ближе. Он долго и внимательно расспрашивал его о его работе, о жизни, о людях, с которыми он встречался, о книгах, какие читал. Время от времени Ленин бросал короткие замечания... и их тон был довольный, удовлетворенный. Этот человек был именно того типа, что нужен ему.

— Еслиб из таких вот людей состояла вся партия, мы бы давно победили, — думал он.

— В нем есть, в этом невзрачном грузине, какая то большая и напряженная внутренняя сила. Он не блестит, он не обращает на себя внимания, но... я не хотел бы попасть в его руки, если в этих руках будет власть... Кого он напоминает?..

И вдруг ему вспомнилось. Только вчера ему шутливо передавали, что один из делегатов, кажется, Преображенский, с жаром доказывал, что ему, Ленину, суждена роль Робеспьера русской революции. Это, впрочем, говорили не в первый раз. Еще в первые месяцы «Искры» Плеханов задумчиво сказал про него Аксельроду:

— Из такого теста делаются Робеспьеры...

Ему не льстило — и не радовало его это сравнение. Он не считал его правильным. Фигура Робеспьера казалась ему слишком мрачной, слишком узкой. Таким

он не мог и не хотел бы быть. Но сейчас, еще раз вглядевшись в резкий, восточный профиль шедшего рядом с ним Сталина, в его лицо, будто высеченное из камня, он подумал:

— Вот он, настоящий Робеспьер... Азиатский, русске-азиатский. Именно из такого теста Робеспьеры лепятся.

Он ничего не сказал Сталину. Но ему — в первый раз в его жизни — стало не по себе. Он вдруг заторопился домой.

...Вечером они опять встретились. На этот раз говорил Ленин. И внимательно при этом следил за своим собеседником. Но лицо того было непроницаемо. Он слушал внимательно. Но нельзя было сказать: одобряет он, или порицает.

— Я считаю, говорил Ленин, что сейчас мы находимся на переломе. Ближайшие дни и месяцы должны решить — победим мы в революции или нет. Все теперь зависит от того, удастся ли нам ввести в организованные рамки народный порыв. Не удастся — царизм успеет заключить сделку с буржуазией, даже, может быть, с нашими друзьями, меньшевиками, и все кончится куцой конституцией или пародией на нее. Удастся — тогда революционная диктатура, республика — а дальше дорога к социализму. И тогда, собственно, только и начнется настоящая революция... Запомните это: мы не пойдем западно-европейскими путями развития. В учении русского народничества есть большая историческая правда. Если у нас будет диктатура рабочих и крестьян — мы сможем перепрыгнуть через капитализм и войти прямо в царство социализма. Для этого надо только иметь за собою крестьянство. А его интересы лучше понимают на-

родники, чем мы. В крестьянском вопросе нам придется взять народническую программу... Земля — народу!

— Но это будущее... А сейчас? Сейчас все зависит от руководства. Сейчас, как никогда, доказывается правильность нашей большевистской теории о необходимости властной и централизованной партии. Но... на практике мы такой партии еще не имеем. У нас слишком много в партии хлама. Слишком много болтунов, беспочвенных теоретиков, слишком мало действительно смелых, безудержно идущих вперед — на действия, на реальную борьбу — людей.

— Вооруженное восстание сейчас все. И прежде всего восстание не на окраинах, но в столицах. Массы готовы на восстание. Киев, Воронеж это показали. Но мы то, мы слишком слабы. Мы отстали от масс, не умеем их организовать. Мы душим бумажным, канцелярским подходом к делу их энтузиазм.

— Вот мне недавно прислали материалы из питерского боевого комитета партии. Все эти планы их, все эти схемы — все это произвело на меня тягчайшее впечатление. В самом деле! Каждая минута дорога, а тут идут споры о функциях боевого комитета, о его правах. А дело? О бомбах говорили полгода, а до сих пор в Питере, ни одной, кажется, не сделано. Знаете, что я им сказал? — Бросьте к чорту все ваши схемы, планы, идите к молодежи — она вас научит действовать. Основывайте сейчас же отряды среди студентов и рабочих — по три, по десять, по тридцать человек. Пусть тотчас же они вооружаются сами, кто как может, кто револьвером, кто ножом, кто тряпкой, кто керосином для поджога. Пусть тотчас же эти отряды выбирают себе руководителей. Наплюйте,

Христа ради, на все формальности, на все схемы, функции. Но начните немедленное обучение отрядов военным действиям. Пусть учатся на практике. Пусть убивают шпионов, пусть нападают на полицейские участки, взрывают их, пусть врываются в банки и берут там средства на борьбу. У кого нет еще оружия — пусть хоть бросают камнями, обливают полицейских и войска кипятком. Всему этому надо научиться в кратчайший срок — и научиться можно только на деле. Эти пробные нападения могут, конечно, выродиться в крайности, но это беда завтрашнего дня, а сегодня наша беда в косности, в доктринерстве, в ученой неподвижности, в старческой боязни инициативы... Ну, начали действовать. Говорят, по крайней мере, что действуют. Но мало я верю в это. Потому что наши столичные партийцы больше любят языком трепать на собраниях, чем делать настоящее дело. В провинции, да, там понимают, что нужно. По всей России идут убийства шпиков, полицейских, взрывы, экспроприация денег. Дело там идет. Но все-таки слабо, слабо... Вот в Москве, говорят, подобрались значительные силы. И там восстание, всеобщее восстание может быть со дня на день. Я его и желаю — и боюсь. А что если другие места, если Питер, особенно, не поддержат?.. Оттянуть до весны? Возможно ли это? И не будет ли поздно?

Сталин думал:

— Верно, все верно. Не тонуть в бумагах и книгах. Хватать жизнь. Организовывать ее. Убивать, жечь, драться — действовать.

XII.

...На другой день пришли вести о начавшемся в Москве восстании. Оно было последней и решительной картой и правительства и революции.

На первых порах революционеры имели перевес на улицах Москвы. Войска московского гарнизона стали колебаться. Пришлось послать из Петербурга надежные войска. Но не восстанет ли Петербург? — Царь волновался. Ходил по кабинету загородного дворца и шептал:

— Господи, помоги, усмири Россию!

Это были те же слова, которые он произнес, подписывая манифест о конституции два месяца назад.

...Конференция была наспех закончена. Срочно выехали в Петербург, окрыленные надеждой. Но Петербург принял их холодно. Петербург не подымался, молчал.

Поздно вечером собрались в редакции газеты: «Новая Жизнь», в центре города, близ Невского. Маленькая комнатушка была полна. За столом в кресле Ленин.

— Восстание в Москве ширится, — говорит он. — Рабочие побеждают. Николаевская железная дорога бастует. Ставят военных железнодорожников, чтобы провезти в Москву войска. Но нельзя допустить посылки войск из Питера. Нужно Москву во что бы то ни стало поддержать.

Кто то предлагает:

— Подорвать пути. Задержать этим эшелоны.

Ленин одобрительно кивает.

— Правильно. Это надо сделать. Но этого не достаточно.

— Тогда,—предлагает другой,—устроим революционную улицу. Соберем что есть вооруженного, захватим определенный квартал. Забаррикадируемся. Оттянем на себя силы.

— Глупости, — отрезает Ленин. — Это тактика отчаяния. Нас горсть. Рабочие не двигаются пока что. Оружия нет. Мы не успеем упрочиться, как нас разобьют. Посылке войск мы этим не помешаем, но подорвем всякую возможность выступления с нашей стороны в дальнейшем... Нужны войска, нужно оружие. Есть у нас связи? Сделано что нибудь?

Ногин и Антонов-Авсеенко — военные партии — сообщают:

— Матросы разоружены. Гвардия пойдет за начальством. Но есть надежды на армейцев. Саперы и железнодорожный батальон настроены хорошо.

— Можно на них повлиять, чтобы отказались заменить бастующих железнодорожников?

— Ну, конечно. Мало того — они выступят с нами.

Решают: железнодорожный батальон и саперы должны начать выступление, захватить склад оружия на Охте, передать его рабочим. Затем: укрепиться в Выборгском районе, держать связь с Финляндией. Антонов-Авсеенко принимает командование. Выступление должно начаться рано утром.

Медленно, в томительном ожидании проходит ночь. Вот уже утро. Уже позднее утро. Приходят те, кто был послан к солдатам. Взволнованные, сконфуженные. Солдаты отказались выступить. Рабочих тоже, видно, не поднять на наступление. Готов подняться только один рабочий район Петербурга.

Ленин махнул рукой:

— Остановите. Сделайте все, чтобы остановить. Правительству крайне выгодно было бы подавлять разрозненные выступления. Правительство само хотело бы немедленно вызвать рабочих на бой в Питере, при самых невыгодных для них условиях. Мы не можем этого допустить. Это провокация — и это неизбежный при данных условиях разгром.

Скоро новое известие: железная дорога работает, подрыв путей не удался, Семеновский и Ладожский полки прошли на Москву.

— Москва разбита! — шепчет Ленин.

Но добавляет:

— Ничего ... Тяжелый, но нужный урок..

Сталин в бешенстве сжимает кулаки. Разве так делают революцию? Неподготовленность, больше болтовни, чем дела, не были своевременно завязаны связи, упущены все моменты. В то время, как на местах льется кровь, и лучшие силы провинциальных ячеек партии погибают, люди центра ничего не сумели сделать, израсходовали себя в бесполезных говорильнях — и только ... Он начинает понимать, что и их партия, которой он так гордился, еще не то, что нужно, что и в ней достаточно человеческого болота, и ее надо чистить, надо драть, надо еще бесконечно много воспитывать, закалять, приучать к практическому делу ...

... Пушки, пули, штыки, разгромили революционную Москву.

— В Москве, слава Богу, мятеж подавлен силой оружия, — записал царь в своем дневнике, получив сообщение о взятии последнего оплота революционеров — красной Пресни.

Вскоре были разгромлены и отдельные вспышки восстания в провинции. Революция кончилась. Революционная волна пошла на убыль. То там, то здесь ощущались время от времени ее всплески, но это была уже агония. Все жестче сжимались тиски почувствовавшей себя уверенной власти. Была распущена первая Дума. По стране шли обыски, аресты, расстрелы, стояли печальные столбы виселиц.

Один за другим приехавшие на революционный праздник эмигранты покинули Россию.

Уехал и Ленин. «Когда мы шли, вспоминает Крупская, по пустынным, ставшим такими чужими улицам Женевы, Ильич обронил:

— У меня такое чувство, точно в гроб ложиться сюда приехал!

«Началась вторая эмиграция, она была куда тяжелее первой».

И тем не менее Ленин верил, что революция не кончилась. И не жалел о пролитой крови, о неудачах восстания. Когда Плеханов бросил:

— Не надо было браться за оружие, не надо было начинать вооруженного восстания, —

Ленин выступил резко и гневно:

— Нет ничего более близорукого, писал он, как подхваченный всеми взгляд Плеханова... Напротив, нужно было более решительно, энергично и наступательно браться за оружие. Нужно было разъяснить массам невозможность одной только мирной стачки и необходимость бесстрашной и беспощадной вооруженной борьбы. И теперь мы должны проповедывать в самых широких массах вооруженное восстание. Скрывать от масс необходимость отчаянной кровавой истре-

бительной войны, как непосредственной задачи грядущего выступления, значит обманывать себя и народ.

— Декабрь подтвердил наглядно, что восстание есть искусство и что главное правило этого искусства отчаянно-смелое, бесповоротно решительное наступление. Мы недостаточно усвоили себе эту истину. Мы недостаточно учились сами и учили массы этому искусству, этому правилу наступления во что бы то ни стало. Мы должны наверстать теперь упущенное нами со всей энергией. Недостаточно группировок по отношению к политическим лозунгам, необходима еще группировка по отношению к вооруженному восстанию. Кто против него, кто не готовится к нему, того надо беспощадно выкидывать вон из числа сторонников революции, выкидывать к противникам ее — к предателям или трусам, ибо близится день, когда сила событий, когда обстановка борьбы заставит нас разбирать врагов и друзей по этому признаку.

Служащие «Société de lecture» в Женеве были свидетелями того, как туда раненько каждое утро приходил русский революционер в подвернутых от грязи на швейцарский манер дешевеньких брюках, которые он забывал отвернуть, брал оставленную со вчерашнего дня книгу о баррикадной борьбе, о технике наступления, садился на привычное место к столику у окна, приглаживал привычным жестом жидкие волосы на лысой голове и погружался в чтение. Иногда только вставал, чтобы взять с полки большой словарь и отыскать там объяснение незнакомого термина, а потом ходил все взад и вперед и, сев к столу, что то быстро, сосредоточенно писал мелким почерком на четвертушках бумаги. Это Ленин готовился наверстать упущенное — по Клаузевицу, по другим знатокам во-

енного дела, особенно дела освободительной войны. Нет, неудача первой революции его не пугала.

— Это, — говорил он, — была генеральная репетиция. За ней последует настоящее действие.

...Сталин вернулся на Кавказ. Стал молчаливее, угрюмей. Но с еще большей силой вошел в революционную работу. И он, как и Ленин, свято верил во вторую революцию. И он часто говорил:

— Будет и на нашей улице праздник!

XIII.

После революции 1905 г. Сталин стал играть заметную роль в партии. Он находился в постоянном общении с ее центром.

Центр большевистского движения, как и до революции, был заграницей, там, где находился Ленин. Сталин редко приезжал туда. Был раз в Стокгольме, раз в Лондоне, раз приезжал к Ленину в Краков. Каждый раз стремился как можно скорее вернуться в Россию. Заграницей ему было не по себе.

Он не любил эмигрантской среды и эмигрантской жизни — атмосферы грязных сплетен, мелких интриг, бумажных боев, бесконечных и часто бессмысленных споров в тесных каморках, в грязных кафе, за стаканами прокисшего чая, в клубах табачного дыма, в испарениях нечистого тела и гнилых душ. Он задыхался здесь. Он привык к русскому простору и к живому делу.

Люди эмиграции не нравились ему. Когда он был молод, когда еще не встречался с ними, они были

окружены ореолом силы и героизма. Они были для него все до единого вожди движения, мистический, всесильный, внушающий безусловное доверие центр, от которого идут все движущие ими, людьми России, нити — и заставляют напрягаться, итти на все. Потом он присмотрелся к ним за годы революции в Финляндии и Питере, а после заграницей. И узнав их близко, примерив к ним себя самого и своих друзей из русского подполья, он как то вдруг ощутил, что он сам не только не уступает им, но пожалуй их превосходит. На смену слепого обожания пришла пренебрежительная и даже враждебная оценка.

В одном только Ленине он не разочаровывался. Наоборот. Чем больше узнавал его, тем выше и больше ценил. И его бесконечно радовало, что и Ленин, как он замечал, тоже невысоко расценивал свое заграничное окружение — и держался особняком, сторонился слишком тесного общения с другими эмигрантами. Для дел — он всегда был доступен. Но только для дел. В личной же жизни был исключительно замкнут, не любил жизни коммуной, где людьми, как клопами, набиты все щели, где неизбежна взаимная слежка, залезание в чужую жизнь. Терпеть не мог эмигрантских праздных, беспричинных визитов друг к другу.

— Что у нас, праздники вечные, что ли? — возмущался Ленин, когда кто либо, очень уж назойливый, начинал часто заходить к нему и отрывать от работы.

Сам Ленин работал день и ночь. Даже за едой не отрывался от книг, писем, газет. Отдыхал лишь на прогулках, — и опять по преимуществу в одиночестве, только с женой.

Все это импонировало Сталину. И многое другое. Сталин часто ловил себя на том, что он изучает Ленина, и что потом во многом начинает подражать ему. Это не было то чисто-внешнее подражание, которое было у многих, когда люди, под давлением сильной ленинской личности, начинали перенимать отдельные его жесты и слова. Это было такое же изучение, как изучают серьезную книгу. Причем Сталин бессознательно выискивал и отмечал те черточки в Ленине, которые характеризовали его не как человека, но как вождя движения. Сталин вслушивался, вдумывался, наблюдал, и потом говорил себе: вот каким должен быть революционный вождь; вот так надо поступать в таких то случаях ... Думал ли Сталин тогда, что со временем он займет место Ленина? — Вряд ли. Но бессознательно его душа предвосхищала, очевидно, будущее. Он бессознательно стремился уже, очевидно, осознав свою собственную силу, к власти, и старался поэтому прибавить к своим природным данным искусство и опыт человека, в котором он видел прирожденного, настоящего и единственного вождя.

В 1906 г. в Стокгольме был созван съезд, долженствовавший объединить оба крыла русской социал-демократии. Объединение оказалось невыгодным для большевиков: они потерпели на съезде поражение. По самому существенному тогда для Ленина вопросу он оказался в меньшинстве — по аграрному. Ленин понял к тому времени окончательно, что единственный шанс сделать революцию и иметь ее в своих руках — это иметь за собой крестьянскую массу, поэтому нужен решительный пересмотр аграрной программы партии: нужно высказаться за национализацию земли. Он знал: это возврат к народничеству — но это имен-

но то, что нужно. Его предожение отвергли, причем некоторые из меньшевиков говорили, что рабочей партии не нужно никакой аграрной программы, именно потому, что она рабочая. Национализацию земли принесла с собой в дальнейшем октябрьская революция — и это оказалось правильным, и это перекинуло на сторону партии Ленина крестьян.

Выборы нового центрального комитета партии тоже принесли поражение большевикам: были избраны меньшевики, из большевиков только трое, но двое из них — Красин и Строев — сами были всегда почти меньшевиками, третий, Рыков, был слаб, колебался. Руководство партией оказалось в руках меньшевиков.

— Я впервые видел тогда, — рассказывает о стокгольмском съезде Сталин, — Ленина в роли побежденного. Он ни на иоту не походил на тех вождей, которые хныкают и унывают после поражения. Наоборот, поражение превратило Ленина в сгусток энергии, вдохновляющий своих сторонников к новым боям, к будущей победе.

— Я помню, как мы, делегаты-большевики, сбившись в кучу, глядели на Ленина, спрашивая у него совета. В речах некоторых сквозили усталость, уныние. Помнится, как в ответ на такие речи Ленин едко процедил сквозь зубы: «Не хныкайте, товарищи, мы наверно победим, ибо мы правы».

— Не хныкайте по случаю поражения, — это та самая особенность в деятельности Ленина, которая помогала ему сплачивать вокруг себя преданную до конца и верящую в свои силы армию . . .

Эту «особенность» подметил и постарался в дальнейшем усвоить себе Сталин.

1907 г. Лондонский съезд. Здесь большевики уже оказались победителями. Партийную массу — особенно людей русского подполья — оттолкнула деятельность меньшевистского руководства партии за время меж двумя съездами. Сближение меньшевиков с буржуазными партиями все усиливалось. Уже выборы во вторую Думу меньшевики проводили в блоке с «кадетами». В самой Думе они установили теснейший контакт с этой партией, которая сама называла себя: «оппозиция Его Величества». Вместе с тем меньшевики все сильнее выступали за полное упразднение нелегальной партии, за созыв беспартийного рабочего съезда с целью создания новой открытой рабочей партии на манер английской, в которой объединились бы все умеренные элементы социализма — и социал-демократы, и эс-эры — и часть анархистов. Между тем Ленин, видя, что реакция в стране все сгущается, звал к усилению нелегального аппарата партии и нелегальной работы. — Большевики победили, получили большинство в центральном руководстве партии, которое и сохранили в своих руках вплоть до великой революции, принесшей с собой окончательный разрыв с меньшевиками.

— Я впервые видел тогда Ленина, — отмечает Сталин, вспоминая Лондонский съезд, — в роли победителя. Обычно победа кружит голову иным вождям, делает их заносчивыми и кичливыми. Чаще всего в таких случаях начинают торжествовать победу, почивать на лаврах. Но Ленин ни на иоту не походил на таких вождей. Наоборот, именно после победы он становился особенно бдительным и настороженным.

— Не кичиться победой, — это та особенность в характере Ленина, которая помогала ему трезво взве-

шивать силы противника и страховать партию от возможных неожиданностей.

И эту ленинскую «особенность», подметив, постарался усвоить себе Сталин.

XIV.

Ленин был прав: партии рано было праздновать победы. Скоро речь пошла не о том, чтобы одерживать программные и организационные победы над меньшевиками, но о том, чтоб сохранить самое существование партии. Партия начала рассыпаться. Возможности революционной работы в стране были сведены до минимума.

В России у власти стал Столыпин, — единственный действительно крупный человек, выдвинутый самодержавием в начале XX века.

Под его жесткой рукой страна была зажата в тиски железной диктатуры. Но он прекрасно понимал, что одного механического подавления революционного движения недостаточно. Это было то же самое, что закупоривать котел, под которым неугасимый огонь, в котором непрерывное развитие паров: рано или поздно он должен был взорваться. Нужна была положительная программа реформ, которая не только дала бы выход парам народного недовольства, но и использовала бы часть этих паров для работы на империю.

Столыпин знал, что у императорской власти нет опоры в стране, что держится она только по инерции. Дворянство потеряло свое былое значение. Промышленная и торговая буржуазия готова была поддержать

монархию — взамен уступок для себя, — но она сама была бессильна. Она сама почти ни на кого в России не опиралась, так как в стране было слабо развито европейское «третье сословие», промежуточный меж верхушкой и низами населения слой. Путь постепенных реформ в рамках умеренно-буржуазного строя был для России невозможен. На это не было времени. Необходимо было быстрое и радикальное переустройство экономического строя страны — и в первую очередь радикальное разрешение аграрного вопроса. Такое разрешение требовало сильной власти и насильственных мер. Ни на то, ни на другое, — как и на быстроту действий, — умеренный строй не был способен. На это способна была только диктатура, действующая революционно. Столыпин, как и Ленин, знал, что Россия беременна революцией. И он знал, что кроме революции снизу есть еще путь революции сверху. На этот путь он и стал.

Он начал громадное дело разрушения старого аграрного строя России. Он начал ломку русской крестьянской общины, чтобы за ее счет создать крепкий слой богатых крестьян-собственников.

«76 милл. десятин принадлежит 30.000 помещиков (в Европейской России), а 73 милл. десятин принадлежит 10-ти миллионам крестьянских дворов, — говорил в Государственной Думе депутат Белоусов. — Пусть даже оспаривают те или иные из этих цифр — мы думаем, что они неоспоримы — но никакое изменение их не изменит сути дела». В этих цифрах было все в России. Эти цифры создавали в ней революционную ситуацию. И было только два выхода. Или, писал Ленин, ломка старых аграрных отношений на счет миллионов крестьянских дворов, или на счет 30 000

крупнейших помещиков. Или разорение миллионов беднейших крестьян, их пролетаризация, и создание за их счет плотной, тоже миллионной массы новых мелких помещиков-крестьян, или национализация земли, полная экспроприация помещиков. Оба пути были революционны. Первый был путь Столыпина, второй Ленина. Само собой разумеется, что и столыпинская реформа предвидела и неизбежно влекла за собой и известное ущемление крупнейших помещиков, увеличение за счет их земли при помощи и под давлением государства земельного фонда богатых крестьян. Какие результаты могла иметь столыпинская реформа, еслиб она была доведена до конца? — «Аграрный строй в России станет вполне буржуазным, — писал Ленин, — крупные крестьяне заберут себе почти всю надельную землю, земледелие станет капиталистическим» — и возможности буржуазно-демократической радикальной революции отпадут. В России будут возможны только революции типа французских 30 и 48 гг., но в таких революциях нельзя будет говорить о «полной демократизации общества под знаком радикального решения аграрного вопроса». Или вернее: «в таких революциях только мещанские квази-социалисты будут еще болтать о «решении» (особенно «радикальном») решенного уже для капиталистически-сложившейся страны аграрного вопроса». Иными словами: Столыпин своей реформой выбивал основной козырь из рук революционеров, стремившихся к «великой революции», которая сверху донизу переворачивала бы Россию, как это сделала революция октябрьская: сочувствие крестьян, стремившихся к прочной частной собственности на землю. В лице слоя богатых крестьян-

собственников и империя и капитализм в России нашли бы себе прочную опору.

Но мало того. Столыпинская революция привела бы неизбежно к последствиям, которые трудно было предвидеть тогда, но которые ясны сейчас, в свете сегодняшнего развития России. Она неизбежно привела бы к постановке вопроса об усиленном развитии производительных сил страны, — как сегодня бы сказали, к индустриализации ее. Это нужно было хотя бы для того, чтобы найти применение миллионам пролетаризованных крестьян. А так как и здесь, вероятно, русская буржуазия не проявила бы достаточной энергии, то опять бы пришлось выступить государству, его принудительной силе, и в России появился бы государственный капитализм, конкурирующий с частным, появилось бы и государственное планирование. Идеи эти носились тогда уже в воздухе. Дальнейшим следствием была бы эмансипация России от иностранного экономического влияния, широкое развитие русского империализма на Востоке, создание на этой почве новой опоры у империи в лице отечественного капитала и верхушки рабочего класса. Это был бы, если хотите, сталинский строй наизнанку, но более, конечно, либеральный, не рвущий с Западом, более европеизованный, глубоко-национальный вместе с тем, более склоняющийся к бонапартизму. Вот к чему, в сущности, шел Столыпин, этот революционер сверху, ярчайший, повторяю, человек царского самодержавия в XX веке.

Могли ли осуществиться его планы? — Несомненно. Даже Ленин признавал, что столыпинская аграрная реформа осуществима. Он говорил, правда, что «для успеха столыпинской политики нужны долгие го-

ды насильственного подавления и истребления массы крестьян, не желающих умирать с голоду и быть выселяемыми из своих деревень» (заметим: то же, что в сталинской политике). Но это не значит, что она не может быть осуществлена.

— В истории, — писал Ленин, — бывали примеры успеха подобной политики. Было бы пустой и глупой демократической фразеологией, если бы мы сказали, что в России успех такой политики «невозможен». Возможен!

Что до возможности для царского строя индустриализировать страну и вывести ее из иностранной зависимости, то здесь очень ценно мнение Сталина — уже стоящего у власти, уже на основании его сегодняшнего опыта:

— Царская Россия, давая кабальные концессии и беря кабальные займы у западных держав, влезла тем самым в ярмо полуколониального существования, что не исключало, однако, того, что она могла бы в конце концов выкарабкаться на путь самостоятельного промышленного развития, конечно, не без помощи более или менее «удачных» войн и, конечно, не без ограбления соседних стран . . .

. . . Результаты политики Столыпина начали сказываться очень скоро. И сказались они в том, что скоро революционное движение было задавлено не только расстрелами, виселицами, тюрьмами, сибирской ссылкой, но и тем, что в кругах самих революционеров стала теряться вера в революцию, стали опускаться руки, начался развал революционных партий.

XV

Особенно тяжким для партии был период с 1909 по 1911 год.

«Партия, вспоминает Сталин, разбитая контр-революцией, переживала полное разложение. Это был период безверия в партию, период повального бегства из партии не только интеллигентов, но отчасти и рабочих, период отрицания подполья, период ликвидаторства и развала. Не только меньшевики, но и большевики представляли тогда целый ряд фракций и течений, большей частью оторванных от рабочего движения... В этот именно период возникла идея полной ликвидации подполья и организации рабочих в легальную, либеральную столыпинскую партию. Ленин был тогда единственным, который не поддался общему поветрию и высоко держал знамя партийности, собирая разрозненные силы партии с удивительным терпением и небывалым упорством, воюя против всех и всяких антипартийных течений внутри рабочего класса».

Сталин же принадлежал тогда к числу тех немногих, кто твердо поддерживал Ленина — и несмотря ни на что вел революционную работу.

...Вот в этот период Сталин понял по настоящему, что представляет собой заграничное окружение Ленина — и учел это при последующих столкновениях с людьми, составлявшими его.

За время революции партия сильно разбухла. В нее вошли и люди, случайно, под влиянием общего поветрия, увлекшиеся ее идеями, ее успехом, и просто дельцы, которые ставили ставку на революцию, ища в ней выгод. В период революции партия была богата, деньги текли в нее со всех сторон: уже это манило

многих. В случае успеха революции, принадлежность к партии обеспечивала устроение у народного тела, власть, влияние Когда революция была разгромлена, все эти люди бросились спасаться от репрессий правительства заграницу. Вначале они думали, что революционная волна еще подымется, что это временный только перерыв их революционной карьеры. Потом они увидали, что реакция утвердилась всерьез и надолго. И не только реакция, но революция с другой стороны, которая делала их ненужными. Это не все понимали отчетливо, но чувствовали многие.

Один за другим стали они убегать из под партийных знамен. Отрекались от своего вчерашнего дня, как от греха молодости, называли свои вчерашние идеи пустыми мечтаниями, торопились выкинуть их из своего обихода, обзавестись новыми, стать твердой ногой в реальной жизни: иметь нормальное занятие, дом, семью.

— Надо устраивать свою жизнь, — пишет в Россию один из таких заграничников. — Все то, что раньше бродило в голове, все это вылетело, отошло в область мечтаний.

Те, кому удалось «устроить свою жизнь», стали живыми кусками буржуазного мира, который они вчера еще собирались разрушать. Они вошли в этот мир и прилепились к его радостям со всею страстью неофитов непознанного, со всею алчностью блудных сынов. Не было более преданных служителей у алтарей буржуазной собственности, чем эти люди, впоследствии назвавшие себя «старой гвардией большевизма».

Но можно ли было в чем либо винить этих людей? — Нет, не тогда во всяком случае. Они были тем, чем были — не больше и не меньше. В молодости они

заблудились, пришли не в тот дом, который был для них жизнью предназначен. Никогда не были они подлинными революционерами, борцами, мучениками, подвижниками идеи, все эти Красины, Кржижановские и пр. и пр. Жизнь протрезвила их, произвела отбор в партии воинов-монахов, выкинула их оттуда. Они нашли свой настоящий дом — и быстро там акклиматизировались. Нет, их ни в чем нельзя было тогда винить. Их преступления начались позже — в революцию 17 года, когда они надели на свои зажиревшие лица маски революционеров. Ибо именно они, ничего с революцией не имевшие общего, внесли в нее мутную струю низменных вожделений, жестокий цинизм, мелкую злобу ренегатов буржуазного мира.

Были и такие, что не ушли из партии, — к несчастью и для нее и для себя. Это были те, кто несмотря на все усилия не мог пристроиться у стола господ — не по недостатку желания, но от непригодности, от неудачливости. Это были Зиновьевы, Луначарские и др. Они влачили жалкую богемную жизнь возле оставшегося верным революции вождя. Кое как питались от оскудевшей партийной кассы, кое что делали на истощенной ниве революции, но делали кое как. Они не верили уже ни во что. Были такими же филистерами и обывателями, как их устроившиеся братья, даже худшими, пожалуй. Как все неудачники, они были озлоблены до мозга костей. Эту озлобленность, эту жажду мщения когда то оттолкнувшему их от себя буржуазному миру они внесли потом в революцию. Это был самый страшный ее элемент, — настоящие гиены революции.

Таково было большинство бывших революционеров, укрывшихся в годы реакции в тылу заграницы.

Таких много было и внутри России, особенно в столицах, в среде интеллигенции.

Презрительно смотрел на них Сталин, представлявший действенное русское подполье, где, несмотря на весь нажим реакционных сил, несмотря на разгром организаций, тюрьмы и ссылку, шла борьба, выростали новые люди, загорался новый энтузиазм.

XVI.

Но и лучшие из эмигрантов не восхищали Сталина. Именно потому, что они были эмигранты, привиллегированный в своем роде слой революционеров, аристократия движения, белоручки, белая кость. И еще потому, что жизнь заграницей наложила на них свой отпечаток.

— Они неплохие, может быть, люди, — думал Сталин. — Но что общего имеют они всетаки с революцией, с Россией? От России и ее масс они оторвались, оевропеились, невольно омещанились. Если порыться в них глубже, то и их идеал — это только западный парламентаризм, в рамках которого так удачно можно совмещать служение социализму с благами буржуазной жизни. Они только понимают прекрасно, что при Столыпине — это невозможная вещь. Они умнее других — и потому они не идут сейчас на компромиссы . . .

— Они говорят еще о революции. Но разве после стольких лет расслабляющей жизни заграницей, вне реальной борьбы и реальных опасностей, они способны на настоящие революционные дела? — Конечно, нет.

Они сделали из себя невольных героев тыла... Ведь у большинства из них нет сейчас даже крепких нервов, нет простого человеческого мужества. При встрече с настоящей опасностью, они растеряются, не будут знать, что делать. И они еще претендуют на роль наших руководителей!..

Он часто вспоминал одну сцену. Это было в революцию 1905 года. На собрание революционеров, только что приехавших из заграницы, пришел друг его, Камо.

Он шел легким кавказским шагом, улыбался своей детской улыбкой, такой странной на суровом лице, а в руке у него болтался завернутый в белую салфетку какой то большой и круглый предмет.

Камо любил пошутить. Он подошел к столу, где готовилось чаепитие, поднял руку с салфеткой и, еще веселее улыбаясь, сказал:

— Бомба!

Все шарахнулись. Некоторые бросились к окнам и стали судорожно их раскрывать. А вдруг бомба взорвется!

Камо положил «бомбу» на стол, не торопясь, развернул салфетку.

— Зачем пугаться. Не надо пугаться. Это арбуз. Бабушка с Кавказа прислала. Кушайте.

С трудом оправившиеся от страха люди злобно смотрели на Камо.

— Что остроумного! Какая дикая шутка!..

Камо растерялся, виновато и непонимающе смотрел по сторонам.

Сталин подошел к нему.

— Пойдем, Камо, пройдемся...

Хотел добавить:

— Здесь нам нечего делать...

Но сдержался.

И эти люди хотели делать революцию! Разве там, на их родине, тамошние революционеры бросились бы к окнам при виде бомбы? Сколько раз и он и Камо несколько ночей подряд проводили в комнате, которая вся забита бомбами и динамитом. И прекрасно спали.

И это были еще лучшие из заграничников... Не люди, а какие то оранжерейные цветы! Недаром под их слабыми руками ничего не вышло из первой революции.

Разве кто нибудь из них выдержал бы напряженную, сводящую с ума работу в их подпольной типографии в Баку? — Печатный станок стоял в душной и тесной комнате без окон, освещавшейся день и ночь спиртокалильной лампой. Чтобы проникнуть в типографию, надо было пройти в дом, стоявший совсем на другом участке. В этом доме жили наборщики и печатники вместе с их руководителем Трифоном Енукидзе. Из этого дома в типографию вел подземный ход, закрывавшийся бетонной дверью-западней, которую, не зная секрета, никто не мог ни заметить, ни открыть. Печатники и наборщики за все время их работы не имели права никуда выходить из дому. Время от времени им предоставлялся отпуск, но тогда они должны были в тот же день покинуть Баку. Таким образом, они жили вечными отшельниками, проводя все свои дни без света и воздуха, не имея никакой личной жизни. Люди надрывались на этой тяжелой работе, теряли здоровье, погибали от чахотки — но зато типография работала без провалов и снабжала революционной литературой весь Кавказ. Были способны на такой незаметный, но важный подвиг люди эмигра-

ции? Нет. Они не выдержали бы и двух дней. Разве они способны выдержать вооруженное столкновение с солдатами? Способны организовать и провести экспроприацию денег в банке? Напасть на казенную почту, убить шпиона, полицейского, жандарма?.. А именно все это и было основным, по мнению Сталина, в профессии революционера: на делах, а не на теориях должны были воспитываться люди. А что, если будет таки настоящая революция?.. Будут ли способны люди заграничной выучки вести гражданскую войну, командовать настоящими армиями?..

...Сталина тоже не любили в эмигрантской среде.

Революционеры эмиграции привыкли видеть в себе соль земли, естественных и единственных вождей будущей революции. Этот тупой и серый человек русского подполья, с которым неизвестно почему носился Ленин, был им непонятен, чужд, а порой и смешон. Они смотрели на него свысока — точно так же, как презрительно и свысока относились к России и ее народу. Что такое Россия? — Отсталая страна. Народ варваров и рабов. Что такое Сталин и ему подобные? — Скотинка революции, ее черная кость.

Задолго, задолго до революции начался спор меж аристократами движения и его черной костью. Спор решился много лет спустя, в огне и смраде революции. Решился не в пользу заграничных аристократов. Они заплатили по старым счетам кровью, сгниванием в тюрьмах, забытостью в тундрах Сибири, новой эмиграцией.

XVII.

Но самое главное, что отталкивало Сталина от заграницы, было его отношение к Западу вообще: он ненавидел его всей силой своей примитивной натуры. Из учения Ленина, помимо идеи захвата власти и жесткой организации ее, он тверже всего усвоил то, что отвечало его собственным настроениям: теорию порабощения западным империалистическим капиталом колониальных и полуколониальных стран.

Сталин был грузин, сын востока — и той его части, где поработителем выступала Россия. Вначале он думал, что все вопросы его собственной страны можно решить простым отделением от России. Вот почему, когда он обдумывал национальную программу партии, он всегда вставлял туда пункт о праве малых наций на отделение. Но потом он понял, что это не выход. Самостоятельно в построенном на праве сильного мире малые нации существовать не могут. И выгоднее бороться с империализмом, будучи частью огромного целого, выгоднее бороться всей силой гигантского тела России . . .

— Россия, — говорил он, — сама полуколониальная страна. Ее капитализм и ее военно-феодальный империализм — только приказчики капиталистического Запада. Главные поработители и подлинные хозяева мира, в том числе и России и Грузии — здесь, на Западе.

Вот почему, когда он в тех столицах Европы, которые видел, проходил мимо величественных зданий банков, промышленных концернов, парламентов, его сердце сжималось гораздо более тяжелой ненавистью, чем при виде царских дворцов.

— Отсюда, — говорил он, — накидывается на Россию и связанные ею страны сеть колониального порабощения. Отсюда поддерживается царизм. Это — твердыни мирового империализма. Мир будет счастлив только тогда, когда мы разрушим их.

Он не знал языков. Не мог проникауть поэтому в глубину западной жизни. Наблюдал только внешнюю сторону — и только для того, чтобы найти подтверждение уже сложившимся мыслям.

Он видел высокую технику, богатую материальную культуру. Он не восхищался, но деловито рассуждал:

— Это все мы должны, освободившись, усвоить. Должны догнать и перегнать их. Только тогда мы их победим.

Их — это значило: людей Запада. Он не отделял здесь угнетаемых от угнетателей. Для него Запад был подобен древнему Риму в глазах варвара: паразитами, жившими за счет других народов, были не только богатые, но и пролетариат, особенно верхушка его.

Он видел, конечно, нищету. Она была не менее, если не более ужасна чем в России. Но она не трогала его. Он был даже по своему доволен. Он усмехался, проходя особенно узкими и особенно грязными переулками кварталов бедноты:

— Здесь мы найдем себе союзников!

К западным революционерам он относился скептически. О них он составлял себе представление по людям, с которыми ему изредка приходилось встречаться, о которых рассказывал ему Ленин: по чиновникам западных социалистических партий. Он не верил ни в них, ни в их дело.

— Революционеры? Наши союзники? Кто — эти тупые и самодовольные мещане? Глупости. Эти люди

ничем не лучше наших меньшевиков. Эти люди — такие же враги, даже худшие, потому что они гораздо более умело ослабляют революционность масс. Посмотрите на их животы, загляните в их квартиры, посмотрите их банковские счета, вдумайтесь вообще в их дела, — и вы поймете, что они не меньше своих хозяев, западных капиталистов, заинтересованы в эксплоатации масс. Они, как и их властители, разжирели на крови колониальных народов и на эксплоатации собственных слоев нищеты. Нет, наши союзники придут не из чиновничьей верхушки социалистических партий, но из голодающих низов.

Если кто-нибудь из западных социалистов, обычно из молодых, начинал высказывать мысли, похожие на его собственные и ему об этом говорили, Сталин не умилялся, но недоверчиво усмехался:

— Погодите: скоро и у него округлится живот. Тогда он заговорит иначе.

И добавлял:

— Я не верю в революцию на Западе. Она может произойти только в результате русской. Здесь слишком сильны мещанские промежуточные слои. И они затормозят всякое движение. А революционная часть пролетариата, его низы, здесь слишком раздроблены и одиноки. Только мы в России имеем достаточную базу для революции в лице нашего крестьянства. Здесь крестьянство получило права и землю из рук буржуазии, и его не так легко поднять против нее.

— Пора откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам пут. Наоборот: именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму. Это противоречит марксизму? — Тем хуже для него. И потом: есть два марксизма —

догматический и творческий. Я стою на почве последнего.

Революционная эмиграция — кроме Ленина — смеялась над его взглядами, а еще более возмущалась ими. Особенно возмущало его пренебрежительное отношение к западным социалистам. Эмигранты, наоборот, очень высоко их ставили, ухаживали за ними, и видели в их пути, в их настоящем свой будущий, увы! пока недостижимый идеал...

Но спорить со Сталиным на эти темы избегали. Потому что знали, что для него — это самые больные вопросы, что здесь он может выйти из себя, и грубо, как всегда, когда горячился, начать говорить о том, что они пресмыкаются перед иностранными «мещанами» и этим только позорят себя.

— Как вы не понимаете, — не говорил, а выкрикивал он иногда, — что они вас в грош не ставят, и на революцию нашу им тоже с высокой горы наплевать. Им гораздо выгоднее сохранение в России царизма. Не только потому, что это сохраняет прибыли по займам, концессиям, банкам за их хозяевами, прибыли, в которых и они учавствуют, но и потому еще, что само наличие царизма оттеняет в выгодную сторону их собственный до основания прогнивший строй... А вы?.. Вам плюют в лицо эти жирные и в то же время жалкие и трусливые клопы, а вы перед ними пресмыкаетесь, как будто они и в самом деле представляют собой какую то силу и могут в чем то вам помочь... Как вы не можете понять, что вы сами гораздо бóльшая сила — за вами ведь стоит Россия!.. И в России, хотите вы этого или нет, хотят этого или нет холопы западного социализма, будет революция, от которой содрогнется и перевернется весь мир!..

У него был жуткий вид, когда он говорил это. Глаза мрачно горели. Слова падали тяжело, как топор гильотины. От него веяло кровавым дыханием революции. Ненависть к старому миру была основной движущей силой этого человека.

XVIII

Ленин внимательно прислушивался к скупой и грубоватой речи Сталина. Внимательно читал его редкие, всегда дельные, всегда на тему статьи. И часто, напав на статью особенно ясную и резкую, клеймившую мировой и русский меньшевизм, говорил окружающим:

— Прочтите. Эта статья заслуживает величайшего внимания всех, кто дорожит нашей партией. Лучшее опровержение взглядов наших примирителей и соглашателей трудно себе представить.

Окружающие пожимали плечами. Но не спорили. С Лениным было опасно и невыгодно спорить.

Но когда Ленин в 1912 г. ввел Сталин в состав центрального комитета партии, это было встречено с возмущением. Открыто никто не возрожал. Но меж собой негодовали. Зиновьев, пренебрежительно поводя жиреющими плечами, морща лицо кастрата, говорил:

— Это право позор! Ильич сходит с ума. Что он нашел в этой кавказской обезьяне с желтыми глазами!?

Но Ленин очень ценил «кавказскую обезьяну». Ценил выше всего своего эмигрантского окружения.

То были послушные евнухи — только. А этот человек приносил с собой заграницу напряженный и волевой голос русского подполья, людей народа, т. е. того, чем только и держалась партия. Он говорил — порой грубо, неуклюже, но всегда ясно — о том, что ощущали живые люди России. Многое находил Ленин в нем преувеличенным. Но в основе своей сталинские мысли и настроения были созвучны его собственным. Они были только более примитивно резки.

... Раз — это было в Лондоне — Ленин и Сталин забрели в какой то зал, похожий на церковь. Это был молитвенный дом, и там происходило собрание английских социалистов. Один из членов партии читал в нос библию, а потом говорил проповедь на тему, что исход евреев из Египта — это прообраз исхода рабочих из царства капитализма в царство социализма. Все вставали и по социалистическому молитвеннику пели:

— Выведи нас, Господи, из царства капитализма в царство социализма!

Когда вышли на улицу, Сталин долго и громко хохотал, а потом с торжеством сказал:

— Разве я не прав? Вот как готовят здесь революцию: хотят как из комнаты в комнату, по гладенькому паркету войти в социализм. Да и то чувствуют, что сами не могут, так молятся: пошли нам, Боженька, социализм... Сто лет и двести лет можно так готовить революцию, а воз будет все на том же месте. Революции не приходят — их делают.

— Да, это так, — протянул Ленин. — В английском пролетариате разсеяно много настоящих зерен социализма. Вот подите, например, на собрания,

где они обсуждают практические вопросы... Вот я был на днях — говорили о городах-садах. Докладчик, партийный чиновник, пошлости разводил, а выступил простой рабочий — и сразу быка за рога взял, самую суть капиталистического строя вскрывает... Из рабочих низов социализм здесь так и прет!... Только мы, приезжие, обычно этого не замечаем, потому что видим по преимуществу развращенную, обуржуазившуюся рабочую верхушку... Но ведь влияние этой верхушки на рабочего, к сожалению, огромно. Поверх здравых мыслей рабочего лежит часто такой густой пласт всяких предрассудков, религии, мещанской закваски, что иной раз руки опускаются, думаешь — ни за что не пробить... Грустно! Здесь рабочий совсем не тот, что наш. Наш исторически складывался в других условиях — и он гораздо выше европейского по своей сознательности. У нас и слой революционеров, даже мещански окрашенных, лучше...

Замолк. Потом, как будто без связи, начал рассказывать:

— Как то — у Тахтаревых, кажется —, встретились мы с одним здешним социалистом. Ну, орел во всех отношениях. Смелость программы, активные действия! Начал он нас разспрашивать о нашей жизни. Разсказывала Надежда Константиновна. Он вдруг и говорит ей: «Неужели вы сидели в тюрьме? Какой ужас... Еслиб мою жену посадили в тюрьму, я не знаю, чтобы сделал. Мою жену!»... А то брал у нас уроки русского языка один англичанин, заведывающий крупным книжным складом. Вот он и говорит: «Я убежденный социалист. Я даже одно время стал выступать как социалист. Тогда мой хозяин

вызвал меня и сказал, что ему социалисты не нужны, и если я хочу оставаться у него на службе, то должен держать язык за зубами и забыть про социализм. Я подумал: социализм придет неизбежно, независимо от того, буду я выступать или нет, а у меня жена и дети. Теперь я уже никому не говорю, что я социалист, но вам то я могу это сказать» ... Вот, батенька, что лежит на поверхности английского пролетариата... Золото, а!?

У Сталина напряглись твердые скулы. Хотел бросить крепкое русское слово, но только безнадежно махнул рукой.

Когда пришли домой, Ленин достал из стола тетрадь с выписками из разных прочитанных книг. Нашел нужное место, подал Сталину:

— Прочтите. Это я выписал для себя. Это Родс, один из крупнейших пионеров современного империализма, разсказывал своему другу Стэду еще в 1895 году.

Сталин прочел:

— ...«Я был вчера в лондонском Ист-Энде и посетил одно собрание безработных. Когда я прослушал там дикие речи, которые были сплошным криком: хлеба! хлеба!, — я, идя домой и размышляя о виденном, убедился более, чем прежде, в важности империализма... Моя заветная идея есть решение социального вопроса, именно: чтобы спасти сорок миллионов жителей Соединенного Королевства от убийственной гражданской войны, мы, колониальные политики, должны завладеть новыми землями для помещения избытка населения, для приобретения новых областей сбыта товаров, производимых на фабриках и рудниках. Империя, я всегда говорил, есть вопрос

желудка. Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами.

— Прочли, — спросил Ленин. — Поняли?

Сталин кивнул головой.

.... Ленин сидел за обедом у «самого» Бебеля. Были приглашены почти все вожди германской социал-демократии и некоторые русские эмигранты.

Просторная квартира. Канарейки в клетках. Клетки прикрыты салфеточками ручной работы. На мягкой мебели в гостиной приколоты такие же салфетки, чтобы сидящие не испачкали затылком чистеньких чехлов. Во всем чувствовалась любовь к солидному домашнему уюту.

Ели плотно и сытно. Пили теплое кислое вино и пиво. Люди тоже были плотные и сытые. Настроение священнодейственное. Торжественно говорили друг другу, поднося к толстым губам бокал:

— Prosit!

Говорили, конечно, о партийных делах. И по самому тону можно было определить, о чьих делах говорили. Когда речь шла о немецкой партии, тон был торжественный, благоговейный, самодовольный. Дела шли блестяще! Но когда говорили о партии русской, тон был такой же кислый, как и вино, но только холодный, снисходительно-пренебрежительный. Что, в самом деле, за партия, которую собственное правительство не терпит в стране! Неужели нельзя было договориться? Ну что, что Столыпин... Можно сделать уступку, другую. Ведь и Столыпину нужны рабочие вожди, он, по всем данным, умный человек. Нет, пустяшные, несерьезные люди. Ни денег, ни власти, ни положения. Словом: русские!...

Ленин уходил вместе с Горьким.

— Бебель, — делился впечатлениями Горький, — показался мне человеком немножко самодовольным... Вообще — все было очень самодовольно, и чувствовалось, что даже стулья довольны тем, что их отягощают столь почтенные мякоти вождей.

— Да-а-а, — протянул Ленин. И вдруг разсмеялся.

— Чего вы?

— Пришло в голову: жаль, что Сталина не было на этом обеде. Уж он бы и отчехвостил их потом. Это зрелище именно для него.

XIX.

Когда Сталин в 1912 году, бежав из Нарымской ссылки, приехал в Краков и, не без труда разыскав на окраине незнакомого ему города маленький домик с надписью на одной из дверей: «Ouljanoff», вошел к Ленину, ему представилась картина, совершенно не напоминавшая недавние времена уныния и развала.

Две комнаты. Одна больше — мрачная, полутемная. Здесь оживленно копошилась над разросшимся партийным архивом, над приходящими и уходящими письмами Крупская. Работы было много, еле справлялись. Все мертвившую и разлагавшую реакцию как рукой сняло. Возродились местные организации партии. Новые люди притекали в нее, с новыми силами, с новым энтузиазмом. Все время приезжали к Ленину люди из разных концов России и из самых дальних эмигрантских углов. Все они дышали бодростью и верой. Революция наростала. И

в непоколебимой уверенности в ее близости, Ленин повел твердую линию, окончательно отмежевался от парализовавших его меньшевиков, порвал с ними организационно. Большевики стали самостоятельной и все разростающейся партией.

И Сталин привез интересные и радостные новости. Он недавно — уже как член центрального комитета партии — объездил важнейшие рабочие районы России, восстанавливая связи, возрождая партийные организации. Все дышало жизнью. Россия стала неузнаваемой. Короткий выстрел маленького револьвера в провинциальном театре повернул ее историю на новые пути.

... Летом 1911 г., во время посещения царем Киева, в местном театре состоялся торжественный спектакль.

Во время антракта председатель совета министров, Столыпин, стоял у оркестра, облокотившись спиной о барьер. В партере поднялся и быстро направился по проходу к первым рядам никому неизвестный молодой человек во фраке. Еще на ходу он выхватил револьвер и стал стрелять. Крупная фигура Столыпина в белом кителе представляла прекрасную цель. Первая же пуля попала в него. На кителе показалось темное пятнышко — и быстро стало разростаться. Столыпин покачнулся и грузно упал.

Началась суматоха. Убийца имел все возможности скрыться — если бы сидевший в партере офицер не приметил его и не схватил при выходе в фойе. — Царь, бледный, непонимающим и растерянным взглядом смотрел из боковой ложи.

Убийца оказался молодым киевским адвокатом — и секретным сотрудником полиции, Богровым. По спе-

циальному распоряжению начальника полиции он был посажен в театре для охраны высоких особ.

Богрова повесили. Разсказывают, что когда его вели на казнь, ему должны были заткнуть рот. Он кричал, что те же люди, по приказу которых его казнили, послали его убить Столыпина, обещали вознаграждение и полную безнаказанность.

Непосредственные организаторы и исполнители убийства были ясны: сама царская полиция. Но кто был вдохновителем? Нити инициативы терялись в лабиринтах царского дворца.

...Столыпин был настоящим диктатором: властным, жестким, бесцеремонным. Тем, по ком ударяла его тяжелая рука, приходилось не сладко. А падала она не только на народные низы, но и на людей правящей верхушки. Сам царь боялся его.

Столыпин не любил и презирал гнилую верхушку империи. Он считал ее людей неспособными управлять страной. Он считал, что они были не меньшими, если не большими виновниками революции 1905 г., чем революционеры низов. Он знал, что интересы страны им безразличны, что ими руководит только жажда личного блага. И еслиб только ему удалось дольше прожить, остаться и укрепиться у власти, он выкинул бы постепенно с руководящих постов людей придворно-бюрократической верхушки, заменил бы их другими, новыми, преданными ему и идее империи, как он ее понимал. Столыпин не был просто временщиком. Он был диктатором — и с каждым годом становился им все больше.

Придворно-бюрократическая клика знала и чувствовала это. И она стала ожесточенно бороться за власть, за влияние, за самое существование свое.

Приход Столыпина к власти — сильного человека, который был способен удушить народную революцию — был встречен с восторгом. Верхи апплодировали его формуле:

— Сначала успокоение — потом реформы!

Но когда он приступил к реформам, от него отшатнулись с недоверием и неприязнью. Увидали его настоящее лицо. Поняли, что это — революционер сверху, во всяком случае, — преобразователь государства, для которого идея великой и уравновешенной в своем внутреннем бытии империи выше классовых, сословных, личных интересов. Поняли, что рано или поздно он может нарушить привычный уклад жизни — и даже посягнуть на права и привиллегии верхов государства и общества.

Во дворце стали говорить, что его аграрная реформа — хотя император и благодарил его за нее особым рескриптом — слишком смела и таит опасности в будущем. Боялись, что это только начало, что в дальнейшем этот диктатор из помещиков и дворян потребует жертв во имя государства и от крупного землевладения и от крупного капитала, затронет и их интересы, чтобы создать равновесие сил в стране — и опору для своей власти.

Когда он внес в законодательные учреждения законопроект о введении земства в западных губерниях, старички-сановники Государственного Совета нашли его слишком «либеральным» — и отклонили. Но Столыпин ни с чем не считался. Он распустил на три дня и Думу и Совет — и провел закон в порядке верховного управления.

Больше всего в верхах были недовольны его личными связями. Знали, что он ищет опоры в кругах

либерально-монархической общественности. Что он не прочь создать кабинет не из бюрократов, но из общественных деятелей. Что на этот счет шли уже разговоры. Что его близкий друг — председатель Государственной Думы Гучков, которого ненавидели при дворе и считали опаснее для престола, чем многих революционеров. Чего искал Столыпин этими связями? — спрашивали себя в верхах. — Ясно: он хотел найти опору вне двора, чтобы в случае надобности иметь возможность выступить и против последнего.

Наконец: все знали, что Столыпин возмущен наличием при дворе Распутина — и что он твердо решил положить этому конец.

Постепенно недоверие и неприязнь к нему обратились в самую жестокую ненависть. Если в самом начале его правления, когда революционеры взорвали часть дома, в котором он жил, лишь немногие из придворных кругов жалели, что он не был убит, — то через несколько лет концентрированная ненависть придворного болота сама направила на него револьвер охранника Богрова. Возможно, что одной из самых мощных рук, направлявших этот револьвер, был Распутин. Останься в живых Столыпин — Распутина и распутинской эпопеи не было бы. Распутин, как и многие, боролся за свою жизнь.

Со Столыпиным зачахло и его дело, которое одно могло спасти и влить новую жизнь в империю Романовых. Оно давало еще результаты, но недостаточные. И дни империи были сочтены. Все возрастало разложение и неспособность к действиям ее верхов. Все ощутительнее становилось для народных масс, что изменение их положения возможно лишь на пути революции. Росла и зависимость ослабевшей

страны от иностранного капитала. Это втолкнуло царскую Россию в войну. Война привела к революции.

XX.

Весной 1913 года Сталин был арестован — и после нескольких месяцев тюрьмы его крепко упрятали в сибирской ссылке, в Туруханском краю, в заброшенном селе Курейка. Освободила его только февральская революция 1917 года.

Почти четыре года уединения сибирской ссылки были большой и полезной школой для Сталина. Было время продумать прошлое, подвести итог.

В прошлом — так думал он — он ни в чем не мог себя упрекнуть. Вся его жизнь была непрерывной и напряженной борьбой. Значительнейшую часть своей сознательной жизни — начиная с 1898 г., когда ему было всего девятнадцать лет — он провел либо на нелегальной партийной работе, все время скрываясь, бегая от властей, как затравленный волк, живя под чужими фамилиями, по фальшивым паспортам, либо в тюрьме и ссылке. При первой же возможности он бежал — и все начиналось сначала: подпольная работа, тюрьма, ссылка, новый побег. Но даже в худшие времена реакции, когда жизнь и работа в России были невероятно трудны, он не эмигрировал заграницу.

Впервые попал он в тюрьму в 1902 г. В конце 1903 г. был сослан на три года в восточную Сибирь. В январе 1904 г. — через месяц по прибытии в ссылку — бежал.

Революция 1905 г. застала его в Тифлисе в ка-

честве руководителя тамошней большевистской организации.

Дальше — Таммерфорская конференция, краткое пребывание в Петербурге, возвращение в Тифлис, напряженная работа там, Стокгольмский и Лондонский съезды.

Вернувшись с Лондонского съезда, он переезжает — в 1907 г. — в Баку. Там руководит нелегальным большевистским органом: Бакинский рабочий. Уничтожает влияние меньшевиков, делает из Баку «цитадель большевизма». Объезжает все Закавказье. Становится признанным руководителем ленинской партии там.

В марте 1908 г. — арест. Восемь месяцев тюрьмы, потом ссылка на север, в вологодскую губернию, в Сольвычегодск. Через несколько месяцев он бежит — возвращается в Баку.

В 1910 г. — новый арест. Опять несколько месяцев тюрьмы — опять Сольвычегодск. В 1911 г. он бежит — направляется партией в Петербург.

Через несколько месяцев, в том же 1911 г., опять арест, ссылка в Вологду. В конце 1911 г. он бежит — возвращается в Петербург.

В начале 1912 г. он — уже в качестве члена центрального комитета партии — объезжает главнейшие рабочие районы России, организует местные ячейки партии. В Петербурге при его участии основывается «Правда».

В апреле 1912 г. — новый арест. Тюрьма, потом ссылка на четыре года в Нарымский край. Летом того же года он бежит — возвращается в Питер, оттуда проезжает к Ленину, в Краков, там принимает участие в совещании руководителей большевистской организа-

ции. Возвращается в Петербург. Руководит работой большевистской фракции Государственной Думы.

Весной 1913 г. последний арест — и последняя ссылка.

...Чего только не пришлось ему пережить и перенести за свою подпольную жизнь! Бывали моменты большого торжества — бывали моменты, когда он не знал, останется ли в живых.

Однажды он спас от развала партийные центры.

Ему сообщили, что партия без денег, и достать неоткуда. Революция разбита, в нее никто уже не верит, приток пожертвований прекратился. Что делать? — Еще немного — придется прекратить всякую работу. Сталин ответил кратко:

— Деньги будут!

Взял револьвер, взял нескольких друзей — и ограбил среди бела дня на людной улице транспорт с правительственными деньгами. Партия получила соки для новой жизни.

Однажды он чуть не погиб.

Его прогнали сквозь строй солдат Сальянского полка. Били прикладами — не по голове, чтобы не убить сразу, но по спине и плечам — чтобы продлить муки. Немногие выживали после этого. Некоторые от боли и напряжение сходили с ума. Никто не доходил до конца страшного строя. Сталин сказал себе, что дойдет. Взял какую-то книгу — и когда шел, старался сосредоточиться на ее мыслях и не думать об ударах. Его спина обратилась в кровавый пузырь. Он шатался. Но стиснул зубы — и дошел до конца строя. Уже там свалился. Но выжил. Когда оправился — бежал и снова начал подпольную работу.

...Личной жизни у него не было. Была мать, была жена, были дети. Нельзя сказать, чтобы он не любил семью. По своему любил — и очень сильно. Но не это стояло в центре его интересов. Иногда месяцами, иногда годами он не видел семьи. Иногда подолгу не мог подать им вести. Часто они могли погибнуть, еслиб о них не заботилась партия, и он ничего бы даже не знал.

Мать скоро состарилась — от вечных забот, вечного напряжения, вечного беспокойства за сына. Жена в конце концов заплатила за эту жизнь смертью от чахотки. Дети росли кое-как. Но росли крепкими — в него.

Таковы были факты прошлого.

А идеи? .. У него не было самостоятельных идей. Природа создала его дельцом, а не мыслителем. Он был мастер практического дела и ловких закулисных интриг. В мире же идей он был послушным учеником Ленина — и только. Но все то, что он усваивал от Ленина, ложилось в его мозгу преображенным: суженным, лишенным ленинского живого многообразия, сведенным к примитивному единству. Ленин был творцом своей религии. Поэтому он никогда не проводил под ней итожной черты, все время шел дальше, от одного отказывался, как от заблуждения, другое, под давлением жизни и голоса народных масс, провозглашал. Сталин же был жрецом религии ленинизма. Для него все ее положения были непреложным законом. И чем дальше, тем чаще покачивал он внутренне головой, слушая новые и новые соображения Ленина. Он не критиковал его. Но у него часто зарождалась мысль:

— Не слишком ли сложно берет Ленин жизнь, не слишком ли много поэтому путается, мечется, ищет, сомневается, сознает ошибки, стремится их выправлять? Не слишком ли много он думает? — Его теория прекрасна. Она достаточно объясняет мир. Не пора ли поставить точку? Сказать: отныне не движется? — Ведь пора уже теорию эту осуществлять. Но осуществлять можно только нечто твердое, неизменное . . .

. . . Когда Сталин думал о своей будущей роли в революции — в том, что революция будет, он не сомневался — он представлял эту роль просто: как одного из орудий мощной ленинской воли. Вероятнее всего, орудия, предназначенного для черной работы революции: для практической стройки, для взрывания почвы прошлого, для отсекания непокорных голов. Все это было ясно. Но все ли это?

Смутный голос в глубине его души задавал вопрос:

— А что, если и сам Ленин и другие люди, его окружающие, окажутся слишком слабыми в водовороте революции? Что если они не найдут в себе достаточной решимости итти до конца? Не придется ли тогда ему, Сталину, выступить и против учителя и против его апостолов? И стать палачем собственного Христа и собственного стада?

Это был смутный голос, — и Сталин не отвечал на вопрос. Но ощущал, что ответ уже вызрел. Этот человек ощущал в себе силу и решимость бороться со всеми — вплоть до самого Ленина — за чистоту его идей и за приложение их к жизни. В нем жила душа великого инквизитора, говорящего Христу:

— Уйди — и не мешай нам!

Он был догматиком — и фанатиком догмы. Здесь сказалось, вероятно, его духовное воспитание. Здесь сказалась, возможно, еще в большей степени природа востока.

На родине Сталина солнечные лучи падают на землю почти отвесно. От света к тени нет перехода. Или — или. Или свет — или тень. Третьего не дано.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ДОРОГА К ВЛАСТИ

I.

Во второй половине марта 1917 г. Сталин приезжает из Сибири во взбаламученный первой лихорадкой революции Петроград. И в первый раз в жизни он не знает, что делать, застывает в бездействии.

...Революцию ждали. Она носилась в воздухе. Но никто не знал, когда и как она придет. Она пришла неожиданно и свершилась вначале как то слишком просто. Монархия Романовых не была свергнута в кровавых боях. Она исчезла сама собой, так как в том своем виде и при тех людях она не могла дальше ни существовать, ни править. Так соль распускается в воде — внезапно и бесследно.

До самого последнего момента империя казалась всем прежней: величественной, страшной, недоступной. У дворцов стояли, вытянувшись в струнку, крепкие караулы. Император жил обычной жизнью. Гулял, читал английские романы, выпивал положенную рюмку водки перед завтраком и обедом, по вечерам долго и сосредоточенно молился, каждый день вел дневник. Ездил на фронт. Нежно переписывался оттуда с женой, внимательно прислушивался к ее властным сове-

там. Принимал доклады, писал: быть по сему. Все, как ни в чем не бывало.

Были министры. Правда, они менялись чуть не каждый день. Но в их руках по-прежнему была огромная власть, по-прежнему они были ответственны только перед императором и придворной кликой. Была армия, была полиция, были послушные чиновники. Была Государственная Дума. И также, как еще вчера вытягивались перед генералами солдаты тыла, так и Дума послушно вытягивалась, когда ей читали указ императора о роспуске.

Но была война. Как ужасная болезнь она разъедала страну. Десятки миллионов людей были оторваны от дома и работы. Миллионы легли уже убитыми на фронтах: ни одна страна не принесла таких больших и бессмысленных жертв кровью, как Россия. По всем городам в переполненных лазаретах стонали раненые.

Была хозяйственная разруха. Слабая промышленность не могла справиться с напряжением войны. Транспорт работал еле-еле. Топлива не хватало. Земля, лишенная человеческих рук, иссыхала. Начинался голод.

На фронте только треть солдат имела винтовки. Всегда не хватало снарядов. Армия ощущала себя беззащитной перед лицом вооруженного до зубов врага. Малейший успех оплачивался потоками крови. За успехами шли поражения — и новая кровь.

Снабжение войск продовольствием, одеждой, медикаментами было из рук вон плохо. Бездарное командование не внушало доверия. Письма с родины волновали и звали домой — к заброшенным полям. Не внушала доверия бездарная власть. По фронтам, по стра-

не шли мрачные толки об измене. Ее корни искали при дворе. Престиж династии падал с каждым днем.

Во всех углах огромной страны наростало смутное недовольство. Спокойнее всех пока что была деревня. Она переносила тягости войны с привычной покорностью. В ней меньше всего был подорван авторитет власти. Но волновались рабочие. Все ширилась волна забастовок. Напрасно неутомимые Придворовы*) отправляли тысячи рабочих на фронт, под пули. Напрасно на их место ставили тех, кого нужно было — по протекции, за деньги — освободить от воинской повинности. Отправленные на фронт разлагали армию, в тылу же оставалось достаточно элементов брожения.

Наростало брожение и в войсках, сосредоточенных в городах тыла, особенно в столицах. Это не были прежние кадровые части, скованные суровой дисциплиной. Это была сырая, рыхлая масса, полуодетая, полуголодная, желавшая только одного: окончания войны.

Во всех, во всех низовых слоях городов наростала тяжелая ненависть. Как капли едкого яда буравили души слухи об измене. — Зачем, для кого проливаем кровь? Зачем, для кого все эти жертвы? — спрашивали себя. В длинных очередях у полупустых лавок от человека к человеку, как электрический ток, передавались искры злобы и возмущения. Больше всего разжигал ненависть низов разгул спекулянтов тыла.

*) Придворов, Ефим Алексеевич — советский придворный поэт, пишущий под псевдонимом Демьяна Бедного. По его собственным словам — незаконный сын в. кн. Константина Константиновича. Во время войны в Центр. Военно-Промышленном К-те и в Совете Горнопромышленников Юга России заведывал «рабочим отделом»: отсрочками военнообязанным и мобилизацией рабочих на фронт.

Никогда не были так велики прибыли, никогда не было так много денег — и никогда не придавали им так мало цены. Никогда не шили так много нарядов, не покупали так много бриллиантов, не прожигали так нагло деньги и жизнь, как в это страшное время. Это видели воспаленные глаза нищеты.

Было беспокойство и недовольство верхушечных групп. Все понимали, что положение ухудшается с каждым днем. Боялись последствий войны. Россия становилась все слабее. Все презрительнее, все более свысока начинали смотреть на нее союзники. Что будет после мира, даже после победы? Не окажется ли истощенная страна в полной зависимости от своих союзников? Будет ли заплачена цена пролитой крови? Будут ли даны Константинополь, проливы, сохранится ли русское влияние в Персии, на Балканах, на Дальнем Востоке? .. Еще более мрачными казались перспективы внутри страны. Верхи общества ощущали себя на верхушке готовящегося извергнуться вулкана. Где выход? Как заново напречь силы страны для победы? Как предотвратить революцию?

Строили планы дворцового переворота. Одного царя хотели заменить другим. Шептали о конституции, об ответственном министерстве. Но не имели ни мужества, ни воли добиться этого. Даже великие князья, самая привиллегированная верхушка, которым ничто не могло грозить, когда они — после совещания с иностранцами и либеральными вождями ехали к царю, чтобы передать робкую просьбу об ответственном министерстве, — дрожали, бледнели, смущались от нескольких недовольных слов человека, которого они считали сами безнадежно слабым, и от одного холодного взгляда императрицы, этой «женщины в штанах»,

как она себя называла. Не договаривали, смолкали на полуслове, возвращались домой и растерянно говорили:

— Ничего не вышло... Невозможно...

Вожди либерализма совещались меж четырех стен, умно и едко анализировали положение страны, умно и едко клеймили бездарную власть с трибуны Государственной Думы и разных общественных совещаний. Но произнеся свои речи, подстегивавшие страну острым бичем, они расходились, как школьники, по домам, повинуясь бумажке, подписанной бессильным монархом. — Хмурились генералы, озабоченно шептались дельцы, писали нервные донесения послы союзных держав: дела шли все хуже.

В этой атмосфере всеобщего брожения, как подземные кроты, всюду шныряли иностранные агенты, большие и маленькие. Одни добивались выхода России из войны — и стремились еще больше дезорганизовать жизнь страны. Другие хотели еще крепче завязать узлы войны — и этим тоже усиливали общее разложение.

...Дворцовая молодежь решилась на действие: в подвале, тайком, заманив обманом, убили Распутина, сбросили полуживое тело царского фаворита в прорубь. И все. На большее и они не были способны.

II.

Но было ли вообще возможно большее? — Нет. Не для этих кругов и не для этих людей.

Яснее всего представляли себе положение вещей сторонники крайних правых мер, поседевшие у рычагов

государственно машины сановники, эта «старая гвардия» большевизма справа. Их воспитал и просветил опыт многолетней борьбы с революцией. В их распоряжении была прекрасная полицейская информация. И они презрительно отводили мысль о дальнейших шагах по пути парламентаризма. Они говорили, что нет ничего ошибочнее мнения, что «стоит монарху даровать действительные, настоящие права и гарантии, пойти навстречу заявленным требованиям об ответственном министерстве, принести за себя и за своего наследника присягу на верность конституции, и тотчас же настанут для России светлые дни, все сразу успокоится, а умеренные партии законодательных учреждений . . . выведут государство из тупика, в который оно поставлено нерешительной и непоследовательной политикой правительства». Ничего этого не будет. Умеренные партии законодательных учреждений «столь слабы, столь разрознены и, надо говорить прямо, столь бездарны, что торжество их было бы столь же кратковременно, сколь и непрочно». Другое дело партии левые. «Несмотря на совершенную нелепость их настоящих представителей в Думе, несмотря даже на то, что нет такого социал-демократа или социал-революционера, из которого за несколько сот рублей нельзя было бы сделать агента охранного отделения, опасность и силу этих партий составляло то, что у них есть идея, есть деньги, есть толпа, готовая и хорошо организованная. Эта толпа часто меняет свои политические устремления, с тем же увлечением поет «Боже, царя храни», как и орет «Долой самодержавие», но в ненависти к имущим классам, в завистливом порыве разделить чужое богатство, в так называемой классовой борьбе, — толпа эта крепка и постоянна. Она в праве притом расчитывать на со-

чувствие подавляющего большинства крестьянства, которое пойдет за пролетарием тотчас же, как революционные вожди покажут им на чужую землю».

«При полной, почти хаотической незрелости русского общества в политическом отношении объявление действительной конституции ... сопровождалось бы прежде всего, конечно, полным и окончательным разгромом партий правых и постепенным поглощением партий промежуточных ... партией кадетов, которая по началу и получила бы решающее значение. Но и кадетам грозила бы та жа участь ... Бессильные в борьбе с левыми и тотчас утратившие свое влияние, если бы вздумали итти против них, они оказались бы разбитыми своими же друзьями слева ... А затем ... Затем выступила бы революционная толпа, коммуна, гибель династии, погромы имущественных классов и, наконец, мужик-разбойник. Можно бы итти в своих предсказаниях и дальше, и после совершенной анархии и поголовной резни увидеть на горизонте будущей России восстановление самодержавной царской, но уже мужичьей власти в лице нового царя, будь то Пугачев или Стенька Разин» ...

Надо сказать, что авторы этой записки, поданной императору в ноябре 16 года, дали прекрасный анализ положения страны, веса ее политических партий, дали почти пророческое предвидение будущего. К их анализу надо только добавить мнение обслуживавшей их полиции о наиболее жизненном элементе революционных партий: «Наиболее бодрыми, энергичными, способными к неутомимой борьбе, к сопротивлению и постоянной организации являются те организации и те лица, которые концентрируются вокруг Ленина».

Выхода в настоящем и вожди правых показать не могли.

Они советовали царю одно: неуступчивость, звали к диктатуре. Но все дело было в том, что не было диктатора — и не было программы диктатуры. В тогдашнем своем положении Россия нуждалась в человеке громадной воли и ума, в новом Петре, который поднял бы ее на дыбу смелой социальной реформы. Только немедленное окончание войны, — и самая радикальная реформа, революция сверху, могла спасти старый строй. Но сгнившей системе не под силу было выдвинуть ни больших людей, ни большие идеи. Пришла революция снизу. Народу пришлось заплатить за результаты, которых можно было добиться иным путем, годами невероятных потрясений, потоками крови, раззорением и смертью миллионов. Так жестока бывает история!

На улицу Петрограда вышли женщины с криком: хлеба! За женщинами вышли рабочие фабрик и городской плебс. Но все решила толпа тыловой солдатчины. Она неспособна была уже на войну — но способна была решить судьбу империи.

Борьбы почти не было. Последним вышел на улицу с горстью людей, одетых в солдатские шинели, гвардии подполковник Кутепов — суровый, упрямый человек, искренне преданный падающему строю. Если б империя еще существовала, если б у нее была армия — он залил бы кровью город, но восстановил бы порядок. Но солдат у него не было. Он командовал частью уличной толпы. Не было и империи. От первого же удара она развалилась. Никто из людей власти не думал о сопротивлении. Все подчинились революции, как неизбежному.

Последний премьер-министр, престарелый князь Голицын, не дождавшись развязки, написал прошение об отставке и ушел домой. Подали в отставку и другие министры — и сами пришли в Государственную Думу с просьбой их арестовать. Брат императора, Михаил, не рискнул объявить себя диктатором Петрограда, а просто заперся дома и стал выжидать исхода событий. Через несколько дней великий князь Кирилл, будущий заграничный император, под красными знаменами привел к Думе присягать новому строю гвардейских матросов. Командующие фронтами безропотно признали революцию. «Революцию приемлю всецело и безотговорочно», говорил несколько времени спустя генерал Деникин, будущий вождь белой армии. А генерал Дроздовский, тогда еще только подполковник, тогда еще никому неизвестный, впоследствии же один из немногих ни перед чем не сгибавшихся героев белого движения, писал в своем дневнике: «С души воротит, читая газеты и наблюдая, как вчера подававшие всеподданейшие адреса, сегодня пресмыкаются перед чернью». Наконец, сам император, подписавши акт отречения, писал: «В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством: кругом измена, трусость, обман» ... Что мог сделать в этих условиях, когда никто не думал о сопротивлении, когда все вперегонки спасались с утопающего корабля, гвардии подполковник Кутепов? — Он вернулся в Адмиралтейство, поднял белый флаг ... Но для него, как и для многих, это не была сдача, но только передышка. Через год белый флаг в его руках обратился в белое знамя.

III.

Еще работают учреждения, фабрики, заводы. Еще держится фронт. Выходят на просторные площади обучаться военному делу солдаты. Изредка на фронт отправляются маршевые роты. Торгуют магазины, переполнены театры, кинематографы. Люди пьют, едят, любят, смеются ... все, как будто, как всегда, все как прежде.

Но это только видимость. На самом деле ничего прежнего нет. Если что либо еще делается, если жизнь течет как будто в нормальной колее, то только по инерции, по вековой привычке, как часы, от которых ушел мастер, и которые не заведены, но некоторое время еще идут. Но их бег не тот уже, и настанет время, когда он почти совсем остановится. Только во время придет другой мастер, сорвет все оболочки, выкинет старый механизм, вставит новый ... и часы народной жизни, хотя и не совсем еще отрегулированные, с перебоями, но побегут. Пока что, однако, нового мастера нет, а старый завод на исходе ...

Чиновники идут в канцелярии не прежним ровным, с минутной стрелкой сверенным шагом, но как то сбиваясь с ноги. Придя в свои привычные, старой пылью и копотью пронизанные комнаты, садясь за веками изъеденные столы перед груды бумаг, пишущихся и сейчас еще в старых привычных формах, они работают уже иначе. Нет уверенности, нет ясности, в глазах недоумение, все как будто как прежде и все не то. Душа отлетела. Осталась одна мертвая и с каждым днем все больше слабнущая форма.

На фабриках работают все хуже и хуже. В воздухе грозовая напряженность — и кажется каждый миг,

что вот-вот остановятся совсем работы, и рабочая масса выльется на улицы. Зачем? — Неизвестно. Все как будто уже наладилось, царя нет, его министры в крепости, есть временное правительство и есть рабоче-солдатский совет. И все-таки рабочий ощущает какую то неудовлетворенность, какую то незаконченность в настоящем — и смутное предвидение какого то совершенно нового будущего.

Солдаты выходят на ученье, проделывают положенные упражнения с палками, заменяющими ружья, колят воображаемого противника, но все это не по настоящему, в развалку, с ленцой, будто делая кому то только одолжение, для приличия только.

В рваных шинелях, в накидку, с геройски заломленными на затылок фуражками, распоясанные, не в ногу, уходят к вокзалам маршевые роты «революционной армии». И их провожают, как прежде, и как прежде они поют. Садятся в поданные поезда, но, отъехав несколько станций от Петрограда, роты тают, пополнения на фронт не приходят.

Да и самый фронт замер, стоит тоже только по инерции, но войны настоящей с ее жертвами и напряжением нет. И здесь отлетела душа. Только декоративные солдаты в советах кричат: — Война до победного конца! Защита революции! За землю и волю!

Но те же советы уже разложили фронт. И в серой солдатской массе от человека к человеку проносится и все глубже проникает мысль:

— Свобода!.. Земля!.. На хрен мне свобода и земля, когда ежели убьют...

Везде и надо всем царит улица. Беспокойная, суетливая, непонятная, сама еще ничего не понимающая, распутная, ленивая, трусливая и озорная улица боль-

шого города и большой неожиданной революции. Всюду толпы, крики, речи, кой где выстрелы, брань, кружатся обрывки газетной бумаги, воззваний, хрустит шелуха семячек, дымят бесчисленные папиросы, кружатся в воздухе непонятные, непрожеванные призывы, увещания, просьбы. Улица, гнусная и грязная улица надо всем. Она затопляет учреждения, ее шум, нестройный и разноголосый, отдается в правительственных дворцах, влияет там на мысль и действие, делает и их неясными, нестройными. Полный хаос. Полная неразбериха. Все есть — и нет ничего. Нет государства, нет правительства, нет России. Безвременье ...

И только на широких просторах крестьянской земли еще тишина. Там выжидают.

IV.

Над страной написано: Государство Российское ...

Что это? Монархия? — Нет. С двуглавого орла снята корона. Но орел, хотя и общипанный, остался. Республика? — Тоже нет. Ее не решаются объявить, не желая предрешать народной воли. Словом: неизвестно что, что то бесформенное, бесполое, что то, где ничего не предрешено.

В Мариинском дворце за тяжелым длинным столом заседает правительство.

Серьезно, вникая в детали, соблюдая все формы, они обсуждают вопрос за вопросом. Но что за вопросы? — Все, кроме тех, которые надо немедленно и обсудить и решить, чтобы дать и государству и власти твердую форму. Ни вопрос политического устройства

страны, ни вопрос о войне, ни земельный вопрос, ни национальный вопрос — ничто не разрешается этим правительством. Все это нудно и бесплодно подготовляется в различных комиссиях. А решить должно учредительное собрание — хозяин земли русской. Но когда оно соберется? Ведь время не ждет... Но его созыв все откладывается. С аптекарской точностью прорабатываются положение о выборах — чтобы ни один грамм народной воли не остался неучтенным, чтобы отобразить все народные настроения. В результате, когда оно наконец соберется, оно застанет свое место уже захваченным, само не будет уже соответствовать настроениям страны, при полном почти ее равнодушии будет распущено — и исчезнет с лица земли, как прошлогодний снег.

Иногда правительство пытается показать себя властью. С его трибун иногда раздаются и проносятся над страной слова о долге перед государством и о власти сильной и твердой, о железе и крови. Но это только слова. Государства нет, и это правительство — не власть.

В самом деле: разве могут быть эти люди правительством революции? — Они умные, они честные люди. По своему они хотят величайшего счастья стране. Но одно — хотеть, другое — мочь. Они ничего не могут.

Они считали, что они будут наследниками монархии — и именно потому расшатывали ее. Жизнь перешагнула через них. Сегодня они уже люди вчерашнего дня, правящие случайно, по недоразумению, только потому, что революция недостаточно еще развернулась, первый акт ее произошел без борьбы, потому ее волна не успела вымыть промежуточные слои, обнажить

крайности, поставить их лицом к лицу, выбросить на верхушку своих людей, новых, сильных, страшных, свои идеи и формы.

Они в подавляющем большинстве принадлежат к умеренной и либеральной буржуазии. И именно то, что они умерены и либеральны — их исторический грех в эту суровую эпоху.

У них есть свои идеи, выношенные в тиши кабинетов — и очень далеко от народной жизни. Идеи, в которых все, что требуется для народного счастья, взвешено с математической точностью. Чего хотят они? — Они сами помещики и капиталисты. Они не хотят поэтому и боятся сильных социальных переворотов. Они хотят только чуточку смягчить противоречия русского социального строя. Понемножку потом просвещать, понемножку освобождать, понемножку обогащать народ. Но, увы! — история революций не знает гомеопатических мер: она движется вперед резкими и огромными скачками. Она требует немедленного исцеления того, что наболело в народном теле. Пусть болезненного, кровоточащего, — но радикального. И медленному, осторожному, европейски образованному доктору они предпочитают своего знахаря-чудодея, который знает потребности народного организма и у которого твердая, не дрожащая рука.

Знают ли эти люди народ? Его жизнь? — Нет. Они выросли под давлением европейских книг, манер, традиций, в барских особняках, в кулуарах потешного русского парламента, на университетских кафедрах, вдали от живого народа, от его жестокой и безотрадной жизни. Они какие то иностранцы в собственной стране. И им не дано то, что делает великими народных царей и диктаторов: прикладываться ухом к зем-

ле, слышать голос миллионов, улавливать в нем затаенные желания — и воплощать их в жизнь. Им нечего делать поэтому с революцией низов.

Но и сил подавить революцию масс — и, воссоздав государство, власть, воплотить свои идеи в жизнь, заставить народ пойти их путем, у них нет. Для этого нужна твердая жесткая рука — кровавая контр-революция. Они боятся контр-роволюции, они на нее неспособны — они ищут поэтому поддержки слева — и оказываются во власти революционной улицы. При первой же их попытке поставить на своем, провести в жизнь хотя бы что то свое, революционная улица выходит из берегов, беснуется, кричит им:

— Долой!

Власти обуздать улицу у них нет. Призвать против нее либо народ, либо генералов они не могут. Самые сильные и самые умные люди временного правительства, Гучков и Милюков, — опять под давлением улицы — уходят. Остальные подчиняются ей.

Нет, это не правительство революции! Это поистине временное — и случайное правительство. Потому и работа его так бесплодна. Она сводится главным образом к обсуждению своего положения, странного и тяжелого.

...В Таврическом дворце, потом в Смольном институте заседает другое правительство, тоже случайное, созданное и брошенное сюда прихотью бесформенной улицы. Пожалуй это фактическое правительство, но оно не хочет брать власти в свои руки, боится прямой ответственности, предпочитает вершить судьбы страны исподтишка, воровским образом. Это исполнительный комитет советов рабочих и солдатских депутатов. Собрание революционных олигархов.

Тут разные люди, разные слои.

Тут и подлинные революционеры и по жизни и по натуре, еще только не нашедшие в общей неразберихе пути. У них есть и воля, и страсть, и готовность самопожертвования и самоотречения, но нет еще возможностей применения всего этого. Они в тени пока, теряются в общей толпе. Тут и темные люди настоящего народа, настоящей земли, мало что понимающие в окружающем шуме, чешущие пока что затылки, морщащие твердые лбы, качающие недоумевающе и укоряюще головой. И для этих людей день их действия еще не пришел. Сейчас они знают одно: разнузданность революционного города не по ним. Им нужна твердая власть и порядок.

Основная же масса — это накипь уличной толпы, руководимая революционно-демократическим болотом, мягкой, бесхребетной Жирондой, прирожденными меньшевиками всех партий.

Из всех щелей повыползли на праздник революции все те, кто когда то хотя бы в полицейском участке «страдал за народ», кто топтался в прихожих революции, а потом от нее ушел, продав свои убеждения за похлебку буржуазного бытия. Сейчас они все борцы, все герои, — ведь в этом хаосе немыслимо разобраться и нельзя сказать, где настоящий ореол, где искусственный, где настоящие люди, где спекулянты революции. Все предъявили сейчас векселя, все требуют компенсации за страдания и борьбу — все вплоть до сотрудников охранного отделения, предусмотрительно сжегших полицейские архивы.

И тут же серая, алчная, хищная масса честолюбцев минуты, людей революционной улицы, без прошлого, в большинстве и без будущего. Тут и маленькие офи-

церы, и зубные врачи, и фармацевты, и инженеры, все слои маленькой и средней интеллигенции, вчера еще пресмыкавшиеся, не думавшие ни о революции, ни о власти, сегодня при помощи звонких фраз и временной слепоты народа делающие минутную карьеру. Ведь это так легко сейчас! — «Несомненно, отмечает в своем дневнике Дроздовский, нетрудно было бы поплыть по течению и заняться ловлей рыбки в мутной воде революции. Ни одной минуты не сомневался бы в успехе, ибо слишком хорошо изучил я людскую породу и природу толпы. Но изучивши их, я слишком привык их презирать, и мне невозможно было бы поступиться своей гордостью ради выгод». Но так рассуждали тогда не так многие: по преимуществу только подлинно-русские люди, в жилах которых текла еще кровь создателей великой империи. Эти люди стояли в те дни, подобно будущим героям революции, в тени. В пестрой толпе преобладали люди, глубоко враждебные России, ее нации, ее истории.

Руководители всего этого сброда мало думали о народе и его интересах. Они были больше заняты своей личной судьбой. Поднявшись от ничтожества к верхам власти, они думали об одном только: как закрепить свое временное владычество, как использовать неповторимый момент до конца, как поплотней присосаться к соскам страны и напитаться от них до отвалу. Вся их революционность сводилась к беспринципной демагогии, которой они в конец расшатывали государство. На деле же они ничего общего не имели с народной революцией.

Они твердили: революция буржуазная, поэтому править должна буржуазия. Мы только контроль. И они предпочитали плестись в хвосте у буржуазии, по-

могая ей спускать государство российское на тормозах к порядкам европейской парламентарной олигархии политических партий. Основных вопросов народной революции — вопросов мира, земли, национального — они не хотели и не умели разрешить так, как того требовал момент.

Но еслиб они хоть в самом деле могли помочь буржуазии в ее попытках воссоздания государства! И этого не было. Ибо для этого надо было помочь ей подавить революцию низов — и утвердить власть военного диктатора. Но это грозило их собственной власти. Даже больше: это грозило их шее. Поэтому они парализовали все шаги правительства — и выдали его, в конце концов, с головой пришедшей в октябре революционной диктатуре.

Поистине: проклятием страны был этот жалкий слой себялюбивых, беспринципных, жадных до власти, но слабых, трусливых, ни на что не пригодных людей! Но через них надо было пройти. Таков, очевидно, закон революций.

...Нет государства. Нет власти. Старые формы постепенно разрушаются. Новые еще не созданы.

Но и государство и власть нужны. Иначе не будет России. Сильные люди скоро сознают это. Сознают это и люди земли. Происходит тяжкий процесс размежевания. Все активные слои русского народа группируются по крайним флангам. Демократическое болото — союз умеренной буржуазии и розового социализма — вымывается и скидывается с исторических счетов. Начинается борьба за воссоздание русской государственности. Начинается борьба за ее формы и суть. В двух противостоящих лагерях концентрируются все люди напряженной любви к стране и народу, люди во-

ли, сверхчеловеческого подвига, безусловной самоотверженности. Пассивные элементы поневоле должны тоже принять участие в этой борьбе двух начал, ведущих к одной цели. Как стоит вопрос? — Или-или. Или формы старой империи, опять корона на двуглавом орле, власть сурового диктатора-солдата, разгон советов, кровавое удушение революции низов, сначала успокоение, потом реформа. Или — продолжение и углубление народной революции, разгон и организация революционнной улицы, безжалостные клещи якобинской диктатуры, взрыв всех социальных основ старого строя, полный слом старых форм, физическое и моральное уничтожение людей старого, все новое, люди, формы, — и, как результат, новая империя, новая единая, великая, неделимая Россия . . . Или Корнилов — или Ленин. Побеждает Ленин.

V.

— В марте месяце семнадцатого года, расскажет несколько лет спустя Сталин, у меня были колебания. Они длились всего одну-две недели. С приездом Ленина они отпали — и на апрельской конференции 17 года я стоял в одних рядах с Лениным против Каменева и его оппозиционной группы . . .

Причина колебаний была проста. Именно в мартовские дни семнадцатого года с исключительной ясностью сказалось, что Сталин не был самостоятелен идейно. Он мог прекрасно усвоить — еще лучше воплощать в живой жизни идеи другого. Он мог сделать все последующие выводы, раз была только основная

ведущая нить. Но он не мог создать новой системы идей. А Россия в марте семнадцатого была на историческом переломе. Все ценности требовалось переоценить, чтобы создать возможность постройки нового государства. Требовалась совершенно новая система идей.

Сталин растерялся. Прежде вся его энергия была направлена на свержение царской власти. Это была отчетливая цель — и к ней, как зубья одного колеса машины к другому, были приспособлены все его мысли и действия. Но о том, что будет после уничтожения монархии все — и особенно Сталин, слишком занятый всегда практической работой, — думали в самых общих чертах, рисовали самые туманные, самые общие схемы. И вот сейчас цель, которая наполняла жизнь, достигнута. А дальше что? Какое конкретное содержание надо вложить в общие формулы прошлых дней? И соответствуют ли эти формулы реальной обстановке сегодняшнего дня?

Ленин писал из-за границы, что нет: старые формулы надо пересмотреть, в новой исторической обстановке нужны и новые цели и новые методы. Но Ленин был далеко. Его мысли доносились обрывками и редко. И они слишком шли в разрез с тем, что Сталин наблюдал вокруг себя. Прав ли Ленин? Может ли он правильно оценить обстановку в России издалека, не видя ни людей, ни их жизни?

Каменев, вместе со Сталиным вернувшийся из ссылки, яростно убеждал не считаться с ленинскими «бреднями»:

— Разве Ильич понимает то, что происходит у нас здесь сейчас? У себя заграницей он оторвался от русской действительности — и сейчас только может испортить своими нелепыми мыслями всю нашу тяже-

лую и ответственную работу. Уверяю вас: сейчас должен быть единый революционный фронт — иначе неизбежна реакция. Мы не можем рвать с прочими слоями революционной демократии. Мы не смеем вносить раскол в рабочую среду. Да и кто пойдет за нами, еслиб мы на это и решились ? .. Ничтожные кучки. Масса с большинством демократии.

Каменев был и за поддержку временного правительства, — условную, конечно, — и за объединение с меньшевиками и за «революционную войну». Словом, за все то, против чего восставал Ленин.

Эта позиция Каменева, как и то, что он приобретал все большее влияние в рядах партии, не было случайно.

И большевики не избежали судьбы других партий в эпоху революции: в их рядах снова замаячили лица людей, которые под гнетом реакциии отреклись было от революции, теперь же с ее победой вернулись Все они гордо называли себя «старыми большевиками». Они не хотели никаких дальнейших потрясений, никакой борьбы, но стремились к теплому местечку в рядах революционно-демократической олигархии. Поэтому они вовсе не противопоставляли себя меньшевикам и другим розовеньким социалистам, но предпочитали роль крайнего левого крыла советской демократии. К ним примкнули все колеблющиеся. Активные же элементы партии были в растерянности, чувствовали, что что то не то, что нужен какой то смелый прыжок, но куда не знали. Некоторые из них присоединялись к болоту, боясь самостоятельными шагами повредить делу революции. Боязнь реакции была сильна у всех.

Вот почему с первых же дней переворота большевики заняли самую неопределенную позицию. Когда перед только что образовавшимся советом рабочих и сол-

датских депутатов стал вопрос: быть ли ему самому властью, или же передать ее в руки умеренной буржуазии, и когда меньшевики всех партий высказались за последнее, — исполком совета единогласно голосовал за установившееся таким образом двоевластие: в исполкоме было 10 большевиков. На пленуме совета только 19 голосов раздалось против буржуазного правительства, большевиков же там было 40. Таким образом, большая часть большевиков шла тогда по течению, вместе с меньшевиками революционной демократии. Выпущенное питерскими большевиками воззвание к трудящимся говорило о «поддержке революционного правительства».

Правда, вскоре «молодые» во главе с Молотовым повернули влево. В «Правде», во главе руководства которой они стали, раздались голоса: временное правительство — контр-революционно. Самая крайняя группа «молодых» поговаривала даже о свержении временного правительства — и находила отклик в части рабочей массы Петрограда, главным образом, в Выборгском районе.

Но приехали из Сибири «вожди»: Каменев, Сталин, Муранов. Они отстранили Молотова от руководства «Правдой». «День выхода первого номера преобразованной «Правды» — 15 марта — был днем оборонческого ликования. Весь Таврический дворец, начиная от дельцов Комитета Государственной думы до самого сердца революционной демократии — исполнительного комитета советов — был преисполнен одной новостью: победой умеренных, благоразумных большевиков над крайними». «Когда этот номер «Правды» был получен на заводах, там он вызвал полное недоумение среди членов нашей партии и у сочувствовавших нам и язви-

тельное удовольствие у наших противников... Негодование в районах было огромное, а когда пролетарии узнали, что «Правда» была захвачена приехавшими из Сибири тремя бывшими руководителями, то потребовали исключения их из партии». Так рассказывает один из оттесненных «левых», будущий вождь рабочей оппозиции, Шляпников. В его рассказе есть одно только преувеличение: лишь очень небольшая часть партийной массы и еще меньшая часть рабочих были настроены «лево». Революционная улица еще не осознала себя. Оборонческие настроения в ней были сильны. И Каменев, Сталин, Муранов шли по течению — и могли не бояться угроз исключения из партии.

Как нельзя лучше подходил Каменев для роли «вождя» временно победившего в партии болота. Он был типичным героем безвременья. Он был человек без хребта, плоть от плоти, кровь от крови меньшевизма. В партии он всегда представлял меньшевистские течения. Стойкостью никогда не отличался. Еще во время войны он успел полуотречься от своих идей. Когда в Сибирь пришли первые вести о революции, и когда там еще думали, что императором будет Михаил, Каменев поспешил от лица собрания местной буржуазии, на котором он председательствовал, приветствовать первого конституционного монарха. Потом так же горячо приветствовал временное правительство. Вернувшись и войдя в исполнительный комитет советов, он там всем видом своим показывал, что ему даже немного стыдно представлять такую неприличную партию, как большевиков, но он сделает все, чтобы их образумить. Он готов был на любые уступки, лишь бы заключить выгодный компромисс и хоть краешком сесть у власти. В рабочей среде, в большевистских ни-

зах его никогда не любили. Вокруг его имени ходили мрачные слухи о связи его с царской охранкой. Но зато «старые большевики» верхушки партии видели в нем в эти дни безвременья как раз того человека, который был им нужен. Вокруг него группировались и Рыков со своими людьми в Москве, и Калинин. К нему же с первых дней по приезде в Россию примкнул изменивший Ленину Зиновьев. Словом, в те дни наметились уже линии и люди будущих «оппозиций» в партии.

Сталин, хотя и шел за Каменевым, но неуверенно, безинициативно, бездейственно. Он дал втянуть себя в политику соглашательства, но не мог играть в ней большой роли: это претило его действенной и твердой натуре. Поэтому он как то застыл.

— За время своей скромной деятельности в исполнительном комитете Сталин производил впечатление серого пятна, иногда маячившего тускло и бесследно, — записывает в своих воспоминаниях Суханов.

VI.

Медленно движется поезд Финляндской железной дороги. Ленин задумчив. Он знает, что на том пути, который он выбрал, отступления нет. Или-или. Или победа, или полное поражение и смерть, не только его, но и его партии и его идей. Настал решающий момент, когда мечты и думы всей его жизни должны быть поставлены под проверку живой истории. Он крепко сжимает зубы. Решение принято. Отступления нет. Сегодня еще начинается борьба.

Рядом с ним бледный, дрожащий Зиновьев.

— Что будет, что будет? — шепчет он про себя.

Еще в Швеции им сказали, что их, вероятно, арестуют тотчас же по приезде. Но только ли арестуют? В дни революции все страсти возбуждены. А они проехали через Германию, о них могут сказать, что они немецкие шпионы . . .

Зиновьев с удовольствием выпрыгнул бы из этого поезда, поехал бы один, незаметно. Там можно укрыться, переждать у кого нибудь из друзей, осмотреться. Бог с ней, с политической карьерой. Жизнь дороже. Но поезд идет — и нет мужества скрыться из под сурового ленинского взгляда, который как будто читает, что происходит в зиновьевской душе.

В окно, на мелькающие домики и деревья смотрит Крупская. Ее мало интересует сейчас, что будет. Она привыкла уже ко всему. Она не думает сейчас о политике, о делах. Она переживает радостную минуту встречи с родиной. Ведь это же уже Россия, родная страна, русские березы, русские лица, русская речь! Все такое милое, родное, незабываемое. У нее на глазах слезы.

. . . Перед финляндской границей их встретили сестрорецкие рабочие и питерские большевики. Во главе — Каменев и Сталин.

Рабочие вносят Ленина на плечах на вокзал, просят сказать речь. Он отмахивается, кидает несколько приветственных слов. Ему не до речей. Ему хочется только знать, что делается в Питере. Но прежде всего он набрасывается на Каменева. Он знает уже, а еще больше чувствует его дела.

— Что вы там натворили в «Правде» ? . . Что у

вас пишется! Мы здорово вас ругали... Что за линия! Позор... Соглашательство.

Каменев виляет, как провинившаяся собака. Пытается улыбаться. Все объяснится, все уладится. Но Ленин забыл уж его. Обратился к Сталину. Деловито расспрашивает о положении в Петрограде, в стране. Сталин также деловито отвечает. Его не смущают упреки Ленина. Ну что ж... если они ошиблись, неправы — Ленин приехал, выправит. Сталин доволен — и в первый раз за все дни революции чувствует себя уверенно. Нет, человек, который говорит так твердо и ясно, как Ленин, не может ошибаться. Он знает, чего он хочет. В Сталине опять просыпается доверие к вождю — и он готов уже стать рядом с ним.

Зиновьев и Каменев забираются в соседнее купе для интимного разговора. Настойчиво расспрашивает Зиновьев:

— Так вы уверены, что нас не арестуют?

Каменев успокаивает. Лицо Зиновьева разглаживается, принимает обычное наглое выражение. Он опять готов плести сеть привычных интриг. Поезд не успел подойти к Петрограду, как Зиновьев отрекся от Ленина.

...Финляндский вокзал. Почетный караул, музыка. Молоденький флотский офицер из делающих карьеру на революции произносит приветственную речь. Заканчивает надеждой, что Ленин вступит в состав временного правительства. Ленин, в мятом пальтишке, в круглой шляпе, съехавшей немного набок, с огромным букетом красных цветов, который ему кто то всунул и который он, не зная,что делать, плотно, как ребенка, прижимает к груди, молчит. Немного только улыбается, но лицо дергается. Ему не до приветствий.

Бывшие императорские комнаты. Депутация советов. Чхеидзе говорит речь. Выражает надежду на дружную совместную работу. Ленин уже хмурится. Отвечает коротко и резко, обращаясь не к Чхеидзе, но к сгрудившимся тут матросам и рабочим. Ответ ясный:

— Да здравствует социальная революция!

Борьба началась.

Дальше толпа — из неизвестных людей, которых он никогда в своей жизни не видал, — но толпа близкая, своя. Мускулистые руки подымают крепкое маленькое тело, несут, как знамя, над тысячами голов. Дальше броневик, речи, медленная и торжественная процессия в ослепительном свете прожекторов, дворец Кшесинской, нарядные комнаты, серая толпа его большевиков, напряженно, с особенным ожиданием, смотрит на него. Опять приветствия, нудные, ненужные, — и вдруг он властно их обрывает и начинает двухчасовую речь, в которой рассказывает о всем, что передумал, к чему пришел, ожидая этого момента за свою долгую жизнь.

И выводы:

— Долой войну! Полный разрыв с международным капиталом. Пропаганда этого в массах. Братание на фронте.

— Никакой поддержки временному правительству. Вся власть советам! Через них — к революционной диктатуре.

— Земля народу! Конфискация всех помещичьих земель. Национализация земли.

— Банки из рук капиталистов. Единый общенациональный банк под контролем революционной власти.

— Контроль над производством и распределением продуктов.

— Долой постоянную армию! Долой чиновников!

— Не социал-демократия, а коммунизм.

— Создание революционного интернационала для борьбы с мировым империализмом.

Каждое слово, каждый лозунг, как резкий бич, ударяет по слушателям. Эти слова — самая сильная демагогия. Из них многое выкинет потом и сам Ленин. Но сейчас они для него — программа завоевания масс, единственный путь к власти. Слова эти, разлившись по телу страны, через месяц, через годы, как серная кислота, должны сжечь на нем все надстройки прошлого, нанося одновременно и тяжкие раны самому народу... Но сейчас этого никто еще не понимает. Сейчас его речь воспринимают, как она есть. Это — разорвавшаяся бомба! Все оглушены. Лица одних загораются. Другие мрачнеют.

На следующий день начинается борьба против Ленина. Ленин в полном почти одиночестве первые дни. Рядом с ним только Сталин, Молотов, кучка «молодых». Против него все почти «старые большевики».

Английский посол записывает: «Среди вновь прибывших анархистов, приехавших в запломбированном вагоне из Германии, был Ленин. Он появился публично первый раз на собрании социал-демократической партии и был плохо принят». «В первые дни по его приезде, вспоминает Суханов, его полная изоляция среди всех сознательных партийных товарищей, не подлежит ни малейшему сомнению».

Не только Каменев, не только Зиновьев, но и Рыков, и Томский, и даже Дзержинский были против Ленина. Недалекий Калинин плачется:

— Я принадлежу к старым большевикам-ленинистам. И я удивляюсь заявлению Ленина, что старые

большевики стали помехой для настоящего момента . . .

. . . Но Ленин, опираясь на молодых, шел своим путем. Этап за этапом, упорно, медленно, но он продвигался к успеху. Сначала создание большинства в рядах собственной партии, победа над Каменевым и Зиновьевым. Затем создание большинства в советах. Завоевание масс. Выявление и закалка в их среде инициативного ядра. И потом, наконец, решительным ударом — захват власти.

Начинается новая полоса русской истории. Расплывчатое безвременье кончается. Твердым шагом ступают на подмостки истории настоящие солдаты революции. Молча, со сжатыми зубами, пока что в стороне, в подполье, начинают выстраиваться для последней борьбы и суровые солдаты контр-революции.

VII.

С приездом Ленина политика Сталина становится все ясней, роль его все больше.

Когда после июльского выступления и разгрома Ленину приходится скрываться, к Сталину и Свердлову переходит руководство партией. Они ведут ее в точном согласии с линией Ленина, всячески борясь со всеми разлагающими и ослабляющими ее влияниями.

. . . В июльские дни, между прочим, в личную жизнь Сталина входит новый момент. Он знакомится со своей будущей женой.

В эти дни Ленин скрывался первоначально в Петрограде на квартире старого члена партии, работавшего на электрической станции, С. Аллилуева.

Сталин часто приходил туда. Шел вопрос: надо ли Ленину отдаться властям. Ряд большевиков, особенно «старых», высказывается за то, что надо. По городу ползут де самые невероятные слухи. Говорят, что Ленин — германский шпион, что все июльское выступление, вся вообще работа большевиков ведется на немецкие деньги. Об этом говорят уже и в рабочей среде и в полках гарнизона.

— Вождю партии брошено тяжелое обвинение. Он должен предстать перед судом и оправдать себя и партию. Иначе у партии не будет возможности оправдаться перед широкими массами.

Сам Ленин колеблется.

Сталин решительно против явки к властям.

— Юнкера до тюрьмы не доведут, убьют по дороге! . .

В то время вернулись с одной станции Финляндской дороги дочери Аллилуева. Они рассказали, что слышали в вагоне, что виновники июльского восстания и «тайные агенты Вильгельма» бежали на подводной лодке в Германию — и что очень жаль, что так случилось, потому что этих людей надо бы убить . . . Девочки были очень смущены, узнав, что главный виновник восстания сидит у них в квартире. Но их информация показывала, что попадаться в руки властям Ленину нельзя.

Сталин, смеясь, спросил младшую:

— Так убьют Ильича, а?

Серьезно глядя на него чистыми, еще совсем почти детскими глазами, она сказала:

— Конечно, убьют . . .

Уверенная твердость ее голоса, серьезность глаз, какая то ясная определенность лица и фигуры произве-

ли на Сталина впечатление. Его потянуло к этому полуребенку. Правильность информации девушек подтвердила и разведка Орджоникидзе и Ногина, которых Сталин направил в исполком Совета узнать: гарантируют ли Ленину жизнь? Меньшевики гарантии дать не могли.

Было решено отправить Ленина сначала в Сестрорецк, а потом в Финляндию. Когда все возможности были выяснены, Ленина переодели и подгримировали, и поздним вечером они отправились на Приморский вокзал.

«Впереди шел Емельянов, за ним на небольшом расстоянии Владимир Ильич и Зиновьев, а я и Сталин шли сзади всех, — рассказывает Аллилуев. — Поезд был уже подан... Трое отъезжающих товарищей сели в задний вагон. Мы с тов. Сталиным непринужденно гуляли по платформе вдоль поезда. Перед самым отходом поезда Владимир Ильич вышел на заднюю площадку последнего вагона... Через несколько минут поезд тронулся. Мы с тов. Сталиным стояли на платформе и впивались жадным взором на стоящего на задней площадке Владимира Ильича... В душе посылали мы ему пожелания скорого и счастливого возвращения обратно, не делая ни одного жеста прощального приветствия. И как только поезд скрылся с нашего поля зрения, мы отправились пешком в обратный путь. На душе в одно и то же время было грустно и легко».

Сталин часто, несмотря на занятость, стал бывать в доме Аллилуевых. В последующие годы, из случайной встречи родилась глубокая привязанность: он нашел человека, которому одному из всего своего окружения доверяет до конца.

...На съезде партии в августе 17 года Сталин по

поручению Ленина выступает с политическим докладом. Когда Преображенский к резолюции о «политическом положении», в которой говорится, что задачей революционных классов России является напряжение всех сил для взятия государственной власти в свои руки и для направления ее к миру и социалистическому переустройству общества, вносит поправку, обуславливающую успех наличием пролетарской революции на Западе, Сталин резко возражает:

— Не исключена возможность, — говорит он, повторяя свою и ленинскую давнюю мысль, — что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму. Пора откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь.

...В сентябре 1917 г. Ленин прислал из Финляндии, где он еще скрывался, решительное письмо центральному комитету партии.

— Большевики, — писал он, — могут и должны взять власть в свои руки.

Почему м о г у т? — Потому что они уже получили большинство в столичных советах — потроградском и московском. Это значит, что большая часть активных революционных сил обоих столиц за них. Этого достаточно, чтобы разбить правительство. Предложив вслед затем немедленный мир, отдав тотчас же крестьянам землю, большевики составят такое правительство, которое никто уже свергнуть не может.

Почему д о л ж н ы они взять власть? — Потому что ростут силы противной стороны. Потому что предположено сдать Питер немцам, а это значит — разгром столичных большевиков. «Только наша победа в столицах увлечет крестьян за нами».

Итак: к захвату власти! — «История не простит нам, если мы не возьмем власти теперь».

Сталин ставит письмо Ленина на обсуждение центрального комитета. Протестует, волнуется Каменев. Предлагает отвергнуть письмо Ленина, признать недопустимым какое либо выступление. Предложение Каменева отклоняется, но внутри руководства партии вновь назревает раскол, который с особенной резкостью проявится в октябрьские дни.

VIII.

Октябрьский переворот в Петрограде был типичным дворцовым переворотом, захватом власти небольшими группами активных революционеров, объединенных и организованных партией Ленина. Массы всколыхнулись уже после победы.

В состоявшемся 16 октября 17 г., за несколько дней до выступления, совещании центрального комитета большевиков с зависимыми от него организациями, Бокий сообщал о настроениях рабочих районов Петрограда:

— Васильевский остров — боевого настроения нет. Выборгский район — обычная опора большевиков — тоже. Первый городской район — настроение трудно учесть. Во втором городском районе настроение лучше. Московский район: настроение бесшабашное, но выйдут только по призыву совета, а не партии. Нарвский район: стремления выступить нет. Охтенский район: дело плохо. Рождественский район: то же, сомнения, выступать ли. Пороховой и Невский район: настро-

ения улучшились в нашу пользу. Рождественский район: настроение выжидательное.

Надо заметить: «настроение лучше» или «настроение в нашу пользу» вовсе не означает готовности выступления. Это явствует из сообщения Шляпникова о настроениях рабочих металлистов — самой влиятельной группы:

— Влияние большевиков преобладает, но большевистское выступление не является популярным. Слухи об этом вызвали даже панику.

Володарский — от Петроградского совета — подвел итоги:

— Общее впечатление, что на улицу никто не рвется . . .

Не лучше было положение в солдатской среде. Правда, петроградская солдатчина как раз накануне октября увидела серьезную себе угрозу: намечался вывод петроградского гарнизона и замена его свежими фронтовыми частями. Поэтому питерские солдаты в подавляющем большинстве были против правительства и за большевиков. Но проливать свою кровь за последних они тоже не собирались: они были в конец разложены, потеряли всякую боеспособность. В октябрьские дни они «держали нейтралитет» — и только.

Ленин предвидел все это. — Знал, что переворот может быть действием самых небольших сил — и это то именно и заставляло его торопиться. Каждый день мог изменить обстановку.

Разговоры о сдаче Петрограда немцам, были, конечно, только демагогией Ленина. Но замена петроградского гарнизона фронтовыми частями — вероятнее всего казачьими — это была серьезнейшая угроза.

Правда, правительство, под давлением советов, все не решалось на эту меру. Советы понимали: для них эта смена была вопросом жизни или смерти. Они держались исключительно деклассированной солдатчиной. Приход войск, повинующихся своим начальникам, означал конец революционной олигархии. «Революционная демократия» предпочитала, конечно, спасать себя — и жертвовать Россией, государством, разжигать гражданскую войну. Ибо так стоял тогда вопрос.

Но, рассуждал Ленин, ведь может случиться, что генералы независимо от правительства пришлют войска. И тогда...

Ленин знал: национальная диктатура вполне возможна. Почва для нее была подготовлена. Страна шла к ней. Все дело было в том, чтобы национальные круги действовали быстро и умело. Все дело было в том, чтобы опередить их в захвате власти.

Вот почему Ленин ставил все на карту.

Вот почему Сталин в совещании 16 октября, на истерические протесты Каменева и Зиновьева, убеждавших не начинать восстания, но ждать учредительного собрания, где большевики будут играть де почти решающую роль, говорил:

— То, что предлагают Каменев и Зиновьев, это объективно приводит к возможности для контр-революции организоваться: мы без конца будем отступать и проиграем всю революцию.

IX.

Национальная диктатура была возможна и даже неизбежна, еслиб в дело не вмешались большевики, потому, что до октября — это надо твердо сказать — всенародной революции в народе не было. Революция ограничивалась городом — частично фронтом. Собственно, это не была революция, а почти что только бунт городской черни и тыловой солдатчины. Крестьяне же, — решающая сила русской земли — до последних, предшествовавших октябрю месяцев, оставались спокойными, покорно выжидали. Аграрного движения в России до августа-сентября 17 г. не было.

Ленин учитывал это. Еще в апреле, вскоре после приезда из заграницы, он говорил:

— Аграрное движение только предвиденье, но не факт. Надо быть готовым к тому, что крестьянство может соединиться с буржуазией.

Несколько времени спустя он повторяет:

— Мы боремся за то, чтобы крестьянство перешло на нашу сторону, но оно стоит до известной степени сознательно на стороне капиталистов.

...Все дело в том, что столыпинская реформа, как ни скомкана она была после смерти ее творца, дала всетаки значительные результаты. К моменту революции Россия имела свыше трех миллионов выделившихся из общины крестьянских дворов. На земле вырос плотный слой сильных хозяйственно крестьян, окрепших и за счет пролетаризации части крестьянства и за счет скупки помещичьих земель. Насколько силен был этот слой, насколько благодетельно было для страны все увеличивающийся рост мелко-капиталистических крестьянских хозяйств, можно видеть из того,

что за 13 лет — с 1900 по 1913 г. — цифра народного дохода по сельскому хозяйству от увеличенной продукции выросла на 33,8% (с 2985 мил. рб. до 3995 мил. рб.). Самый мощный рост продукции сельского хозяйства относится ко времени после столыпинской реформы. За одно только пятилетие, непосредственно следующее за реформой — 1908-1912 — вывоз русских сельско-хозяйственных продуктов заграницу увеличился в полтора раза. Выросла и сельско-хозяйственная техника. Напр. ввоз сельско-хозяйственных машин в годы, следующие за реформой, увеличился в четыре раза, ввоз удобрений — в 18 раз.

Все это не исключало еще революции вообще. Но все это давало возможность повести ее по пути союза буржуазии и крестьянства за счет помещиков — без коренной ломки государственного и общественного строя.

Крестьянство в массе непосредственно после февраля не восставало, не захватывало помещичьих земель. Точно также солдаты-крестьяне не уходили с фронта. Зачем? — Земля и мир обещаны новым правительством, можно подождать. Беспорядка крестьянин не хочет. Наоборот. Землю он желает получить «по закону», от законной власти, чтобы потом никаких недоразумений не было. Мир тоже, думает он, может устроить только такая власть. Поэтому солдаты фронта, хотя уже и не воюют, но «держат фронт». К беспорядкам в городах крестьянство относится неодобрительно.

Но время идет. Из столиц приходят все худшие вести. Столичная толпа все бунтует, правительство ничего не может. Крестьянские ходоки возвращаются

ни с чем. Нет никакой ясности, учредительное собрание все оттягивается, никакого просвета не видно.

Деревня начинает волноваться. Начинаются самочинные захваты земель. Начинается аграрное движение. Начинается народная революция.

Но и несмотря на это национальная диктатура могла еще опереться на крестьян. Даже беднейшее крестьянство могло еще пойти за национальной диктатурой — и скорее, чем за большевиками — потому что в каждом крестьянине жил собственник, союз с буржуазией городов был для крестьянства естественнее, чем союз с рабочими; каждый бедняк хотел, обогатившись за счет помещичьей земли, стать маленьким капиталистом.

Вот почему, еслиб перед октябрем на место бессильного и непопулярного правительства стал национальный диктатор и гарантировал бы крестьянству и землю и мир, крестьянство дало бы ему и собственные кулаки и силы фронта для того, чтобы разогнать советы и усмирить городской плебс. А еслиб дальше этот диктатор, во избежание новых потрясений, чтобы не передавать опять власти в руки революционной олигархии, разогнал бы учредительное собрание, крестьянство вновь поддержало бы его. Раз получена земля, раз есть или будет мир — к чему учредительное собрание... Характерно, что и накануне октября, и во время и долго еще спустя в крестьянской среде говорили: царя бы надо... порядка иначе нет.

Произойди все это, осуществись то, что допускал Ленин: союз буржуазии с крестьянством под знаменем национальной диктатуры, в формах старого строя, но с реформированным существом, — основные противоречия русской социальной жизни могли бы быть

устранены, исчезла бы потребность в народной революции, а, следовательно, и в Ленине и в его партии.

Ленин знал: в истории побеждает всегда тот, кто первый в решительный момент берет в свои руки инициативу. И он решил, рискуя всем, итти вперед, опередить круги национальной диктатуры, захватить первому власть, декларируя крестьянское право на землю и мир, выбить почву из под ног и национальной диктатуры и учредительного собрания — и тем самым получить возможность произвести величайший в мире революционный эксперимент.

Власть — все может!

X

Но где же были национальные круги во время октябрьского переворота? Почему они, будучи силой, которой больше всего боялся Ленин, дали этому перевороту совершиться? —

Активной силой национального движения было русское офицерство. И оно в подавляющем большинстве палец о палец не ударило для защиты временного правительства от большевиков.

По разсказу самого Керенского, в то время, как здание Зимнего дворца, где помещалось правительство, охранялось горстью юнкеров и декоративным женским батальоном, находившееся рядом здание штаба военного округа «было переполнено офицерами всех возрастов и рангов, делегатами различных войсковых частей».

— Один из преданных офицеров..., разсказы-

вает Керенский, отдав себе отчет в том, что происходит в штабе, и, в особенности, присмотревшись к действиям полковника Полковникова*), пришел ко мне и с волнением заявил, что все происходящее он не может иначе назвать, как изменой. Действительно, офицерство ... вело себя по отношению к правительству, а, в особенности, конечно, ко мне все более и более вызывающе. Как впоследствии я узнал, между ними по почину самого полковника Полковникова шла агитация за необходимость моего ареста. Сначала об том шептались, а к утру стали говорить громко.

Находившийся в Петрограде союз казачьих войск, руководимый националистическими кругами, высказался за невмешательство казаков в борьбу правительства и большевиков. Казачьи полки, бывшие в Петрограде, все время осады Зимнего дворца «седлали лошадей» — но так и не выступили.

Наконец: еще накануне переворота в Петроград должны были прибыть вызванные Керенским, как верховным главнокомандующим, фронтовые эшелоны. Они не прибыли. Когда Керенский сам бросился на фронт, командующий северным фронтом, генерал Черемисов, фактически отказал ему в помощи и затормозил движение войск.

Словом: военные круги, составлявшие ядро национального движения, сознательно выдали правительство в руки большевиков.

Конечно, это была ошибка. Громадная, непоправимая. Но психологически действия офицерства были вполне понятны.

---

*) Командующий правительственными войсками Петрограда в момент переворота.

Русское офицерство больше всех слоев населения пострадало от революции с первых же ее дней. Оно надо сказать, в подавляющем большинстве отнеслось к революции вовсе не враждебно. Больших симпатий к старому строю даже у монархически настроенного офицерства не было. Слишком уж развенчала монархию война. Не надо забывать, что та же война сильно изменила офицерский корпус, демократизовав его. Но даже старое, кадровое офицерство принимало революцию, как неизбежность. «Я никогда в жизни, писал Дроздовский, не был поклонником режима беззакония и произвола, на переворот смотрел, как на опасную и тяжелую, но неизбежную операцию».

Офицерство с готовностью стало поддерживать временное правительство.

Но скоро пришло разочарование, дальше родились презрение и ненависть — сначала к советам, потом к правительству.

Началось с того, что пролилась и в армии и во флоте офицерская кровь. Тут было конечно кое что и от стихии. Взаимоотношения солдат и офицеров, особенно во время войны и особенно в армии, подобной русской, где высшее командование восстановило телесные наказания, вещь очень сложная. В момент вспышки революции отдельные эксцессы почти неизбежны.

Но в русской армии получилось нечто большее, чем отдельные эксцессы. Сброд, засевший с первых дней революции в советах, систематически натравливал солдатскую массу на офицеров. Это делалось и для того, чтобы снискать себе популярность у разнуздавшейся уличной толпы: легче всего было принести ей

в жертву офицерство, легче всего было кричать: «Распни его!...» Это делали и для того, чтобы разложить армию и тем укрепить свое положение: армия, слушающаяся начальников, была величайшей опасностью для революционных олигархов. Но больше всего было здесь инстинктивной ненависти советской черни ко всему национально-русскому. Офицерство казалось ей — и это было верно — наиболее ярким воплощением русской национальной идеи, особенно офицерство фронтовое, жертвенное, героическое. И вот беспредельная ненависть к России, к русской нации, царившая в советах в эпоху владычества меньшевиков, нашла естественную отдушину в травле офицеров. Не только лилась кровь: не было таких оскорблений и унижений, которые бы не пали тогда на долю русского офицерства... Единственно, что делало еще возможным существование офицеров на фронте, была поддержка самой солдатской массы, которой зачастую офицера, связанные с ней боевым товариществом, были ближе, чем советские герои тыла.

Слабое правительство ничего не могло сделать для защиты офицеров и поднятия их авторитета — и офицерство невольно стало смотреть на правительство, как на соучастника травли, творимой советами.

Но унижения и оскорбления офицерство еще могло перенести, сжав зубы, собрав в железной комок волю. Не страшила и смерть — еслиб только она была полезна родине. Но страшила судьба родины. Видеть, как государство и армия с каждым днем все больше разваливаются, идут, как будто бы, к гибели — это было непереносимо. В офицерских кругах начала зарождаться мысль: не пора ли ему, офицерству, вме-

шаться в судьбы родины, помочь правительству, вывести его из тупика.

Первая попытка была сделана в апреле 1917 г. генералом Корниловым. Он был тогда главнокомандующим войсками Петрограда. Состоялось первое выступление уличной черни против правительства. Корнилов был решительный и твердый человек. Он решил пресечь беспорядки в корне — сделать их невозможными в дальнейшем. Он приказал выкатить пушки, чтобы артиллерийским огнем ввести в берега революционную улицу. Другие аргументы — полагал он — бесполезны. Вероятно, он сумел бы увлечь за собой известную часть даже разложившихся войск Петрограда — тогда не было еще поздно, да и было в этом маленьком генерале с железной волей громадное обаяние, заставлявшее людей итти за ним. Вероятно, он достиг бы нужного: малой кровью улицы, да пары-другой олигархов предотвратил бы ужасы крови большой, будущей гражданской войны.

Но члены советов почувствовали запах ненавистной им национальной диктатуры. Увидели себя сбрасываемыми с кресел власти. Некоторые ощутили у шеи жесткое трение веревки. Поднялась паника.

Смутились связанные с советами члены правительства. Смутились все сторонники «демократии» и «народовластия». Они тоже хотели порядка, но чтоб он пришел как то сам собой, не из руки железного генерала.

Войскам был отдан приказ не слушаться своего командующего, не выходить из казарм, если распоряжение не будет санкционировано советами. Корнилов был смещен. Революционная чернь победила — и разнуздалась еще больше. Именно с этого момента пра-

вительство перестало быть правительством. И именно с этого момента национальные круги — и прежде всего офицерство — поняли, что расчитывать на правительство не приходится, что надо не поддерживать его, а свергать.

Через некоторое время Корнилов стал верховным главнокомандующим. К нему потянулись все национально настроенные круги: и офицерство, и крупная и мелкая буржуазия городов, жаждавшие порядка, и крупное крестьянство, и казачество и даже люди революционного лагеря, наиболее действенные, обладавшие волей и темпераментом, которые не могли сидеть меж двух стульев, но которым левый, большевистский стул тогда не подходил: от него слишком пахло еще марксизмом. К числу последних принадлежал Борис Савинков.

Выступление Корнилова в августе 1917 г. могло оказаться поворотным пунктом в истории революции. Но оно по многим причинам не удалось. Одной из причин было то, что правительство не поняло всей спасительности для страны этого шага — объявило Корнилова изменником. Меж тем, история показала, что с точки зрения ее перспектив измена народу и государству была не на стороне Корнилова.

Активное офицерство прекрасно поняло это. И с тех пор оно стало ненавидить правительство так же, как и советы. Вот почему оно не поддержало правительство Керенского в октябрские дни, предпочитая видеть его свергнутым руками большевиков. Дальше национальные круги думали захватить власть сами. Вот это и была их громадная ошибка.

Власть, раз попавшая в твердые руки, ими не выпускается.

XI.

Сталин принимал самое активное участие в подготовке и осуществлении октябрьского переворота.

Он был введен в состав комиссии из семи членов центрального комитета партии, образованной незадолго до переворота для политического руководства. Кроме Сталина, в эту комиссию входили: Ленин, Троцкий, Каменев, Зиновьев, Сокольников, Бубнов. Из этой комиссии выросло впоследствии политбюро.

Затем он был вместе со Свердловым, Дзержинским, Бубновым и Урицким введен в состав «военно-революционного центра» партии, который непосредственно руководил возстанием.

После переворота он был сделан комиссаром по делам национальностей. Ведь национальный вопрос считался его специальностью. Он больше всех других руководителей партии думал и писал о нем — и ближе всех стоял к ленинской точке зрения: Уже через неделю после переворота им была подготовлена и опубликована за его и Ленина подписью «Декларация прав народов России», которая заявляла, что национальная политика нового правительства будет проводиться на основе принципов: 1. равенство и суверенность народов России, 2. право на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельных государств, 3. отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных ограничений, 4. свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России. — Это был тонкий демагогический шаг, который сильно затруднил работу правых русских национальных кругов, упрямо стоявших на формуле: «единая и

неделимая». Этот же шаг выбивал почву из под ног разных национальных правительств, образовавшихся на территории России. В дальнейшем, Сталин очень ловко ликвидировал эту декларацию и сам пришел к формуле: единая и неделимая.

Но главная работа Сталина протекала возле самого Ленина: он помогал ему в налажении аппарата власти. Бывали дни, когда он почти не выходил из кабинета Ленина.

— Ленин тогда положительно горел в работе, — вспоминает один из секретарей Совнаркома, М. Скрипник. — Часто и подолгу у него сидел Сталин, и тогда обычно из кабинета Ильича доносился громкий, открытый смех Сталина.

Сталин умел еще тогда смеяться — хотя время было трудное, положение нешуточное. Но такова была его натура. Он часто в грубоватую и лукавую шутку вкладывал очень серьезный смысл. Перед июльским выступлением, Сталин сидел с Демьяном Бедным в редакции «Правды».

«Трещит телефон, разсказывает Демьян. Сталина вызывают матросы, кронштадские братишки. Братишки ставят вопрос в упор: выходить им на демонстрацию с винтовками или без них? Я не свожу глаз со Сталина. Мне смешно. Меня разбирает любопытство: как Сталин будет отвечать — о винтовках и по телефону!*)

«Сталин как то смешно и лукаво до последней сте-

*) Большевики, готовя вооруженное выступление в июле 1917 г., всячески отрицали свое в нем участие и подчеркивали, что это мирная демонстрация масс. Отсюда лукавая осторожность Сталина.

пени сморщил лицо, погладил свободной рукой усы и говорит:

— Винтовки? . . . Вам, товарищи, виднее! . . . Вот мы, писаки, так свое оружие, карандаши, всегда таскаем с собою . . . А как там вы со своим оружием, вам виднее! . . .

«Ясное дело, что все братишки вышли на демонстрацию со своими «карандашами! . . .»

. . . Время было трудное — период овладения властью, закрепления ее, постепенного затягивания на теле страны возжей диктатуры.

Привычки к власти нет. Форм власти тоже. Всюду — враждебная стихия. Большевиков и сочувствующих им — горсточка.

Государственные учреждения разсыпались, не работают, либо работают, не слушаясь еще новой власти, не признавая ее. Чиновники частью ушли, а те, кто остался, от них нельзя добиться толку, они саботируют советскую власть. Важнейшие бумаги спрятаны, унесены куда то. Самого простого дела поручить некому. Троцкому надо перевести на иностранные языки, облечь в принятые формы первые ноты. Он говорит об этом в собрании чиновников министерства иностранных дел. Те молча выслушивают — и уходят все до единого, большие и маленькие.

У нового правительства нет денег. Чиновника банка отказываются оплачивать его ордера — и приходится, в конце концов, прибегнуть к единственному доступному аргументу: ввести в банки солдат, арестовать директоров.

По городу снуют бесчисленные автомобили. У правительства же почти нет автомобилей, и когда Дзержинский требует для только что образованной

комиссии по борьбе с контр-революцией перевозочных средств, правительство должно заседать больше часу, чтобы решить, откуда взять хоть один лишний автомобиль.

Смольный, где помещается правительство, это какой то проходной двор, шумная казарма, вечный митинг, полное столпотворение, где нет порядка ни в чем. Снаружи — это вооруженная крепость. Легкие пушки у входа, броневики, пулеметы, многочисленные караулы, строжайщая охрана. Но вместе с тем пройти и выйти может всякий. Пропуск — клочок белой бумаги с печатью, который легче легкого подделать. Бывали случаи, когда проходили люди, которые никак не должны были быть допущены: приходили высмотреть, в случае удачи убить Ленина. Проникали даже в ленинский кабинет. Бывали тоже случаи, когда Троцкого, забывшего свой пропуск, не хотели впустить, а когда он назвал себя караульному начальнику, то тот стал чесать в затылке:

— Троцкий? ... Что то слышал? Но всетаки, товарищ, пропустить не могу. Много тут всякого народу шляется ... Да и по какому вы делу? К кому?

Бывали случаи, когда приводили арестованных, а их не пропускали, и пока их охрана ходила хлопотать о пропуске, арестованные спокойно уходили домой. Бывали случаи, что арестованные, посаженные в одну из беспорядочных комнат Смольного, переодевались в своих комнатах и спокойно проходили мимо постовых. Те молча смотрели, выпускали. Раз человек так уверенно идет, значит, знает, что ему можно итти ... Люди выходили на улицу, — и уезжали на юг, в Киев или на Дон.

Комнаты, где собирается правительство, напоми-

нают все, что угодно, но только не правительственное помещение. Кое какой порядок еще в кабинете у Ленина, в маленькой комнатушке, где, когда происходят заседания, приходится сидеть и на подоконнике и на столе. Здесь даже ковер на полу лежит: дует от полу иначе. Но обычный зал заседаний правительства — какая то газетная экспедиция, право. На полу, на окнах, на столах кипы газет и бумаг. Пол грязный, засыпанный окурками, обрывками бумаги и веревок. Приходят сюда прямо с улицы, не раздеваясь, в калошах, в шапках, пальто сваливают в кучу на столах и на стульях. Стулья простые, венские по преимуществу, но есть и другие, и все расшатаны, поломаны, ободраны. Для заседания составлены в ряд разнокалиберные столы — и письменные, ореховые и дубовые, и простые, кухонного типа, из сосны. Окна не моются никогда, со стен местами слезла краска, ручки дверей расшатаны, замки не действуют. Как уважать правительство при таких аппартаментах! Приезжает с юга группа казачьих офицеров, хочет войти в соглашение с большевиками против своих генералов. Вошли, постояли, повели в недоумении глазами — и повернулись, ушли, уехали.

Приезжает финская делегация. Только что подписан акт об отделении Финляндии от России: плод рук Сталина. Приезжают благодарить. Во главе Свинхувуд, бывший революционер, бывший каторжанин. Но одеты торжественно, держатся подобающе. Они представители независимой страны и приехали к правительству другой.

В совнаркоме переполох. Переговоры вести, условия заключать, о деле разговаривать — пожалуйста.

Но здесь — торжественный визит, церемония какая то, непонятная, непривычная. К чему?

Но принять нужно. Кому? — Может быть Сталину? Он комиссар по делам национальностей — Сталин машет и руками и ногами, хохочет: какой он ре-пре-зан-тант!.. Комиссару юстиции? Тоже нет. Надо Ленину.

Ленин обводит глазами помещение правительства. Только не здесь, не в этом сарае. Велит провести делегацию в комнату почище. Обдергивает полы пиджачка, поправляет съехавший на сторону старенький галстух. Выбегает. Возвращается через несколько времени, сконфужен, раздражен.

— Отделался. Только морщились они. По лицам видно было: мы люди вежливые, порядки знаем, приехали благодарить, но какое же вы всетаки правительство! Ну, и правы. Какое мы к черту правительство! Курам на смех... А тут я еще не сообразил, как с ними говорить, думал — Свинхвуд, революционер, каторжанин, и прямо: здравствуйте, товарищ. Ну, они так и скисли. Отвечают: здравствуйте, господин председатель... Господин!!

Усмехнулся.

— Ничего, научимся!

И научились, в конце концов... Но пока что — хаос, никаких традиций, никакого ритуала.

И Смольный живет своей жизнью, а Петроград, а страна — своей. И все говорят — одни с горькой болью, другие со злобной радостью:

— Какое это правительство!... Они и месяца не продержатся...

XII.

Открыто, вызывающе собираются разные организации, ставящие своей задачей борьбу с новым правительством. Во главе революционная демократия, круги умеренной буржуазии. Говорят, захлебываются в речах. Жесткие пальцы матросских рук судорожно тискают винтовки. Эх, пальнуть бы! Но правительство молчит. Правительство пока не трогает этих людей. С ними даже, убаюкивая их мечтами о власти, оно ведет переговоры. Эти люди ему не опасны.

Почти открыто происходят заседания членов свергнутого временного правительства. Оно считает еще себя законной властью в стране, и даже публикуется об этом сообщение, и газеты его печатают.

Керенского, правда, нет, он передал свои полномочия Авксентьеву. Но и Авксентьев в заседания не ходит. Председательствует Прокопович, министр чего то. Нет и большинства из министров, они разъехались по стране, изливаются там в речах, истощаются в бесплодных совещаниях, дезорганизующих антисоветское движение. Но заседают товарищи министров, и заседаниям ведутся протоколы, работает канцелярия, ведутся сношения со ставкой фронта, с саботирующими советскую власть министерствами.

И это нелегальное правительство имеет еще авторитет, имеет фактическое влияние на дела — и могло бы принести большой вред новой власти, еслиб только заседали в нем иные люди. Но большевики знают, с кем имеют дело!

Перед «временным правительством» встает вопрос «о формальном непризнании сенатом большевистской власти, как таковой». Подумаешь: кому какое дело

дело, признают власть отправленные на покой старички, живые трупы прошлых режимов, или нет! Но вопрос обсуждается живо и серьезно. «Единственно чего сенаторы боялись, — вспоминает один из членов этого «правительства», Демьянов,—это выхода при обсуждении вопроса из рамок законности и перехода в политическую демонстрацию. Обошлись без демонстрации, а большевикам показали свое место».

Обсуждали вопрос о денежных выдачах. В то время, как советская власть сидела вследствие саботажа чиновников без денег, подпольное «временное правительство», оказывается, могло распоряжаться и эмиссией и выдачами денег.

Антибольшевистский Комитет «спасения родины и революции», одно из многочисленных инвалидных учреждений того времени, обратился к «правительству» с просьбой отпустить ему 400000 рублей. Деньги нужны были на издание антибольшевистских брошюр и прокламаций для распространения в войсках. «Эта задача, вспоминает Демьянов, могла тогда иметь некоторый успех. В войсках все же царила некоторая двойственность настроения и некоторая отсюда нерешительность».

Одновременно чиновники учреждений обратились к правительству с просьбой досрочно выплатить им жалованье. Чиновники разсуждали вполне резонно:

— Саботаж возможен только в том случае, если у нас будет на что существовать с семьями Со дня на день временное правительство может оказаться в невозможности распоряжаться суммами. Большевики же при выплате жалованья поставят непременным условием возобновление работы.

«Поднялись бесконечные споры — можно ли допускать нарушение закона о порядке выдачи жалованья».

Решительнее всех выступал председатель этого странного собрания, Прокопович:

— Не имеем права!

Грозил даже «уходом с поста».

Наконец, решили: из казначейства деньги на выплату чиновникам взять, но самую выплату произвести в установленный законом срок.

А комитету спасения в деньгах так и отказали.

— Мы не имеем права тратить народные деньги на партийную борьбу, — говорил Прокопович.

О том, что решается вопрос о дальнейших судьбах народа, он, очевидно, не думал. Форма прежде всего!

... В дни октябрьского переворота Сталин проходил по Невскому проспекту, направляясь к штабу округа.

Цепь матросов перегораживала Невский. На них напирала большая толпа. Все хорошо одетые люди, мужчины, женщины. Среди них много «вождей» революционной демократии: Авксентьев, Прокопович, Хинчук, Шрейдер, Абрамович. Они требовали пропустить их в Зимний дворец, где еще сидело временное правительство. Кричали истерически:

— Идем умирать в Зимний дворец!

Матросы не пропускали. Сначала были спокойны, потом, когда толпа стала настойчивее, раздались крики возмущения, ругань, матросы озлобились.

— Пошли прочь, закричал одни из них. — Сказано — не пустим! А если что — прикладами, а понадобится, будем стрелять.

Новые крики возмущения и гнева. Тогда министр Прокопович взобрался на какой то ящик, замахал зонтиком, призывая к тишине, и произнес речь:

— Товарищи и граждане, сказал он. К нам применяют грубую силу. Мы не можем запятнать руки этих темных людей своей невиной кровью. Быть расстрелянными этими стрелочниками — это ниже нашего достоинства. Вернемся в городскую думу и займемся обсуждением наилучших путей спасения родины и революции*).

.... Сталин плюнул и пошел через цепь матросов, показывая свой пропуск. И эти люди думали удержать власть в своих руках в революционную эпоху!

XIII

Но были другие люди — и они представляли собой действительную опасность, потому что они мало говорили, но зато упорно работали. Это были правые национальные круги.

Сразу же после октябрьского переворота они сделали попытку выхватить из рук большевиков власть: произошло восстание юнкеров. Оно было подавлено. Национальные круги поняли, что их пассивность в октябрьские дни была ошибкой. Но не отчаявались, рук не складывали. Работа в военной среде продолжалась.

Через десять дней после переворота был арестован ряд руководителей офицерской организации. Среди

*) Текст речи взят по книге Д. Рида: «Десять дней...» Рид тоже был свидетелем этой сцены.

них один из активнейших людей национального лагеря, Пуришкевич. При нем нашли письмо, адресованное генералу Каледину, донскому атаману.

— Организация, в коей я состою, писал Пуришкевич, работает, не покладая рук над спайкой офицеров и всех остатков военных училищ и над их вооружением. Спасти положение можно только созданием офицерских и юнкерских полков. Ударив ими и добившись первоначального успеха, можно будет затем получить и здешние воинские части, но сразу без этого условия ни на одного солдата расчитывать нельзя... Казаки в значительной части распропагандированы... Властвуют преступники и чернь, с которыми теперь нужно будет расправляться уже только публичными расстрелами и виселицами. Мы ждем вас сюда, генерал, и к моменту вашего подхода выступим со всеми наличными силами.

Тут была реальная опасность — и новая власть сознавала это. Она готова была даже на соглашение с национальными кругами. Ленин серьезно обдумывал возможности такого соглашения, в то время, как вопрос соглашения с кругами «революционной демократии», с социалистическими партиями он считал несерьезным, не стоющим делом, рассматривая переговоры с ними только как выгрыш времени, как дипломатическое прикрытие военных действий.

9 ноября 1917 г., говоря о переговорах с другими партиями о создании правительства, Ленин заявил:

— Неправда, что мы не хотим соглашения для избежания гражданской войны. С такими силами, как Каледин, Родзянко, Рябушинский, мы готовы заключить соглашение, так как они опираются на реальные силы и имеют значительный общественный вес. Но

«соглашательские» партии добиваются соглашения, не имея за собой силы. И не политики, а политиканы все эти Черновы, Либеры, Даны, полагающие, что соглашение с ними даст стране гражданский мир и удовлетворит Каледина и другие контр-революционные элементы...

Но соглашение с национальными кругами тогда было невозможно. Гражданская война, путь террора, репрессий стали неизбежны.

...Вторая опасность — это было настроение революционной улицы.

Гарнизон ненадежен, колеблется, может всегда переметнуться на сторону новой силы, если таковая только появится. Солдатчина разочарована новой властью. Она думала, что победа большевиков будет означать полный разгул улицы, что все будет теперь позволено, вплоть до массовых грабежей. Но когда солдаты набросились на винные погреба Зимнего дворца, правительство прислало красногвардейцев и матросов, были расставлены пулеметы, пулеметным огнем уничтожали бутылки, не щадя и людей. Вино и кровь смешались на льду Зимней канавки. Пьяный погром был прекращен. Солдатчина затаила недовольство. И в Смольном не раз возникает тревога, все приводится в боевое положение. То говорят, что поднялись и идут свергать власть солдаты, то якобы маршируют колонны рабочих Обуховского завода. Через некоторое время, впрочем, солдат петроградского гарнизона частью разоружат, частью отправят на фронт гражданской войны. Период серого преторианства кончится.

Рабочие тоже недовольны. Они расчитывали, что их судьба сразу же переменится к лучшему. Но их

кормят пока что только декретами, материальное же их положение, условия работы не улучшаются. Им объявили, что они сейчас хозяева фабрик и заводов, но фабрики работают еле-еле, нет топлива и сырья. Но главное: все хуже и хуже с продовольствием.

В самом правительственном центре, в Смольном, питаются преимущественно супом из воблы, да кашей без масла, пахнущей плесенью. Высшее лакомство — три бутерброда с колбасой, которые изредка дают к чаю наркомам. И это еще стол, доступный только правящей верхушке. В самом же городе пусто. В лавках ничего нет, продукты можно получать только из под полы, втридорога, и рабочий опять с озлоблением замечает, что обеспечен продуктами не он, а прежние имущие классы, которые все еще имеют деньги. Идут темные слухи о хищениях, о распутной жизни в среде новых властителей, о том, что грязные элементы, вроде Козловского, Бонч-Бруевича, Ганецкого, за взятки покровительствуют буржуазии, сами всем обеспечивают себя.

Населению города выдают всего четверть фунта хлеба в день. Рабочие до сих пор получали дополнительный паек. Его отменяют. Иначе не хватит прочему населению. Правда, в рестораны первого разряда, где питается буржуазия, вовсе не отпускают ни хлеба, ни муки. Но у буржуазии есть ведь деньги — и она может платить за подпольный хлеб . . .

И что за хлеб выдают ! . . Его невозможно есть. Вот в Смольный приносят образцы такого хлеба: пусть «рабоче-крестьянское» правительство посмотрит, чем питают рабочих и солдат.

— На окне лежали, рассказывает М. Скрипник, куски не то засохшей глины, не то чернозема . . . Вид

был потрясающий. В маленьких безобразных комьях хлеба было что то зловещее. В них точно пряталась какая то опасность.

Рабочие волнуются. В Смольном толпятся делегации. Но что может сделать правительство? — Деревня не дает хлеба. Столыпинский сильный крестьянин начинает показывать зубы новой власти. А то, что есть, трудно подвезти: транспорт еле дышет.

— Правительство хлеба дать не может, — мрачно говорит Ленин, когда ему докладывают о новой делегации от рабочих. Кулак не дает хлеба. За хлеб надо бороться с винтовкой в руках.

Начинают образовываться продовольственные отряды. Скоро начнется поход рабочего города на деревню: крестовый поход за хлебом. Скоро в деревне начнется классовая борьба, деревня расслоится, бедняк примкнет к голодному рабочему, у богатого крестьянина начнут отбирать хлеб, скот, землю — и он обратится за помощью к генералам, в белый лагерь, и с юга на север, с востока на запад потянутся грозные полки контр-революции, охватят железным кольцом красные центры... Все, как предвидел Ленин.

...Почти единственной опорой нового правительства — кроме красногвардейцев из молодежи — являются матросы. Но и они недовольны. Они считают большевистское правительство слишком слабым.

Что, в самом деле, за правительство, которое разрешает свободно выходить газетам, ругающим его последними словами, призывающим к открытому ему неповиновению? Что за правительство, когда под носом у него происходят контр-революционные собрания, а оно палец о палец не ударяет, и когда матросы сами приходят разгонять, появляется какой нибудь

нарком и просит разойтись не собрание, а матросов? А если кого нибудь и арестуют — его выпускают через несколько дней...

Что за правительство, которое не может распространить своей власти на всю страну? Ведь что ни губерния, то своя власть. Финляндия уже отделилась. Украина готовится со дня на день отпасть. То же в Грузии, то же в Сибири. На Урале атаман Дутов организует свое правительство и свою армию. На Дону атаман Каледин, на Кубани атаман Караулов. Под их крылом организуется офицерско-юнкерская добровольческая армия. А фронт? Там открыто конспирируют против правительства, ставка прямо заявляет, что не считает его всероссийской властью. А столица? — На улицах генералы, офицера в прежних золотых погонах — по лицам видно, что они только и ждут возвращения своего дня. Спекулянты становятся все наглее. Бандиты: чуть стемнеет — в городе начинаются грабежи. Порядка нет, власти не чувствуется. Матросы ворчат. И при первом удобном случае стараются показать, как надо действовать. Ночью отряд матросов приходит в больницу, где лежат бывшие министры Шингарев и Кокошкин, и убивают их. Когда правительство требует выдачи виновников, то сами матросы отказывают ему в повиновении: убийцы не выдаются, матросы грозят мятежом.

XIV

В самом правительстве много людей, которые не принимают его всерьез, не считают себя настоящей

властью, все хлопочут о коалиции с другими социалистическими партиями. Стонут об изолированности, о неизбежной гибели, о том, что нынешнее положение — рискованная авантюра. Напоминают, что скоро должно собраться учредительное собрание, «хозяин земли русской». Полных результатов выборов еще нет, но уже ясно, что большевики в меньшинстве. В соглашении с прочими социалистами они могут играть роль и в учредительном собрании, иначе же потонут во враждебном море.

Ленин дает согласие на переговоры с «соглашательскими» партиями. Он знает: ничего не выйдет, но эти переговоры дадут передышку, дадут окрепнуть, стать на ноги, парализуют противника. Для него переговоры эти — только военная хитрость. Он знает: революционная власть не может быть коалицией, должна быть единой.

Пренебрежительно, свысока ведут переговоры вожди соглашательских партий. Ставят твердое условие: в коалиционном правительстве не должно быть ни Ленина, ни Троцкого — «виновников октябрьской авантюры», как они их называют. Председателем правительства до учредительного собрания должен быть Чернов или Авксентьев. А там... большевики вообще сойдут со сцены.

Каменев, ведущий переговоры, готов на все. Что ему Ленин, что Троцкий, что вся линия большевиков, что пролитая в октябре и безостановочно льющаяся и сейчас кровь!.. Но у Ленина твердая рука. И вокруг него — крепкое ядро таких же, как он, решительных и непримиримых людей. Каменеву дают нахлобучку. Отзывают. Вместо него посылаются Свердлов и Сталин, которые выступают резко, непримиримо.

Переговоры срываются. Тогда Каменев, Зиновьев, Рыков, Ногин, Милютин, Рязанов, Теодорович, Ларин, Юренев и другие — члены ЦК, наркомы, руководители важнейших учреждений заявляют о своем уходе.

— Руководящая группа ЦК твердо решила не допустить образования правительства советских партий и отстаивать чисто большевистское правительство во чтобы то ни стало. Мы не можем нести ответственности за эти гибельную политику, проводимую вопреки воле громадной части пролетариата и солдат.

Так пишут уходящие члены ЦК.

— Мы стоим на точке зрения образования социалистического правительства из всех советских партий... Мы полагаем, что вне этого есть только один путь: сохранение чисто большевистского правительства средствами политического террора. На этот путь вступил совет народных комиссаров. Мы на него не можем и не хотим вступать. Мы видим, что это ведет к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью, к установлению безответственности режима и к разгрому революции страны. Нести ответственность за эту политику мы не можем и поэтому слагаем с себя звание народных комиссаров.

Так пишут уходящие наркомы.

Ленин пожимает плечами. Он возмущен, но ничего не поделаешь. Это естественно: он привык к колебаниям в среде своей «старой гвардии». Разве это впервые? Их уход, правда, разлагает власть, действует на массы. Тем более, что уходящие грозят «сказать свое мнение массе рабочих и солдат и призвать их поддержать клич: Да здравствует правительство из совет-

ских партий! Немедленное соглашение на этом условии!». Но пусть попробуют! Он не только не остановится перед их исключением из партии, но и перед их арестом. На карте ведь судьбы революции.

Сталин не хохочет уже, но сурово бросает:

— Можно и расстрелять ...

— Ничего ... Образуется ... Приползут обратно, — замечает Ленин.

И, действительно, приползли. Первый через несколько уже дней покаялся Зиновьев. За ним потянулись другие.

А Ленин стал натягивать возжи власти. Окончательно отмел, как ненужную вещь, всякие разговоры со «всеми советскими партиями». Но зато сумел заключить соглашение с отколовшимися от социалистов-революционеров революционными элементами этой партии. Левые с.-р. вошли в правительство. Но их ограничивают ролью попутчиков: тон задают большевики, Ленин. А Ленин главной своей задачей в этот момент ставит—показать стране, что она имеет власть. Жесткую, ни перед чем не останавливающуюся власть.

— Путь террора? — говорил Ленин. — Единственный и неизбежный путь. Неужели вы думаете, что мы выйдем победителями без жесточайшего революционного террора?

«Это был период, замечает Троцкий, когда Ленин при каждом подходящем случае вколачивал мысль о неизбежности террора. Всякие проявления прекраснодушия, маниловщины, халатности — а всего этого было хоть отбавляй — возмущали его не столько сами по себе, сколько как признак того, что даже верхи рабочего клсса не отдают себе отчета в чудовищной

трудности задач, которые могут быть разрешены лишь мерами чудовищной энергии».

В то же время он старался и внешне приучить членов своего правительства к сознанию того, что они правительство, а не группа подпольщиков, что на их плечах серьезнейшая работа, к которой надо относиться ответственно, с аккуратностью.

Наркомы, напр., никак не могли приучиться во время приходить в заседания. Однажды Ленин уже сидел в зале заседаний, а в соседней комнате собравшиеся члены совнаркома вели оживленную шумную беседу и, несмотря на неоднократные приглашения, все не шли.

— Что они там баклуши бьют? — сердито вымолвил Ленин, обращаясь к секретарю. — Зовите их сюда немедленно . . .

И добавил:

— И скажите им, что они ведут себя, как хулиганы!

Секретарь опешил. С недоумением посмотрел на Ленина:

— Шутя?

— Да я вовсе не шучу! — разгорячился Ленин. — Как председатель совнаркома приказываю вам передать им, что называю их хулиганами . . .

. . . Когда через несколько минут наркомы виноватой гурьбой входили в зал, Ленин встретил их окриком:

— Довольно, слышите — довольно! Нужно положить конец недопустимым запаздываниям, разгильдяйству, потере времени ! . .

XV

Первый решительный шаг был предпринят в отношении главного командования армии. Ставка верховного главнокомандующего в Минске меньше всех, пожалуй, считалась с новым правительством. В ней шли беспрерывные совещания об образовании новой власти. Армейские комитеты, считавшие себя силой, обещали свою поддержку. — Ленин решил играть ва-банк. Дальше неопределенное положение длиться не могло. Наличие враждебной ставки, окруженной силами фронта, могло погубить советскую власть. У Ленина был громадный козырь: мир.

Совнарком потребовал от главнокомандующего, генерала Духонина, прекратить военные действия и открыть переговоры с немцами о перемирии.

Ленин, Сталин, Крыленко отправились в главный штаб вести переговоры с Духониным по прямому проводу.

— Минута была жуткая, — рассказывает Сталин. — Командный состав армии всецело находился в руках ставки. Что до солдат, то неизвестно было, что скажет 21-миллионная армия, подчиненная так называемым армейским организациям, настроенным против советской власти.

Духонин отказался выполнить распоряжение совнаркома. Что делать?

— Помнится, — продолжает свои воспоминания Сталин, — как после некоторой паузы у провода лицо Ленина озарилось необычайным светом. Видно было, что он уже принял решение.

— Отказываетесь ли вы категорически дать нам точный ответ и исполнить данное предписание.

— Точный ответ о причинах невозможности для меня исполнить вашу телеграмму я дал и еще раз повторяю, что необходимый для России мир может быть дан только центральным правительством. Духонин.

Твердо бросил Ленин дежурному у провода:

— Передайте: Именем правительства Российской республики, по поручению совета народных комиссаров, мы увольняем вас от занимаемой вами должности за неисполнение предписаний правительства и за поведение, несущее неслыханные бедствия трудящимся массам всех стран и в особенности армии. Мы предписываем вам под страхом ответственности по законам военного времени продолжать ведение дела, пока не прибудет в ставку новый главнокомандующий или лицо, уполномоченное им на принятие от вас дел. Главнокомандующим назначается прапорщик Крыленко. Подписи: Ленин, Сталин, Крыленко.

— А теперь, — обратился Ленин к Сталину, — пойдем на радио-станцию. Она нам сослужит службу. Мы объявим о смещении Духонина и о назначении Крыленко и обратимся к солдатам через голову командного состава с призывом — окружить генералов, прекратить военные действия, связаться с австро-германскими солдатами и взять дело мира в свои руки.

Слово «мир!», брошенное в солдатскую массу, возымело свое действие. Ни генералы, ни армейские организации не смогли сдержать солдат. Армия стала на сторону кучки людей в Петрограде, объявивших себя правительством и давших им мир. Через некоторое время не стало ни ставки, ни Духонина, ни армии.

Скоро последовал Брестский мир. Войны внешней не стало. Но зато страна пылала в гражданской вой-

не. В ее шуме разгон учредительного собрания прошел незаметно. Мало кого интересовал этот живой труп.

...В огне гражданской войны окрепла, закалилась, стала подлинной властью советская власть. Окрепли, закалились и ее люди. Были изжиты туманившие мозг книжные иллюзии, поняли, что без чиновников, без постоянной армии, без твердых форм государственности существовать и бороться нельзя — и создали заново и сеть учреждений, и кадры новых чиновников, и постоянную армию. Из недавнего хаоса вырисовались формы новой громадной и крепкой государственной постройки. И Ленин со свойственной ему гибкостью подвел под новую государственность теоретический фундамент, заявив, что социализм есть не что иное, как государственный капитализм, напоминающий строем своим военно-промышленную диктатуру Германии 18 года, плюс власть трудящихся.

...Сталин в этом периоде играет все бóльшую роль. Его имя мелькает во всех исторических документах той эпохи. Он — вместе с Лениным и Троцким — ведет переговоры с украинской радой, кончающиеся ультиматумом и объявлением войны ей. Он — вместе с Лениным и Бухариным — разрабатывает декларацию прав трудящихся. Он входит в комиссию по разработке первой советской конституции. Он один из руководителей «Правды». Во всех решающих вопросах дня слышится его твердый голос.

Когда обсуждается вопрос об объявлении вне закона кадетов и о роспуске учредительного собрания, он первый высказывается за.

— Или — или, — говорит он. — На полпути останавливаться нельзя. Гражданская война началась.

Стрельба открыта. В настоящее время мы должны добить кадетов, или они нас добьют, потому что они открыли по нас стрельбу.

Когда обсуждается вопрос о Брестском мире, и в партии опять колебания и раскол, и Троцкий и Бухарин против Ленина, и у каждого своя, исключающая другие, точка зрения, Сталин неизменно поддерживает Ленина и голосует вместе с ним в решающие моменты. Это он советует Ленину, когда тот не собирает большинства в высших органах партии, прибегнуть к решительным мерам, к новому перевороту, опереться на штыки матросов. И Ленин в этом периоде настолько чувствует потребность в Сталине, что когда из Бреста приходят сообщения от Троцкого, и надо принять немедленное решение, а Сталина в Москве нет, Ленин сообщает Троцкому:

— Мне бы хотелось сначала посоветоваться со Сталиным, прежде чем ответить на ваш вопрос.

И только через три дня вновь телеграфирует Ленин:

— Сейчас приехал Сталин. Обсудим с ним и сейчас дадим вам совместный ответ.

Вот в этот период выковки из хаоса форм новой государственности, в эти дни и месяцы ожесточенной и упорной борьбы за овладение искусством управлять, Сталин начинает по настоящему понимать, что такое власть, какая она громадная сила, какие неограниченные возможности открываются перед людьми, ею обладающими, если только они сами сильны. Вместе с тем эти дни показывают ему, что он один из тех, кто достаточно силен, чтобы управлять государством. И вот с этого момента он начинает сознательно стремиться к власти.

Но, вероятно, еслиб в это время он сказал кому нибудь, что со временем он сам станет во главе государства — его высмеяли бы беспощадно. Один только Ленин внимательно — и порой с беспокойством — приглядывался к нему. Потому что Ленин громадной своей интуицией ощущает, куда идет, во что складывается этот человек. Но другие?

Сталина мало кто знает еще в этом периоде. Только небольшая группа верхов, да еще те, с кем он встречался прежде на подпольной работе.

Но люди верхушки смотрят на него попрежнему свысока. Для них он только технический исполнитель планов Ленина, но не руководитель. Некоторые, как Троцкий, вообще полузамечают его.

Широкая же масса людей партии и советов, кроме отдельных единиц, видит в нем случайного человека, серую, малопримечательную фигуру. В эти дни даже Антонов-Овсеенко, Коллонтай, Крыленко кажутся звездами по сравнению с ним.

Вот он выступает на третьем съезде советов, вскоре после разгона учредительного собрания. Он выступает как народный комиссар по делам национальностей. Его встречают жидкими апплодисментами, хлопают только из приличия. Его ровный и бесцветный голос с кавказским акцентом не производит впечатления. Он не бросает, как Троцкий, театральных фраз. Он говорит просто и деловито. Но именно деловитость сейчас еще не ко двору — в эпоху кипения и мыльных пузырей. И только, когда он берет слово второй раз, чтобы ответить вождю меньшевиков Мартову, который зовет к демократии европейского типа, только тут, когда и его ровный голос начинает дрожать, — потому что он нащупывает тему, наиболее

его волнующую, задевающую, — только тут от него к собранию переходит воспламеняющая искра, и он становится на минуту героем дня, его слова покрываются неподдельными аплодисментами.

— Буржуазный парламент, — говорит Сталин, — мы похоронили, и напрасно Мартов тащит нас к мартовскому периоду революции.

— Нам, — заканчивает он, — нужно, чтобы народ был не только голосующим, но и правящим, и властвуют не те, кто выбирает и голосует, а те, кто правят!..

Бурные аплодисменты... И никто не сознает еще, что человек, который это говорит, будет в недалеком будущем сам правителем — и что формула, которой он кончает, станет скоро существом системы, которую назовут сталинской.

XVI

История октябрьского переворота, история последовавшей за ним революции дали жизненную проверку организационным планам русских народных революционеров-якобинцев — Нечаева, Ткачева, землевольцев и народовольцев — и их наследника, Ленина.

Жизнь показала, какое громадное значение имели казавшиеся такими ничтожными и бесполезными споры о характере и структуре революционной партии — и насколько прав был в своей нетерпимости и непримиримости Ленин. Именно такая партия, какую он построил — централизованная, дисциплинированная, руководимая ее центром в вопросах теории и в вопросах тактики почти самодержавно, непрестанно перема-

лывающая своих членов в единомыслящую и единодействующую массу, непрестанно очищающая свои ряды от всех нестойких и инакомыслящих элементов, — только такая партия, напоминавшая одновременно воинский отряд и религиозную секту, могла захватить власть, затем удержать ее, разбив всех противников, и построить новое государство.

Впитывая в себя все новых и новых людей, собрав в конце концов в своих рядах все активные революционные слои народа, эта партия охватывала тело страны, как стальная сеть. Быстро и точно по звеньям этой сети от организации к организации, от организации к отдельным членам, от них и через них по всем ячейкам государственного аппарата и в глубь народных масс передавались сверху вниз директивы центра, ответы на теоретические запросы и практические указания. Этим обеспечивалось по всей стране единство мысли и действия. Это делало возможным величайшую концентрацию и напряжение сил и рессурсов страны и народа на определенных, властью поставленных целях.

По той же сети — тоже быстро и точно — снизу вверх передавались мнения, наблюдения, отклики на малейшее движение масс и их настроений — и центр постоянно знал, чем живет сейчас народная масса, и мог приноровлять к жизненной обстановке каждого данного момента свои шаги: то ослаблять, то сильнее натягивать нити управления народными судьбами, переносить точку их приложения с одного упора на другой.

Создалась, в конце концов, мощная и страшная организация, которая могла и быть источником величайшего блага страны, могла обратиться и в ее поработи-

теля. Почти все в этой организации зависело от качеств и целеустремленности ее центра. Ибо это была организация самого совершенного самодержавия, только навыворот, революционного.

Пока самодержцем был Ленин — гениальный создатель системы — руководимый им военно-монашеский орден становился все больше и больше организацией власти самой революционной нации.

Сухой догматик, каким его считали до революции, Ленин оказался прирожденным правителем государства, умеющим отзываться на жизненные потребности масс. Из вождя партии он обратился в народного вождя. Вступая в великую революцию, он не столько руководствовался книжной догмой, сколько принципом, возглашенным великим Наполеоном:

— Сначала надо ввязаться в бой, а потом видно будет . . .

Это значило — сначала жизнь, потом теория.

Ибо никакая теория, никакие ранее написанные книги, не могли полностью объяснить тех громадных событий, что происходили в России. Открывалась — Ленин чувствовал это — новая страница мировой истории. На долю его родины выпала великая задача: не только построить свою собственную новую жизнь на новых началах, но, может быть, показать путь всему прочему человечеству, указать задачи века, стать во главе стремящейся к освобождению страждущей части человечества. Как это будет сделано? Так, как написано в пожелтевших от дряхлости учебниках социализма? Повидимому, нет. Даже наверное нет. Ибо ни один учебник не может предусмотреть всей сложности жизни. И нет и не было еще людей, которые с полной ясностью могли бы провидеть грядущий путь челове-

чества. Даже Ленин, при всем сознании своего величия, своего громадного превосходства над всеми умами современного ему человечества, не считал себя способным на это. Но он знал: есть великий учитель, один единственный, — это сама жизнь, это разум народа, ум, воля, фантазия миллионов. Вот у кого учился, вот кому следовал Ленин. Гениальная интуиция была основным его методом. Громадные теоретические знания и способности давали ему возможность освоенное интуицией, почерпнутое из сокровищницы народной мудрости, облекать в плоть ясных теоретических положений.

Вот почему он, в конце концов, стал вождем нации и повел Россию через осуществление ее национальных задач к осуществлению ее мировой миссии.

Соответственно этому он и партию свою сделал в конце концов не только орудием по руководству народной волей, но и орудием воли народной, — партией народной и национальной, по сути ее устремлений.

XVII

Противоположный ленинскому лагерю — назовем его настоящим именем: революционно-националистическому — лагерь белый — право-националистический —, имевший в начале борьбы за народную душу много преимуществ, оказался разбитым и идейно и физически. Народная душа легла, в конце концов, не на его стороне. Почему? — Потому, что белый лагерь не имел того, что составляло силу ленинцев: вождя, умеющего играть на сокровенных струнах народ-

ной души; партии, оковывающей народ стальной сетью своей организации, пронизанной единством мысли, воли, действия.

Это, конечно, гадания: но может быть судьба белого движения не сложилась бы так трагически, еслиб не погиб так рано генерал Корнилов.

Этот человек имел в себе задатки прирожденного народного вождя. Выходец из народа, большую часть своей жизни проведший не на паркетах салонов, не за столами канцелярий, но в гуще народной среды, знавший психологию масс, говоривший с ними на одном языке, умевший увлекать их за собою, не связанный никакими классовыми и сословными предрассудками и интересами, — вместе с тем человек громадной целеустремленной воли, исключительного мужества, ясного, тоже не имеющего предрассудков ума, — этот человек во всех почти отношениях являлся параллелью к Ленину. Он уступал ему в одном: в отсутствии ленинской громадной теоретической подготовки. Корнилов не был профессионалом политики. Он не вошел в революцию со сложившейся системой идей, с привычкой быстро ориентироваться в дебрях политического мышления.

Это был громадный недостаток. Но он мог быть восполнен интуицией — игравшей такую большую роль и у Ленина.

Корнилов, как и Ленин, понимал, что власть — это все, что это та магическая палочка, которой можно преобразовать народную жизнь, восстановив одновременно разрушенную «февралем» государственность. Корнилов понимал также, что народная жизнь должна быть преобразована. От старого строя можно взять лишь основные его формы, да и то не все, и то только

для того, чтобы не подвергать тело страны слишком большой ломке, чтобы иметь возможность на путях еще не окончательно исчезнувшей инерции исторической жизни быстрее и безболезненнее ввести в берега революционную улицу «февраля». Но существо социальных отношений страны должно было быть изменено, реформировано быстро и смело. Был ли у Корнилова продуманный план таких реформ? — В начале, очевидно, нет. Он слишком еще полагался на силу и опыт буржуазной науки и общественности. Поэтому сам он в начале ушел исключительно почти в организацию захвата власти. Нет сомнений, что осуществись этот захват — сама жизнь заставила бы его пойти дальше уже самостоятельно по пути реформ, исходя из интуитивного опознания народных потребностей.

При организации захвата власти Корнилов сразу же столкнулся с громадными трудностями. Для него скоро стало ясно, что итти путями, привычными старым генералам, опираясь на полки и батальоны разложившейся армии, нельзя. Эти полки и батальоны были несуществующей и обманывающей силой. Надо было строить свою собственную организацию. Вот здесь и было первое преимущество Ленина. У него к моменту революции была партия. Правое же национальное движение представляло собой распыленную массу, ничем пока не спаянную, из разных людей состоящую, не имеющую никаких традиций в борьбе за власть.

Да и откуда было этим традициям у них появиться? — Они все принадлежали к прежним правящим слоям, большим и маленьким. Власти для себя, как для слоя, им раньше не приходилось добиваться. По своему происхождению и образованию они были пред-

назначены для нее. Они кончали школу и входили в государственный аппарат так, как из одной комнаты входят в другую. Им поэтому и в голову не приходило напряженно, мучительно, как это делали революционеры якобинского толка, ленинцы, думать, как заполучается власть, как строить боевую организацию для ее захвата, как воспитывать для борьбы себя и других. Люди правого национального лагеря не владели ни одним из методов борьбы, столь привычных для революционеров: они не были ни заговорщиками ни демагогами.

В их среде за их прошлую жизнь не могло также получиться естественного во всякой борьбе отбора борческих элементов, расслойки их массы на воинов и болото.

Вот почему, когда Корнилов начал строить свою организацию, он встретился с такими трудностями. Ленин свою организацию строил почти двадцать лет; всюду и везде были ее ячейки. Подходящие ей люди из развороченной революцией народной среды естественно и просто вливались в нее. Корнилову же пришлось строить свою организацию уже во время борьбы, в обстановке боя, наспех и по случайным признакам отбирая людей. Ясно поэтому, что на первых порах его организация была невероятно слаба. Генерал Деникин рассказывал потом: «военная среда была настолько неопытна, что когда действительно началась конспирация, она приняла такие явные формы, что только глухие и слепые могли не видеть и не слышать». Старый генералитет вообще мало подходил к требованиям движения. Но еще большим балластом были разные общественные деятели и пр., тоже объявлявшие себя националистами и антибольшевиками

Они то уж в себе ничего от заговорщиков, — сектантов, воинов не имели. А организация борьбы в тот момент должна была быть военной сектой.

Вероятно, в значительной мере вследствие болтовни и неустойчивости «штатских», «общественных» элементов движения, вследствие засоренности болотными элементами и самой военной среды, еще недостаточно кристализовавшейся, не удалась августовская попытка переворота Корнилова. По той же причине была парализована возможность действий непосредственно после октября, когда большевики еще не успели укрепиться, а фронт представлял собой достаточную базу для движения против них. Вспомним: Корнилов сидел тогда в быховской тюрьме. Из тюрьмы Корнилов не мог в полной мере руководить организацией национального движения и новой подготовкой захвата власти. Это и была, очевидно, одна из причин той непоправимой ошибки, какую сделали военные круги, дав большевикам возможность захватить власть. После захвата ими власти Корнилов понял, что борьба вступила в новую фазу — трудную для него и возглавлявшегося им движения. Тем не менее он считал возможным организовать борьбу в пределах фронта. Надо было только ускорить собирание добровольческих сил. Не надо забывать, что именно у Корнилова родилась мысль демобилизации небоеспособной армии и замены ее армией добровольческой. Осуществление этой идеи на фронте, когда офицерство и другие национальные силы не были еще распылены, было значительно легче, чем потом, в степях, в полуизгнании, в отрыве от бóльшей части страны. Но и в этом отношении почти ничего не было сделано. У имевших возможность действовать генералов не было ни актив-

ности, ни целеустремленности Корнилова, ни его смелости. Разные общественные деятели, съехавшиеся в ставку, парализовали энергию военных своей болтовней и нелепыми расчетами на силу никому ненужного учредительного собрания. Ставку скоро заняли большевики. У ее генералов опять не хватило уменья организовать концентрацию сил и сопротивление. Напрасно тот же Корнилов писал верховному главнокомандующему:

— Положение тяжелое, но не бозвыходное. Но оно станет таковым, если вы допустите, что ставка будет занята большевиками, или же добровольно признаете их власть... Надо принять следующие меры...

Меры не были приняты. Основная база борьбы и собирания сил исчезла. Корнилов, переодетый крестьянином, прибыл на Дон. Там началась организация добровольческой армии.

Ее положение первое время всем казалось безнадежным, сама она — нестоющей затеей. Взволнованное заключением мира, обещанием помещичьей земли и своей, казачьей, свободы, казачество — последняя, казалось, опора национального движения — отшатнулось от его вождей. Генерал Каледин застрелился. Корнилов со своей армией — горсточкой — ушел в кубанские степи, на холод, на голод, на непрерывные бои. Начался легендарный Ледяной поход. Это было в феврале 1918 г.

XVIII

В том же феврале 1918 года из далекой Бессарабии, к Дону, на соединение с генералом Корниловым выступил отряд в несколько сот офицеров-добровольцев под командой полковника Дроздовского. И к его предприятию люди, называвшие себя русскими и националистами, но палец о палец не ударявшие для русского национального дела, отнеслись скептически, называли этот поход «безумием и авантюрой». К услугам национального движения стоял как будто весь румынский фронт, еще не вполне разложенный большевиками, с его огромной массой офицерства, с громадными запасами снаряжения. С Дроздовским пошло всего 800 человек — и при снаряжении этого маленького отряда он встречал на каждом шагу противодействия. Из 57 миллионов румынских лей, бывших в распоряжении высшего командования, на организацию добровольческого корпуса Дроздовскому отпустили только 600.000. «Издевательства продолжаются, записывает он 24 февраля 18 года, — не дают ни снарядов, ни инженерного имущества, ни оружия, [illegible]. «Одна за другой неудачи преследуют меня, записывает он через три дня... Отсутствие энергии, апатия, мягкотелость, моральное ничтожество среды, бесталанность и нерешительность верхов, предназначенных судьбой к водительству — все это губит великое начинание, накладывает на все печать могилы. Усилием воли заставляешь себя продолжать начатую работу...» Наконец, запись 3 марта: «Агитация против похода изводит, со всех сторон каркают представители генеральских и штаб-офицерских кругов; вносят раскол в офицерскую массу. Голос малодушия

страшен, как яд. А все же тяжелые обстоятельства не застанут врасплох. Чем больше сомнений, тем смелее вперед по дороге долга». Дроздовцы выступили в поход. «Жребий брошен... Пойдем бесстрастно и упорно к заветной цели через потоки чужой и своей крови. Такова жизнь... Кругом враги. Мы, как водою остров, окружены большевиками, австро-германцами и украинцами. Огрызаясь на одних, ведя политику направо и налево, идешь по пути крови и коварства к одному светлому лучу, к одной правой вере, но путь так далек, так тернист»... Поход в неизвестную даль, к Ростову и Новочеркасску, которые уже заняты большевиками, к Корнилову, которого, по слухам, уже нет, показывает, что национальные круги имеют почву в стране. «В общем, записывает Дроздовский, массы довольны. Просят защиты, установления порядка: анархия, дезорганизация измучила всех... Говорят, что некому жаловаться, нет нигде защиты, никакой уверенности в завтрашнем дне»... «Забавно, до чего грозная слава окружает нас, записывает он несколько дней спустя. Наши силы иначе не считают, как десятками тысяч... В этом диком хаосе что может сделать даже горсть, но дерзкая и смелая. А нам ничего больше не осталось, кроме дерзости и смелости... Когда посмотришь на карту, на этот огромный предстоящий путь, жуть берет, и не знаешь — в силах ли будешь выполнить све дело. Целый океан земли впереди и враги кругом».

21 апреля 1918 года, через два месяца пути, в постоянных боях пересекши всю южную Россию, отряд дроздовцев подступает к Ростову. Дает бой превосходным силам большевиков под Ростовым, 25 внезап-

ным ударом внезапно освобождает от большевиков казачью станицу, Новочеркасск.

— Больше тысячи верст пройдено вами походом, доблестные добровольцы, писал в этот день в приказе своему отряду Дроздовский. — Не мало лишений и невзгод перенесено, не мало опасностей встретили вы лицом к лицу, но верные своему слову и долгу, верные дисциплине безропотно, без празднословия, шли вы упорно вперед по намеченному пути, и полный успех увенчал ваши труды и вашу волю. И теперь я призываю вас всех обернуться назад, вспомнуть все, что творилось в Яссах и в Кишиневе, вспомнить все колебания и сомнения первых дней пути, предсказания различных несчастий, все нашептывания, и запугивания окружавших нас малодушных.

— Пусть же послужит это нам примером, что только смелость и твердая воля творят большие дела, и что только непреклонное решение дает успех и победу. Будем же и впредь в грядущей борьбе ставить себе смело высокие цели, стремиться к достижению их с железным упорством, предпочитая славную гибель позорному отказу от борьбы. Другую же дорогу предоставим всем малодушным и берегущим свою шкуру.

Это было ясное и резкое отмежевание от болота. Это было обоснование организационной программы будущей национальной партии.

Через месяц отряд Дроздовского соединился с корниловцами. Дроздовский привел с собой 2500 добровольцев и громадное снаряжение. Но Корнилова уже не было. Он погиб в самом начале успехов своей армии, убитый при осаде Екатеринодара орудийным снарядом. Погиб, не закончив своего дела.

Но что начатое им дело имело под собой почву,

что национальное движение имело глубокие корни в народной душе, показало дальнейшее. Созданная Корниловым и Дроздовским армия шла от успеха к успеху — и через год в ее распоряжении была большая часть Европейской России. Горсточка героев Ледяного и Дроздовского походов стала той организацией, вокруг которой, как вокруг крепкого стержня, стали сплачиваться национальные силы страны.

В дальнейшем надо было суметь не разрушить этот стержень, но еще больше закалить и укрепить его, перековать его в замкнутую в себе, с суровым отбором впитывающую в себя только борческие элементы, все себе подчиняющую, железную по дисциплине, всей организацией напоминающую большевистскую, национально-русскую партию. Надо было дать этой партии ясную идеологию, соответствовавшую народным потребностям, на ее основе немедленно начать проводить радикальные реформы, в первую очередь удовлетворив потребность крестьянства в земле.

Надо было, чтобы народные массы убидели, что белое национальное движение несет ему что то положительное, а не только золотые погоны на старых генералах, крестные ходы, карательные экспедиции, старый свод законов — и уж во всяком случае не помещиков и не необузданную банду спекулянтов тыла. Надо было, чтобы пришла сильная и умеренно-либеральная власть, стоящая над классами, интересы всех без исключения подчиняющая нуждам государства. Нужен был бонапартизм, а не каррикатурное восстановление старого строя — с его насилиями, но без его силы.

XIX

Создать государственную национальную партию, которая сумела бы стать выше эгоизма сословий, групп, лиц, было, конечно, не легко. Этому опять мешало прошлое людей право-национальных кругов. Они не были приучены в массе своей к политическому мышлению, не имели ясной и четкой идеологии? К чему была им она? Государственная машина, в которой они работали, складывалась веками. Все было в ней ясно, каждый винтик на месте, каждое движение предусмотрено традицией, канцелярской рутиной, сводом законов. Много думать не приходилось. Управляли по инерции — по инерции повиновались и массы. Не было поэтому жизненного стимула проделывать ту упорную работу, какая была так необходима для революционеров, все будущее которых было связано с возможностью и необходимостью перевернуть вверх ногами существующий строй. Не искали, поэтому, как они, «истинной теории», которая обнажала бы социальную материю страны, показывала бы все ее здоровые и больные места, показывала бы, за что надо ухватиться, чтобы привести народную массу в движение. Не старались проверять результаты теоретических размышлений на жизненном опыте масс. Не шли к массам, не старались узнать их, быть узнанными ими, заслужить их доверие, добиться повиновения со стороны народа путем идейного на него воздействия. К чему? Зачем? Народ ведь и так повиновался. Стоило только нажать тот или иной рычажок машины. Словом: ни знанья политической теории, ни знания народа, ни уменья обращаться с тем и другим

прошлая жизнь в людях право-национального лагеря не воспитала.

И вот пришла революция. Вековые формы, казавшиеся незыблемыми, стали разрушаться, инерция властвования и повиновения стала исчезать. Нажимали на привычные рычажки, а они не действовали. Масса не повиновалась уже просто, как прежде, а спрашивала: а почему?.. Так пытливый ребенок спрашивает у отца объяснения самой простой, самой обыкновенной вещи, а отец, считающий, что он знает все, становится в тупик, именно потому, что это вещь самая обыкновенная и простая, и он никогда над ней серьезно не задумывался, а брал ее как факт. Так стали в тупик и люди право-национальных кругов. Они выросли в мире определенных твердых понятий. Родина, государство, война, долг, собственность. Как можно не понимать таких простых вещей? Но когда пришел момент задуматься, когда не только массы, но и сами себя они спросили, что это все такое, оказалось, что ответить они не могут, что все эти понятия сейчас как то по новому надо растолковать, чтобы они приобрели настоящий смысл и связали их с народом.

Были профессора. Были многоопытные правители государства. Были общественные деятели. К ним и попытались обратиться. Но все эти люди, не сумевшие в свое время предотвратить революции, оказались еще более беспомощными во время ее. Они оказались в положении ученого ботаника в девственном лесу. Одно дело классифицировать животных и растений, другое дело жить и бороться в их среде. Да и ботаники они были неважные. Они выросли, воспитались в эпоху упадка, в эпоху, которая в политике и праве была так же бездарна, как и в литературе, в

архитектуре, в стиле мебели, в живописи, в модах, во всем. Это была эпоха умирания, отцветания, но не роста нового, не творчества. И в результате все эти опытные и ученые люди не выделили из своей среды ни одного теоретика, ни одного мыслителя, который ухватил бы идеи века, понял бы настроения народной души, и бросил бы в белую массу лозунги ясные и твердые, как острие топора.

Чего же удивляться, что единственные люди, что то ощущавшие от веяний народной жизни, люди дела, люди крови и железа, военно-народные вожди, махнули рукой на своих теоретиков, администраторов, общественных деятелей и начали сами строить, как умели, как могли.

«Теперь, в самом центре борьбы, — записывал в бытность в Новочеркасске, т. е. именно тогда, когда пришло время строить, Дроздовский, — я вполне только понял, как ничтожны, близоруки, бессильны наши общественные деятели и политики, наши имена и авторитеты! Они ничего не понимали до сих пор и ничему не научились. Ведешь с кем нибудь переговоры и не понимаешь, стоит ли тратить на это время, кто он — деятель или пустое место» . . . Горькая, но верная истина!

Народные вожди из военной среды в конце концов дали бы, вероятно, повинуясь голосу интуиции, и организацию и идеологию национальному движению. Как клещами, охватили бы его жесткими щупальцами национальной партии, кадры которой, повторяю, были уже созданы Ледовым походом и походом Дроздовского. Но вождей не стало. Вслед за Корниловым погиб и Дроздовский — от заражения крови, в результате пустяшного ранения. В армии шли толки,

что он погиб жертвой заговора генералов болота — и весьма возможно, что выстрел, сразивший много времени спустя, уже в Константинополе, генерала Романовского, злого гения армии и движения, каким его многие считали, был ответом на смерть Дроздовского. Но помочь делу это не могло. Новая сильная воля — Врангель — явилась слишком поздно. Да и Врангель менее Корнилова и Дроздовского подходил для роли вождя масс. Он был могиканом рыцарской аристократии. Он мог командовать, повелевать, мог гордо умереть, — но не умел читать в умах миллионов.

Оставшись без вождей, белое движение попало в руки обывательского болота и спекулянтов тыла — и погибло, утонуло в этом болоте. Создавшиеся было кадры национальной партии распались без применения, рассосались, частью были загублены на фронтах. Положительной программы движение, лишенное близких народу вождей, создать и выдвинуть не могло. Оно оказалось, в конечном итоге, построенным на одном отрицании. Оно было антибольшевистским — и было коалицией всех элементов, которым по тем или иным причинам не был приемлем большевизм. Коалиция вещь хорошая по мирным парламентским временам. Но в борьбе нужна не коалиция, а единая, все своей воле подчиняющая сила. И программа этой силы должна не только отрицать, но и утверждать что то свое. Ни того, ни другого не было — движение, так блестяще развернувшееся, погибло.

Напрасно истекали кровью герои фронта. Достигавшиеся ими успехи только увеличивали разложение тыла — увеличивали и пропасть, ложившуюся, вследствие политики высшего командования и действий тыла, меж народными массами и белым движением. В

имения возвращались помещики, — как будто ради этого проливалась кровь! Репрессиями выколачивали прежние владельцы свое добро и свои убытки — как будто для этого только умирали герои! На местах садились старые администраторы, раскрывали пахнувшие тлением законы... как будто именно к этому стремился Корнилов! Когда население, привыкшее уже размышлять, отказывалось подчиняться нелепому произволу живых трупов в генеральских мундирах — с ним расправлялись не менее жестоко, чем расправлялись большевики, лилась кровь, беззаконие нагромождалось на беззаконие, вместо порядка устанавливалось полное бесправие... будто в этом видел свой идеал Дроздовский! В городах тыла шел пьяный разгул. Шла безудержная спекуляция. Войска фронта были разуты, раздеты, нуждались во всем, вынуждены были сами содержать себя, вызывая этим недовольство населения, создавая почву для злоупотреблений. Семьи героев подыхали часто с голоду, а в тылу цинично торговали всем, что было нужно армии, шел пьяный разгул, безудержная спекуляция всем, чем попало. Русская буржуазия, промышленники, торговцы, в значительной своей части вместо того, чтобы отдать последнее для дела победы тех, кто их, в сущности, а не себя защищали, старались поскорее, как в пьяном бреду каком то, содрать последнее с истекавшего кровью офицера. Когда нужны были деньги национальному движению — буржуазия туго затягивала свою мошну, но зато, когда приходили большевики, приставляли к ее груди свой штык, она платила, отдавала все, что только от нее требовали. Тысячи тысяч здоровых людей отсиживались в канцеляриях, переполняли тыловые кафе...

Чего же удивляться, что в конце концов у людей фронта не раз подымалось желание обернуть штыки — и вспороть ими героев тыла! Чего удивляться, что постепенно охладевала к движению и оборачивалась против него крестьянская и казачья масса! Чего удивляться, что белое движение в конце концов погибло!

Громадной ошибкой движения, между прочим, было неправильное понимание им принципа: «единая, неделимая», и неуменье вследствие того разрешить национальный вопрос. Громадной ошибкой были и еврейские погромы, не организовавшиеся, правда, но допускавшиеся «вождями» движения. Они отшатнули от белого движения большие и влиятельные круги заграницей. «Вожди»-эпигоны движения не понимали, между прочим, того, что большая часть евреев, особенно, еврейской буржуазии, являлись и являются, при умелом и либеральном к ним подходе, очень полезным и важным для русского национального дела слоем. Ибо ведь еврейство, особенно верхи его, было большим приверженцем русской, а не отдельных национальных культур, и было энергичным ее проводником повсюду.

Последней каплей, переполнившей чашу, была та зависимость от иностранцев, в какую попали руководители белого движения, не доверявшие уже собственным силам и народу. Иностранцы пришли на помощь, но как? — Как приходят в колонии, господами, а не помощниками, в поисках наживы, собственных выгод, а вовсе не в интересах русского народа. Может быть бескорыстнее всех была Франция. Но у Англии, по крайней мере у ее тогдашних политиков, у Ллойд-Джорджа, нынешнего друга большевиков, была одна цель — рас-

членить, поработить Россию, вырвать из ее тела наиболее лакомые куски. Эпигоны белого движения в конце концов стали действовать против интересов России. Народная гордость возмутилась. Народные силы стали сплачиваться вокруг московского Кремля: вплоть до старого офицерства во главе с ген. Брусиловым. Белое движение было разбито, в конце концов, своей собственной идеей — идеей величия и независимости нации. Только идея эта переместилась из лагеря белого в лагерь красный. Вот к чему привели неудачные преемники великого Корнилова.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА.

I

Три года гражданской войны: напряженной, беспощадной, разрушительной, перевернувшей всю страну, всю ее залившей кровью. Пленных часто не берут. В лазаретах подымают на штыки раненых. Расстреливают заложников. Мучат, уничтожают, целыми семьями мирное население. Не щадят ни женщин, ни детей. Разрушают города. Целые села сметают артиллерийским огнем. Так на красной. Так на белой стороне. Величайший героизм сочетается с невероятной жестокостью. Нет иных законов, кроме закона насилия, мщения, крови. И надо всем этим — невероятная разруха во всем, вся жизнь перевернута, холод и голод бродят по стране. Тысячи и тысячи погибают от сыпного тифа. Всюду стоят вагоны, целые поезда, груженые как дровами посинелыми, разлагающимися человеческими трупами. Смерть гуляет над страной ... И под дыханием смерти выростают, живут, думают и чувствуют люди. Жизнь теряет, как будто, цену — и вместе с тем никогда так страстно не хочется людям жить. И у тех, кто выживает и живет, меняются, становятся со-

вершенно непохожими на прежние души. С холодным любопытством впитывают в себя окружающее пытливые глаза подрастающих детей. Все замечают. Все запоминают. Создается новая раса: суровых, жестких. ничего не боящихся, ни перед чем не останавливающихся людей.

«Страшная вещь гражданская война, — записывает в дневнике ее участник и герой, Дроздовский. — Какое озверение вносит в нравы, какою смертельною злобой и местью пропитывает сердца. Жутки наши жестокие расправы, жутка та радость, то упоение убийством, которое не чуждо многим добровольцам... Сердце мое мучится, но разум требует жестокости. Надо понять этих людей, из них многие потеряли близких, родных, растерзанных чернью, семьи и жизнь которых разбиты, имущество уничтожено и разграблено и среди которых нет ни одного, не подвергавшегося издевательствам и оскорблениям. Надо всем царит теперь злоба и месть и не пришло еще время мира и прощения... Что требовать от Туркула, потерявшего последовательно трех братьев, убитых и замученных матросами, или Кудряшева, у которого недавно красноармейцы вырезали сразу всю семью? А сколько их таких?»... «...Нет, нет, да и сожмет тоской сердце, инстинкт культуры борется с мщением побежденному врагу, но разум, ясный и логический разум торжествует над несознательным движением сердца... Мы живем в страшные времена озверения, обесценивания жизни... Сердце, молчи, и закаляйся воля!.. Признается и уважается только один закон: «око за око», а я скажу: «два ока за око, все зубы, за зуб». «Подъявший меч...» В этой беспощадной борьбе за жизнь я стану вровень с этим страшным

звериным законом — с волками жить . . . » Так резонирует «инстинктом культуры» напитанное сердце!

Чего же ждать от людей, которых никогда не касалась смягчающая рука культуры, в которых жизнь с детства воспитывала только едкую зависть и тяжелую ненависть? Чего было ждать от солдата-крестьянина, от рабочего-красноармейца ? . . «В Сибири крестьяне, выкопав ямы, опускали туда вниз головой пленных красноармейцев, оставляя их ноги до колен на поверхности земли, — описывает Горький. — Потом они постепенно засыпали яму землей, следя по судорогам ног, кто из мучимых окажется выносливее, живучее, кто задохнется позже всех. Забайкальские крестьяне-казаки учили рубке молодежь свою на пленных». В Тамбовской губернии коммунистов пригвождали железнодорожными костылями в левую руку и в левую ногу к деревьям, на высоте метра над землей, и наблюдали, как эти нарочито неправильно распятые люди мучатся. Вскрытие пленным офицерам животов, сдирание кожи, вбивание гвоздей, вместо погон, «одевание по форме», — т. е. сдирание кожи по линиям лампас и портупей, — все это делалось, все это требовало большого искусства . . . Перечень этих ужасов можно было бы продолжить до бесконечности: прибавить и распиливание живого человека деревянной пилой , и высверливание сердца, и все те зверства и издевательства, какие вытворяли моральные уроды типа Петерса в Киеве, в Петрограде. . . . Город не уступал деревне. Красные белым. Кровавый психоз революции и гражданской войны исковеркал всех.

Грубела душа даже у ничем еще не озлобленной, только что вступившей в жизнь, и инстинктивно еще

вначале отворачивавшейся от убийства и крови молодежи . . . Вот комсомолец Грачев, почти мальчиком вступивший в красную армию, разсказывает в своих «письмах», «В конце месяца нагнали мы белых... Тут мне впервые пришлось убить человека... Эх, Петюнька, скверное чувство охватывает после того, как убьешь человека. Целую неделю мучили меня кошмары, даже приснился он мне лежащим в кровавой луже. Я бы не убил его, если б он не напал на Митьку, Но когда я увидел, что он схватил Митьку за глотку и душит его, я бросился на выручку, выхватил шашку и полоснул «беляка» сзади по затылку. После боя товарищи нашли меня в степи, лежащим почти без сознания... Помню, что когда очнулся, всю ночь проревел, кусал себе пальцы. Тяжело, брат, чувствовать себя убийцей, — такая свинцовая тоска на сердце, ну, прямо, мочи нет никакой.

— С непривычки — то оно все кажется страшным, — успокаивал меня Миронов, наш командир. — Война, милок, это тебе не бабьи посидки.

«Вскоре я убедился, что Миронов был прав, потому что сам быстро привык к смерти. Обстановка войны с ее ежиминутной опасностью быстро притупляет все чувства и не располагает к сантиментам. Чего, чего только не привелось мне увидеть, особенно на Украине! Едешь, бывало, на тачанке, а поперек дороги лежит наполовину разложившийся труп. Первое время не только подойти, смотреть и то тошно было, а потом притерпелся и, равнодушно оттолкнув труп с дороги, ехал дальше» . . .

В обстановке гражданской войны вырастали, учились жизни, духовно складывались люди, которые

потом стали властвовать над Россией — и те, кто идет в ней к власти сейчас.

В обстановке гражданской войны получил свою окончательную шлифовку Сталин.

II

Первый год гражданской войны: восемнадцатый.

«Если вы о ту пору зашли бы в ЦК, этот главный штаб ленинского авангарда рабочих масс нашей страны, — пишет Тарасов-Родионов, один из бытописателей революции, — и, протолкавшись по темным, узеньким корридорам невзрачного дома, через толпы обдерганных курток, получающих здесь путевки во все концы с неизменным одним боевым заданием: — победить! — спросили бы, наконец, у кого нибудь из секретарей: — А который же из всех этих фронтов, милый товарищ, сейчас самый важный и опасный?, — то непременно получили бы один неизменный ответ:

— Царицын.

— Царицын?

— Да, товарищ, Царицын! Сейчас это единственный ключ к хлебу. Ведь без хлеба мы не продержимся. А самое главное — Царицын это сейчас единственный красный клин, вбитый нами в сжимающее нас кольцо объединенной контр-революции. Если генералу Краснову удастся этот клин у нас вышибить, — чехословацкие учредиловские банды немедленно же соединятся с белыми сворами казацкого генералитета. Кольцо кровожадных бешеных хищников тесно сомкнется вокруг нас, и революцию сдавят в тиски. Цен-

тральный комитет большевиков считает Царицын сейчас решающим пунктом. Туда Лениным послан ... его верный соратник, Коба Сталин».

... Сталин приехал в Царицын в июне 1918 г., с отрядом красногвардейцев, с двумя броневиками и неограниченными полномочиями, — для того, чтобы наладить снабжение хлебом голодающих центров. Но скоро казачьи полки окружили Царицын. Вслед за Доном против советской власти поднялись и казачьи станицы Кубани. Окрепла блуждавшая по кубанским степям добровольческая армия. Под ее ударами изнемогала, отступала советская армия северного Кавказа, — единственной тогда житницы красной республики. — Сталин стал военным диктатором Царицына и северо-кавказского фронта.

7 июля, через месяц, примерно, по прибытии в Царицын, Сталин пишет Ленину (на записке пометка: «спешу на фронт, пишу только по делу») :

— Линия южнее Царицына еще не восстановлена. Гоню, ругаю всех, кого нужно, надеюсь, скоро восстановим. Можете быть уверены, что не пощадим никого — ни себя, ни других — а хлеб все же дадим. Если бы наши военные «специалисты» (сапожники!) не спали и не бездельничали, линия не была бы прервана. И если линия будет восстановлена, то не благодаря военным, а вопреки им.

11 июля Сталин вновь телеграфирует Ленину:

— Дело осложняется тем, штаб северо-кавказского военного округа оказался совершенно неприспособленным к условиям борьбы с контр-революцией. Дело не только в том, что наши «специалисты» психологически неспособны к решительной войне с контр-революцией, но также в том, что они, как штабные работ-

ники, умеющие лишь чертить чертежи и давать планы переформировки, абсолютно равнодушны к оперативным действиям ... и вообще чувствуют себя, как посторонние люди, гости ...

И Сталин решительно заявляет:

— Смотреть на это равнодушно, когда фронт Кальнина*) оторван от пункта снабжения, а север от хлебного района, считаю себя не в праве. Я буду исправлять эти и многие другие недочеты на местах, я принимаю ряд мер и буду принимать, вплоть до смещения губящих дело чинов и командиров, несмотря на формальные затруднения, которые при необходимости буду ломать. При этом понятно, что беру на себя всю ответственность перед всеми высшими учреждениями.

Самочинно взятые на себя Сталиным функции руководители всех военных сил фронта получают подтверждение Москвы. Несмотря на всю неприязнь Троцкого к Сталину, телеграмма реввоенсовета республики, носящая пометку, что она отправлена по согласию с Лениным — вероятнее: по настоянию Ленина — возлагает на Сталина: «навести порядок объединить отряды в регулярные части, установить правильное командование, изгнав всех неповинующихся».

Силы Царицына скоро увеличиваются. Через область Дона пробивается армия Ворошилова, составившаяся из остатков оттесненных и разбитых немцами украинских партизанских отрядов и рабочих Донбасса.

Во главе этой армии — Клим Ворошилов, донецкий слесарь и профессиональный революционер в прошлом. Он выдвинулся, как способный военачаль-

---

*) Командующий советской северо-кавказской армией. Был скоро наголову разбит добровольческой армией.

ник, в стычках с немцами. Бойцы армии слепо доверяют ему.

В Царицын Ворошилов приводит Сталину 15 000 закаленных бойцов. Из них и из других стекшихся к Царицыну партизанских отрядов создается регулярная 10-я советская армия.

— Во главе со Сталиным, вспоминает Ворошилов, создается революционный военный совет, который приступает к организации регулярной армии. Кипучая натура т. Сталина, его энергия и воля сделали то, что вчера еще казалось невозможным. В течение самого короткого времени создаются дивизии, бригады, полки.

Командующим армией Сталин назначает Ворошилова. Он знает и ценит его еще по временам подпольной работы. Они встречались в Баку.

Меняется под тяжелой рукой Сталина вся царицынская жизнь. Все сосредоточивается на вопросах обороны. Подтягиваются, пополняются новыми силами все местные партийные и рабочие организации, обуздывается партизанская вольница. Жизнь всего города охватывается клещами жесткой диктатуры.

— Физиономия Царицына, пишет Ворошилов, в короткий срок стала совершенно неузнаваема. Город, в котором еще недавно в садах гремела музыка, где сбежавшаяся буржуазия вместе с белым офицерством открыто толпами бродила по улицам, превращается в красный военный лагерь, где строжайший порядок и воинская дисциплина господствовали надо всем.

«... Город Царицын, описывает Тарасов-Родионов, совсем не походил тогда ни жизнью своей, ни своим деловым строгим обличьем на остальные города нашей страны... Размеренная и напряженная рабо-

чая жизнь — с дымом фабрик и гулом заводов. Киношки — взятые под лазареты с белыми флажками красного креста. На улицах и на перекрестках — красноармейские патрули. А посреди Волги на якоре высоко поднимала из воды свое черное пузо большая баржа, и, косясь на нее, обрюзгший чиновник в полинялой форменной фуражке тревожно шептал старушенкам на берегу:

— Там... чека!...»

Но это была не сама чека, а ее пловучая тюрьма. Чека работала в центре города, при штабе. Работала, как разсказывает перешедший впоследствии в белым полковник Носович, «полным темпом». «Не проходило дня без того, чтобы в самых, казалось, надежных и потайных местах не открывались различные заговоры».

В Царицыне была в это время довольно сильная белая организация. Деньги она получала из Москвы, была в связи с Доном, готовила внутреннее выступление в городе.

— К сожалению, разсказывает Носович, прибывший из Москвы глава этой организации инженер Алексеев и его два сына были мало знакомы с настоящей обстановкой и благодаря неправильно составленному плану, основанному на привлечении в ряды активно выступающих сербского батальона, бывшего на службе у большевиков при чрезвычайке, организация оказалась раскрытой. Резолюция Сталина была короткая: Расстрелять!... Инженер Алексеев, его два сына, а вместе с ними значительное количество офицеров, частью лишь по подозрению, были схвачены чрезвычайкой и немедленно, без всякого суда, расстреляны.

На черной же барже сидел почти весь присланный Троцким штаб военного округа. В том числе предназначенный в начальники штаба, полковник Носович.

Троцкий прислал телеграмму о немедленном их освобождении. Подчинились, но к работе в штабе не допустили. Троцкий прислал новую телеграмму: немедленно вернуть Носовича на должность начальника штаба. Сталин кратко пометил на телеграмме:

— Не принимать во внимание!...

Тогда Носовича вызвали в Козлов, дали там при штабе южного фронта большую должность. А там он на штабном автомобиле, захватив все бумаги, какие только смог, переехал к белым. «А вскоре были изобличены в измене и расстреляны в Козлове начальник штаба Южного фронта, Козловский, и начальник разведывательного отделения, Шостак». Сталин злорадствовал. Все это било по Троцкому.

«... Царицын жил трудовой, боевой, напряженной жизнью. Обыватель сидел по своим деревянным квартирным щелям и, наблюдая из окон, как отправлялись на фронт вновь сформированные отряды красноармейцев, как выбегали из заводских ворот заново отремонтированные броневики, как обозы везли в базы дивизий горы печеного хлеба, тюки шинелей, сапог и ящики арбузного сахару, — безнадежно скулил:

— Ох, уж этот Сталин!... Ох, уж этот Клим Ворошилов!...»

III

В центре города, в большом трехэтажном доме, принадлежавшем прежде горчичному фабриканту Воронину, помещается реввоенсовет 10 армии.

В нижнем этаже телеграф и телефон: здесь иногда Сталин и Ворошилов проводят часы, разговаривая с фронтом и по прямым проводам с Москвой. Во втором этаже армейский штаб. «Посторонние сюда не впускались. Здесь был мир директив, оперативных приказов, разведочных сводок и шелеста расправляемых карт. Беспартийных в этом боевом святилище не было никого».

В третьем этаже канцелярия реввоенсовета, тут же помещаются Сталин и Ворошилов.

В столовой квартиры Ворошилова — просторной, светлой комнате — обычно собирается обедать вся военная верхушка. Приходит и Сталин. Реже всех, пожалуй, обедает здесь сам хозяин, командарм. Обычно он застревает где нибудь на фронте, — и тогда Екатерина Давыдовна, спокойная, приветливая женщина, не только жена, но и ближайший друг его, «печально глядя на темнеющее окно, с грустной задумчивостью говорила:

— Климент Ефремович опять в бою ...

«И вздыхала:

— Ну, что-же, давайте обедать» ...

Рядом большая, обычно пустынная комната, где происходят заседания реввоенсовета.

Председательствует Сталин. Рядом с ним Ворошилов.

Дальше — Сергей Минин, член реввоенсовета. Он сам царицынец. Молоденьким студентом участвовал в

первой революции. Приобрел большую популярность среди царицынских рабочих. Вокруг его имени потом сплетались легенды. И сейчас он любимец рабочей среды — и умеет увлечь ее за собой. Когда враг особенно сильно наседает, почти у стен города, и силы армии слабнут, Минин бросается на городские окраины, на заводы. «Тревожно ревели тогда гудки. Шумно, с винтовками за плечами выбегали рабочие на близлежащие пригорки. Лихо выкатывали туда же на руках ремонтируемые ими пушки. Били по наседающим прямо в морду, в упор, на картечь. Враг отлетал, взбешенный, но бессильный. И стальное кольцо армейского фронта опять смыкалось». Впоследствии Минин был членом реввоенсовета буденовской конной армии. Поэт, мечтатель, человек больше порыва, чем систематического дела он потом как то завял. Но ярко описал царицынскую эпопею в пьесе: «Город в кольце».

Валерий Межлаук. Тоже член реввоенсовета. Самый, вероятно, молодой из всех. Сейчас он сталинский руководитель всей металлопромышленности России. Обрюзг, потолстел, но сохранил прежнюю энергию и твердость. Тогда он был худенький и гибкий, всегда в длиннополой кавалерийской шинели, со сдвинутой назад фуражкой, с Маузером в деревяном футляре на боку. На красивом волевом лице тонкие губы сжаты в постоянной насмешливо-спокойной улыбке. С этой же улыбкой, не сгибаясь под пулями, с рукой на Маузере, он ведет за собой в аттаку армейцев на фронте. Он самая, пожалуй, неподатливая пружина «царицынской оппозиции». Его первого снимет за непокорность Троцкий.

Щаденко. Политический комиссар 10 армии. «Сердито насупясь орлиной бровью и непримиримо ощеря

свой воинственный глаз, он неустанно горел и метался по фронту, стараясь быть у Клима его верною правой рукой». Глядя на этого человека с такой типичной солдатской внешностью, трудно подумать, что еще недавно он был самым мирным портным, кроил сукно, примерял штаны, и не думал вовсе о войне и революции. В дальнейшем он создаст себе большое имя, как один из организаторов буденовской конницы.

Рухимович, нынешней сталинский комиссар путей сообщения. Спокойный, вдумчивый, предприимчивый. Он был «наркомом» по военным делам одной из выроставших тогда, как грибы, красных республик: Донецко-Криворожской. Это он поручил Ворошилову формирование армии. В походе через Дон он ведал возстановлением путей и мостов — и справился с задачей блестяще. Теперь он ведает снабжением армии. И о том, как он работает, можно судить по отзыву Троцкого:

— Ни одна армия не поглощает столько ружей и патронов, как царицынская! А при первом отказе Царицын кричит об измене московских спецев.

Но Рухимович умеет не только выдирать снабжение у Москвы. По приказу Сталина он налаживает хромавшую работу царицынских заводов. Чинят 39, строят вновь 11 бронепоездов. Строят 18 броневых автомобилей. Приводят в готовность 300 орудий. Таковы результаты работы нескольких месяцев.

Иногда приезжают и проходят командиры фронтовых частей. Вот Думенко —, типичный партизан, лихой командир кавалерийской дивизии, человек, который, кажется, вырос в бою и только в нем живет. Под градом пуль он пляшет на седле, чтобы ободрить своих конников. Его ценят, но при нем немножко смол-

кают разговоры, ему не вполне доверяют. Это одна из тех шальных голов разбушевавшейся народной стихии, которой все-равно где драться, лишь бы драться и иметь успех.

— Думенко, говорит Ворошилов, мужик боевой, но очень хитрый и не наш. Если нам будет здесь очень туго, он сможет сбежать. Не спроста прислал ему письмо генерал Краснов, обещая прощенье в случае его перехода к белым со всей дивизией. За Думенко надо следить в оба. Надо дать ему в помощь лихих и испытанных коммунистов. А главное, надо поприсмотреть, кем бы его заменить из его же ближайших сподвижников, если попробует он нас предать. Есть там у него смелый и рассудительный командир бригады, Буденный. Если он твердо стоит за рабоче-крестьянское дело, его надобно выдвинуть на дивизию.

Насчет Думенко Ворошилов не ошибся. Год спустя, оказав массу услуг красной армии, имея орден Красного Знамени, Думенко, обидевшись, решив, что его не ценят, сделал попытку перейти к Деникину, предварительно перебив политических работников своей дивизии. Его расстреляли, несмотря на протест, чуть не вылившийся в бунт, любивших его солдат.

Не ошибся Ворошилов и насчет Буденного. Получив дивизию, отличившись под Царицыным, он стал потом во главе конного корпуса, а потом конной армии — и стал одним из крупнейших героев гражданской войны.

И Буденный иногда приходит сюда. Больше молчит, оглядывает всех хитрыми черными глазами, топорщит, как жук, усы. Разговаривать он не умеет и не любит.

Зато вечером, в спокойную минуту, либо на фронте, когда надо развеселить солдат, он откинет широкие рукава черкески, топнет ногой — и пойдет ловко и лихо отплясывать наурскую. Потом обойдет солдат, лошадей, посмотрит все ли в порядке, ели ли люди, лошади. Потом вскочит на коня, припустит шпоры и отправится во главе своей души в нем не чающей братвы рубить врага.

— Ну-ка, братцы... Живей! Воевать, так воевать! Тут их и всех на один удар...

Приезжают и заходят с фронта Жлоба, Городовиков, Савицкий, Худяков, Харченко, Шевкопляс, другие. Их много. Все суровые «рубацкие» лица, все люди, на плечах которых окрепнет красная армия и пойдет к победам...

IV.

Хмуро, с недоброжелательством говорят в этом реввоенсовете о московском военном центре, где Троцкий подбирает «спецов, военных академиков, высокие штабы». Еще более хмуро — о штабе южного фронта, которому они, по приказу Москвы, должны подчиняться, но которому фактически не подчиняются никогда. Почему? — Троцкий недалек от истины, когда пишет: «К командованию южным советским фронтом царицынские военачальники относились не многим лучше, чем к белым». Психологически все это было вполне понятно. Царицынская группа составилась сплошь из людей революции, из ее активных бойцов, из красных партизан, проделавших все первые этапы

жестокой гражданской войны. Они были прямолинейны, мыслили очень примитивно, жизнь еще не обтесала и многому еще не научила их.

Как можно, думали они, строить красную армию, армию революции, опираясь, как это делает Троцкий, почти исключительно на старое офицерство, да еще офицерство штабное. Страна в гражданской войне. Страна разделена на два непримиримых лагеря. В каком могут и должны быть офицеры? Конечно, только в белом. Там все симпатии их. Только незначительное меньшинство офицеров, затронутых нашими идеями, таково, что на них можно целиком опереться. А другие? Даже если офицер прямо не будет изменять, он всетаки, как правильно говорит Сталин, психологически неспособен на решительную борьбу с контр-революцией.

— Конечно,—часто говорит Ворошилов, глава царицынской военной группы, — мы все партизаны. В училищах и академиях не обучались. За это сейчас многим расплачиваемся. Но ведь мы зато большевики! Не наемная какая нибудь сволочь и не мобилизованные, а красные добровольцы. . .

Сталин довольно ухмылялся, слушая такие речи. Нельзя сказать, чтобы он полностью разделял отрицательное отношение к офицерам. Он вполне резонно указывал, что при каждом почти из ворошиловских командиров тоже есть и были свои «спецы», которым они доверяли и у которых учатся и учились. Без знания военного дела побеждать в войне нельзя. И больше, как у старых офицеров, учиться не у кого. Но Сталин ощущал вместе с тем, что у ворошиловцев была своя — и большая правда. Он говорил:

— Их увлечения пройдут, они сработаются в конце концов со специалистами военного дела, отобрав в их среде тех, на кого, действительно, можно положиться. Но их стремление самим стать военными специалистами, самим командовать, против чего так возстает Троцкий, надо только поощрять. Иначе мы не создадим армии революции и не победим. Даже верные раз взятому на себя долгу старые офицера, особенно штабные, разве они могут быть руководителями в гражданской войне? — Нет. У них слишком много рутины. А обстановка сейчас необычная, и нужны люди, которые к этой обстановке всем своим нутром подходили бы, ею воспитанные. Нужна смелость, нужна воля, находчивость, уменье связать себя накрепко с массой солдат. Нужны природные, жизнью, а не школой только вырощенные военные таланты. И как революция совершенно, казалось бы, неподходящих и неподготовленных людей научает управлять государством, так она же, совершенно из неожиданных источников, выдвинет свои военные таланты. Ведь вот белая сторона: разве там не происходит то же самое? Разве там душа дела, настоящего дела, старые генералы? Нет. Выдвинулись и выдвигаются новые люди, вчера еще никому неизвестные, сейчас становящиеся вдруг большими людьми, проявляющие большие таланты. Кто такие эти новые генералы гражданской войны? Они все почти вышли из относительно небольших чинов, выдвинулись силой, волей, смелостью, дерзанием ... Таков Дроздовский, таков Врангель, Кутепов, Каппель ... Таковы же Шкуро, Покровский, другие ... Такие же люди выдвигаются и на красной стороне. Вчера слесаря, портные, крестьяне, в лучшем случае унтер-офицера — завтра они будут крас-

ными маршалами. И стремление этих самородков обеспечить себе возможность выдвижения и действования — вполне естественно. Этого не понимает только Троцкий, с его приверженностью к схемам, к централизации, с его чуждостью народным массам и их психологии . . .

Так думал и говорил Сталин — и потому он резко принял сторону ворошиловской оппозиции против Троцкого. К тому же Сталин знал, что примерно так же думает и Ленин. В марте 1918 г. при нем к Ленину заходил приехавший из провинции Антонов-Саратовский. Жаловался. У них вышли трения с органами Наркомвоена. Очень и очень крупные представители Наркомвоена, приезжая на места, перегибали палку в проведении линии централизма и оборудования армии специалистами. Ленин сказал:

— Да вы не слушайтесь ни приказов, ни декретов, если они вредят делу. Вы делайте так, как подсказывает вам сознание. Если по декрету выходит плохо, а по вашим действиям хорошо, никто вас за это ругать не будет. Если же вы приказа или декрета не исполните, а из ваших действий выйдет скверно, ну, тогда нужно будет вас всех расстрелять.

— Я глубоко убежден, говорил потом Антонов-Саратовский, разсказывая об этом разговоре, — что такая директива давалась не мне одному, а многим. Он требовал от нас прежде всего, чтобы мы были революционерами, а затем уже исполнителями.

Этой же неписаной директивой руководствовался и Сталин. И под его твердой рукой Царицын стал не только «средоточием оппозиции унтер-офицеров и партизан против централизованной военной организации, требовавшей военных знаний и более широкого

кругозора», как презрительно отзывался Троцкий. «Царицын, вполне справедливо пишет один из историков красной армии, явился зачатком военной академии, где создались кадры командиров для других многочисленных фронтов, ныне возглавляющие основные единицы армии».

... На царицынском фронте началась борьба меж Сталиным и Троцким — не столько борьба двух больших честолюбий, сколько борьба двух человеческих слоев и двух линий в революции.

V

Сталин фактически жил в своем рабочем кабинете, не выходя из него зачастую дни и ночи. Но, отмечает Ворошилов, руководство Сталина не ограничивается кабинетом.

— Когда необходимый порядок наведен, когда восстановлена революционная организация, он отправляется на фронт, который к тому времени растянулся на 600 километров с лишним. И нужно было быть Сталиным и обладать его крупнейшими организаторскими способностями, чтобы, не имея никакой военной подготовки, так хорошо понимать специальные военные вопросы в тогдашней чрезмерно трудной обстановке.

— Помню, как сейчас, начало августа 1918 г. Красновские казачьи части ведут наступление на Царицын, пытаясь концентрическим ударом сбросить красные полки в Волгу. В течение многих дней красные войска во главе с коммунистической дивизией, сплошь состоящей из рабочих Донбасса, отражают на-

тиск прекрасно организованных казачьих частей. Это были дни величайшего напряжения. Нужно было видеть Сталина в это время. Как всегда спокойный, углубленный в свои мысли, он буквально целыми сутками не спал, распределяя свою интенсивную работу между боевыми позициями и штабом армии. Положение на фронте становилось почти катастрофическим. Красновские части, под командованием Фицхалаурова, Мамонтова и других, хорошо продуманным маневром теснили наши измотанные, несшие огромные потери войска. Фронт противника, построенный подковой, упиравшейся своими флангами в Волгу, с каждым днем сжимался все больше и больше. У нас не было путей отхода. Но Сталин о них и не заботился. Он был проникнут одним сознанием, одной единственной мыслью — победить, разбить врага во что бы то ни стало. И эта несокрушимая воля Сталина передавалась всем его ближайшим соратникам, и, не взирая на почти безвыходное положение, никто не сомневался в победе. И мы победили. Разгромленный враг был отброшен далеко за Дон» . . .

. . . Отношения меж Троцким и царицынской военной группой становились все напряженнее. Командование царицынским фронтом, сконцентрировавшееся всецело на отражении «девятого вала» казачьих атак, попросту игнорировало зачастую распоряжения Троцкого и его беспомощного штаба.

— Жалобы главного и фронтового командования на Царицын поступали ежедневно. Нельзя добиться выполнения приказа, нельзя понять, что там делают, нельзя даже получить ответ на запрос, разсказывает Троцкий . . . Положение стало невозможным. Я решил навести в Царицыне порядок. После нового столкно-

вения командования с Царицыном я настояла на отозвании Сталина.

«Ленин хотел свести конфликт к минимуму». Поэтому уговаривать Сталина уехать был отправлен сам Свердлов с экстренным поездом. Сталин уехал. Он понимал, что какой то выход из создавшегося положения нужен. В момент напряженной опасности он не задумывался итти против формальной субординации, «ломать при необходимости формальные затруднения». Он готов был тогда игнорировать все распоряжения центра. Но когда основная опасность была преодолена, необходимо было подчиняться сложившимся порядкам. Раз Троцкий стоял во главе военного аппарата, и Ленин ему доверял, ничего не поделаешь, надо итти на уступки.

— Армия, — говорил Сталин, — не может действовать, как самодовлеющая, вполне автономная единица. В своих действиях она всецело зависит от смежных с ней армий и прежде всего от директив реввоенсовета республики. Но нужно, чтобы директивы центра были стоющими, соответствующими обстановке. Нужно, чтобы центр научился действовать, понимать местные условия, — и научился бы вдумчиво и сдержанно управлять местами.

Так говорил Сталин — и потому он охотно возвращался в центр: там только можно было бороться с основными дефектами ведения красного военного дела.

По дороге он встретил блестящий поезд Троцкого. Сейчас, когда Сталина уже не было в Царицыне, Троцкий рисковал там показаться. Он ехал, как всегда, надменный, пышный, с сознанием величия и непогрешимости, с театральными жестами, свитой «мальчишек», запасами кожаного обмундирования и других

«подарков», которыми он привык «обласкивать» армейских бойцов. Свердлов зашел к Троцкому.

— Он осторожно спрашивал меня о моих намерениях, потом предложил мне поговорить со Сталиным, который, как оказалось, возвращался в его вагоне.

Троцкий принял Сталина свысока. Сталин держал себя «подчеркнуто смиренно». Он боялся, что Троцкий рассыпет спаянную им в Царицыне ворошиловскую группу—и тем нанесет смертельный удар фронту.

— Неужели вы хотите всех их выгнать? Они хорошие ребята.

— Эти хорошие ребята, — театрально произнес Троцкий, — погубят революцию, которая не может ждать, доколе они выйдут из ребяческого возраста Я хочу одного: включить Царицын в советскую Россию.

В другое время, в другой обстановке Сталин ответил бы резкой грубостью на эту напыщенную и глупую фразу. Как будто не царицынские «ребята» были основной опорой революции — и как будто Царицын не был все время той скалой, на которую советская Россия в это трудное время опиралась! — Не говоря о значении самого Царицына, — но разве, еслиб он был взят, и те громадные силы, что он приковывал к себе, освободились, разве слабые армии центра — детище Троцкого — могли бы оказать им сопротивление ? . .

Сталин не высказал этого. Бесполезно. Он еще раз только подчеркнул, что разгон ворошиловской группы был бы ударом по фронту. Сухо попрощались. Сталин поехал говорить с Лениным. Троцкий — «наводить порядок в Царицын».

VI

— Через несколько часов, — рассказывает Троцкий, — я увидел Ворошилова... Я поставил Ворошилову вопрос: как он относится к приказам фронта и главного командования? Он открыл мне свою душу: Царицын считает нужным выполнять только те приказы, которые он признает правильными. Это было слишком. Я заявил, что, если он не обяжется точно и безусловно выполнять приказы и оперативные задания, я его немедленно отправлю под конвоем в Москву для предания трибуналу. Я никого не сместил, добившись формального обязательства подчинения. Большинство коммунистов царицынской армии поддержало меня за совесть, а не за страх. Я посетил все части и обласкал партизан... С этим я вернулся в Москву.

Сами царицынские коммунисты немного иначе описывают это генеральское посещение. Они действительно подчинились «не за страх, а за совесть». Ворошилов принял Троцкого «дисциплинированно и радушно». Но почему? — Вот что говорили в среде царицынских коммунистов перед приездом Троцкого:

— Конечно, Троцкий еще «новый» и далеко не испытанный большевик. В честолюбивой горячности он может кой где и ошибаться. Но раз партия наша доверила ему столь огромное дело руководства обороной страны, наше дело — по-большевистски ему подчиниться.

Но само поведение Троцкого произвело на царицынцев очень тяжелое впечатление. Пустая напыщенность — никакого реального дела.

«Троцкий, — рассказывает Тарасов-Родионов, — выступил в реввоенсовете надменно и раздраженно. Обрушился градом колких упреков за огромную трату боеприпасов. Ворошилову оставалось только скромно пожать плечами:

— Если тратим много боеприпасов, значит, упорно отбиваемся от превосходных вражеских сил».

О том, что в решающие августовские дни армия изнемогала и была накануне гибели от отсутствия снарядов и патрон — только потому, что Троцкий находил, что Царицын слишком много тратит боеприпасов — об этом Ворошилов не счел нужным говорить. «Объяснениями Троцкий не интересовался» . . .

«Он сказал на митинге красноармейцев трескучую и яркую, как фейерверк, речь, обещал прислать в армию надежнейшие требуемые подкрепления, затем сел на пароход и уехал» . . .

«С подкреплениями, однако, дело вышло не гладко». Часть разбежалась по дороге. Другие перешли к противнику. Так 11-я «железная» дивизия, гордость Троцкого, перешла к белым в строю, под музыку, с развернутыми знаменами. Царицынская армия изнемогала — но держалась.

Но началось опять недовольство центром, конфликты с Троцким.

. . . Сталин, приехав в Москву, объяснил положение вещей Ленину. Он обрисовал ему успехи, достигнутые царицынской армией, рассказал, что он убедил и Ворошилова, и Минина, и Межлаука подчиниться приказам центра. Указал, что главная причина «оппозиции» — неудовлетворительность директив центра, опасения измены в штабах, наконец, крайние запозда-

ния в снабжении снарядами и патронами армий, что поставило северо-кавказскую армию на краю гибели.

Ленин немедленно сообщил обо всем этом Троцкому — и именно письма Ленина и были причиной того, что Троцкий не посмел «разогнать» царицынскую группу.

Сам Сталин опять стремился на военную работу, казавшуюся ему самой важной в данный момент. Он готов был поступиться самолюбием, подчиняться Троцкому.

«Сталин очень хотел бы работать на южном фронте — пишет Троцкому Ленин... — Сталин надеется, что ему на работе удастся убедить в правильности его взгляда... Сообщая вам, Лев Давыдович, обо всех этих заявлениях Сталина, я прошу вас обдумать их и ответить, во-первых, согласны ли вы объясниться лично со Сталиным, для чего он согласен приехать, а, во вторых, считаете ли вы возможным, на известных конкретных условиях, устранить прежние трения и наладить совместную работу, чего так желает Сталин. Что же меня касается, то я полагаю, что необходимо приложить все усилия для налаженния совместной работы со Сталиным. Ленин».

Последние строчки звучали приказом. Правда, приказ был облечен в свойственную Ленину мягкую форму — но Троцкий знал, что за мягкостью стоит непоколебимая воля. Ничего иного не оставалось, как подчиниться. Скрепя сердце, Троцкий дал согласие на назначение Сталина членом реввоенсовета всего южного фронта.

В декабре 18 г. Троцкий решает кончить с непокорным Царицыным. Телеграфирует Ленину:

— Оставлять дальше Ворошилова после того, как все попытки компромисса сведены им на нет, невозможно. Нужно послать в Царицын новый реввоенсовет с новым командиром, отпустив Ворошилова на Украину.

Ленин соглашается. Иначе надо жертвовать Троцким.

Ворошилов со Сталиным на Украине. Но оба они связаны по рукам и ногам. Попытки Ворошилова создать более-менее самостоятельную военную группу, чтобы вновь спаять ее, превратить в боеспособную единицу, кончаются неудачей. В украинских армиях — анархия, распад... Троцкий пытается перенести вину с больной головы на здоровую. В январе 19 г. он требует убрать из армии Сталина, Ворошилова и других. «Линия Сталина, Ворошилова и Ко означает гибель всего дела». Ленини не верит. Он слишком хорошо знает Сталина. Ленин ищет компромисса. Но Троцкий непримирим. «Компромисс, — телеграфирует он Ленину, — конечно, нужен, но не гнилой. По существа дела в Харькове собрались все царицынцы... Я считаю покровительство Сталина царицынскому течению опаснейшей язвой, хуже всякой измены и предательства военных специалистов». Ленину пришлось уступить. Впрочем, Сталин понадобился ему в другом месте — и его на юге уже не было.

...Через некоторое время на южном фронте начался разгром и паническое отступление красных армий. Пал в конце концов и «красный Верден» — Царицын. Не только потому, что туда был брошен лучший из полководцев белой армии, генерал Врангель. Но и потому, что усилиями Троцкого боеспособность

царицынской армии была снижена до крайности: она потеряла железную свою спайку и движущую энергию испытанных вождей.

VII

В конце 1918 года на восточном фронте, где наступали армии адмирала Колчака, создалось катастрофическое положение. В самом трудном положении была 3 советская армия. Уже к концу ноября она оказалась совершенно деморализованной. Шесть месяцев без смены, без подкреплений, при расхлябанности тыла, при ужасающем состоянии снабжения — пять суток, напр., одна дивизия провела в непрестанном бою, не имея ни куска хлеба, — полураздетая при 35 градусном морозе, без средств передвижения на полном почти бездорожьи, при слабости штабного руководства, при путанности и неясности директив центра, армия эта в конце концов не выдержала, дрогнула, в конце ноября сдала Пермь... В своем беспорядочном отступлении армия за 20 только дней откатилась от первоначальных позиций на 300 километров, потеряла 18000 бойцов, десятки орудий, сотни пулеметов. Целые полки переходили на сторону противника. Офицерство массами бежало в его ряды. Сейчас положение армии было самое безнадежное. Противник окружал ее полукольцом. Не сегодня-завтра — кольцо могло сомкнуться. Мало того. Следуя по пятам деморализованной армии, противник угрожал уже Вятке — и тем самым всему фронту.

Ленин телеграфирует Троцкому:

— Есть ряд партийных сообщений, говорящих о катастрофическом состоянии армии и о пьянстве.. Я думаю послать Сталина . . .

Опять мягкая форма. Опять за мягкостью предложения — неоспоримый приказ. Троцкий соглашается.

Центральный комитет партии постановляет: «Назначить партийно-следственнию комиссию в составе членов ЦК Дзержинского и Сталина для подробного расследования причин сдачи Перми, последних поражений на уральском фронте, равно выяснения всех обстоятельств, сопровождающих указанные явления. ЦК предоставляет комиссии принимать все необходимые меры к скорейшему восстановлению как партийной, так и советской работы во всем районе 3 и 2 армий».

Опять повторяется царицынская история: Сталин в первую очередь начинает заниматься главнейшим — организацией ликвидации катастрофы.

5 января 1919 г. он и Дзержинский телеграфируют Ленину, как председателю совета обороны:

«Расследование начато. О ходе расследования будем сообщать попутно. Пока считаем нужным заявить вам об одной не терпящей отлагательства нужде 3 армии. Дело в том, что от 3 армии — более 30000 человек — осталось лишь 11000 усталых, истрепанных солдат, еле сдерживающих напор противника. Посланные главкомом части ненадежны, частью даже враждебны нам и нуждаются в серьезной фильтровке. Для спасения остатков 3 армии и предотвращения быстрого продвижения противника до Вятки (по всем данным, полученным от командного состава фронта и 3 армии, эта опасность совершенно реальна)

абсолютно необходимо срочно перекинуть из России в распоряжение командарма по крайней мере три совершенно надежных полка. Настоятельно просим сделать в этом направлении нажим на соответствующие военные учреждения. Повторяем: без такой меры Вятке угрожает участь Перми...

Несколько недель напряженной работы выровняли фронт. К 15 января, — пишет Сталин совету труда и обороны, — послано на фронт 1200 надежных штыков и сабель; через день — 2 эскадрона кавалерии. 20-го отправлен 62-й полк 3-й бригады (предварительно профильтрован тщательно). Эти части дали возможность приостановить наступление неприятеля, переломили настроение 3 армии и открыли наше наступление на Пермь, пока что успешное. В тылу армии происходит серьезная чистка советских и партийных учреждений. В Вятке и в уездных городах организованы революционные комитеты. Начато и продолжается насаждение крепких революционных организаций в деревне. Перестраивается на новый лад вся партийная и советская работа. Очищен и преобразован военный контроль. Очищена и пополнена новыми работниками губернская чрезвычайная комиссия. Налажена разгрузка вятского узла...

В конце января весь восточный фронт перешел в наступление. На правом фланге удачным ударом был взят Уральск. Перелом наступил...

Расследуя причины катастрофы, Сталин и Дзержинский пришли к выводу, что основными были: «усталость и измотанность армии к моменту наступления противника, отсутствие у нас резервов к этому моменту, оторванность штаба от армии, бесхозяйственность командарма, недопустимо преступный способ

управления фронта со стороны реввоенсовета республики, парализовавшего фронт своими противоречивыми директивами и отнявшего у фронта всякую возможность притти на скорую помощь 3 армии, ненадежность присланных из тыла подкреплений, объясняемая старыми способами комплектования, абсолютная непрочность тыла, объясняемая полной беспомощностью и неспособностью местных советских и партийных организаций».

Каждое почти положение этого доклада било как острый гвоздь по системе Троцкого.

Ленин стал задумываться.

...В эту поездку Сталин сблизился с Дзержинским и приобрел в нем на будущее верную поддержку.

VIII

Весна 1919 года... Северо-западная добровольческая армия, под командой генерала Юденича, неожиданно перешла в наступление и поставила под угрозу Петроград. В Финском заливе появился английский флот. Полковник Булак-Балахович повел со своими отрядами наступление на псковском направлении. Одновременно оживились на фронте эстонские отряды.

В самом Петрограде, в штабе западного фронта, в 7 армии, в кронштадтской морской базе, в военной верхушке был заговор. Он, правда, был раскрыт, руководители арестованы и расстреляны, но заговорщикам многое удалось осуществить. Несколько красных полков перешло на сторону противника. Против со-

ветской власти выступили целиком гарнизоны двух кронштадтских фортов: «Красная Горка» и «Серая Лошадь». Их орудия оказались направленными против красных сил. По всей 7 армии царила растерянность. Фронт был сломлен. Противник подступал к Петрограду.

Ленин опять посылает Сталина.

Три недели проводит Сталин в Петрограде. Железной рукой он восстанавливает порядок и дисциплину. Производит немедленную мобилизацию питерских рабочих и коммунистов, вливает их в части отступающей армии. Производит тщательнейшее расследование дел заговорщиков, выявляет все нити, жестоко отсекает их. В этом помогает ему не знающий пощады, работающий как бездушная машина истребления, Петерс. Штабы подтягиваются, растерянность войсковых частей исчезает. Создается перелом сначала настроения, а потом и военного положения.

Сталин телеграфирует Ленину:

— Вслед за Красной горкой ликвидирована и Серая лошадь, орудия на них в полном порядке, идет быстрая очистка и укрепление всех фортов и крепостей. Морские специалисты уверяют, что взятие «Красной горки» с моря опрокидывает всю морскую науку. Мне остается лишь оплакивать так называемую науку. Быстрое взятие «Горки» объясняется самым грубым вмешательством со стороны моей и вообще штатских в оперативные дела, доходившем до отмены приказов по морю и суше и навязывания своих собственных. Считаю своим долгом заявить, что я и впредь буду действовать таким образом, несмотря на все мое благоговение перед наукой. Сталин.

Еще через несколько дней Сталин вновь доносит Ленину:

— Перелом в нашим частях начался. За неделю не было у нас ни одного случая частичных или массовых перебежек. Дезертиры возвращаются тысячами. Перебежки из лагеря противника в наш участились. За неделю к нам перебежало человек 400, большинство с оружием. Вчера днем началось наше наступление. Хотя обещанное подкрепление еще не получено, стоять дальше на той же линии, на которой мы остановились, нельзя было — слишком близко от Питера. Пока что наступление идет успешно, белые бегут, нами сегодня занята линия Керново-Воронино-Слепино-Касково. Взяты нами пленные, 2 или больше орудий, автоматы, патроны. Неприятельские суда не появляются, видимо боятся «Красной Горки», которая теперь вполне наша.

Первый поход Юденича на Петроград был ликвидирован.

...Осень 1919 г... Самое трудное время для красной республики. Наступает решающий момент всей гражданской войны. Армии генерала Деникина подкатываются все ближе к Москве. Уже заняты Курск, Орел. Под угрозой Тула. Оттуда рукой подать до Москвы. Генерал Юденич опять готовит поход на Петроград. Положение самое отчаянное. Во многих армиях паническое настроение. Оно передается и населению — тем более, что у больших масс населения уже сочувствия к советской власти нет. Многие, как избавления, желают прихода белых. Всюду начинают подымать голову организации содействия белой армии, — даже в самой Москве. А тут еще продовольственное положение обострилось, как ни-

когда. В столицах, особенно в Петрограде — настоящий голод. Вместо хлеба выдают немолотый овес. Промышленность почти остановилась: нет топлива. Снабжать армии почти нечем.

Нужен перелом на фронте. Нужна стальная рука, опытная уже в военном деле, имеющая доверие и опору в армейских массах. Кто? — Только Сталин.

Сталин ставит перед Лениным и Центральным комитетом партии три условия.

Первое: Троцкий не должен вмешиваться в дела южного фронта и не должен переходить за его разграничительные линии.

Второе: с южного фронта должен быть немедленно отозван ряд работников — протеже Троцкого — которых Сталин считает вредными для дела восстановления боеспособности фронта.

Третье: на южный фронт должны быть немедленно командированы новые работники по выбору Сталина.

Условия были приняты целиком.

Сталин едет на южный фронт в качестве члена реввоенсовета с неограниченными полномочиями. Его главная квартира — Серпухов, неподалеку от Москвы. Оттуда он руководит военными действиями. Изредка — в серьезные моменты — наезжает в Москву. Он в Москве, когда решается вопрос: сдавать или не сдавать Петроград наступающему Юденичу. Он против сдачи. Он убежден:

— Победим ! . .

IX

Положение на фронте он застает отчаянное. Самое скверное — это неопределенность. Никто не знает, что надо делать. «На главном направлении Курск-Орел-Тула нас бьют, восточный фланг беспомощно топчется на месте».

— Чтобы победить, — говорит Сталин, — надо наступать самим. Надо прорваться в тыл противнику, заставить его откатиться от Москвы, взять инициативу в свои руки. Все дело — в правильном плане наступления.

Сталин спрашивает о планах московского главного командования. Там предлагают старый план нанесения главного удара противнику восточным флангом, от Царицына, через донские степи, на Новороссийск. Сталин резко отвергает этот план. Выдвигает свой собственный.

— Что заставляет главкома отстаивать старый план? — спрашивает Сталин в письме Ленину. — Очевидно, одно лишь упорство, если угодно — фракционность, самая тупая и самая опасная для республики, культивируемая в главкоме состоящим при нем стратегическим «петушком» ... На днях главком дал Шорину*) директиву о наступлении на Новороссийск через донские степи по линии, по которой может быть и удобно летать нашим авиаторам, но уже совершенно невозможно будет бродить нашей пехоте и артиллерии. Нечего и доказывать, что этот — предполагаемый — сумасбродный поход в среде вражеской нам, в условиях полного бездорожья, грозит нам пол-

*) Шорин — командующий советским юго-восточным фронтом, наступающим на Царицын и на Дон.

ным крахом. Нетрудно понять, что этот поход на казачьи станицы, как это показала недавняя практика, может лишь сплотить казаков против нас вокруг Деникина для защиты своих станиц, может лишь выставить Деникина спасителем Дона, может лишь создать армию казаков для Деникина, т. е. может лишь усилить Деникина. Именно поэтому необходимо теперь же, не теряя времени, изменить уже отмененный практикой старый план, заменив его планом основного удара через Харьков—Донецкий бассейн на Ростов. Во-первых, здесь мы будем иметь среду не враждебную, наоборот, симпатизирующую нам, что облегчит наше продвижение. Во-вторых, мы получаем важнейшую железнодорожную сеть (донецкую) и основную артерию, питающую армию Деникина — линию Воронеж-Ростов. В третьих, этим продвижением мы рассекаем армию Деникина на две части, из коих Добровольческую оставляем на съедение Махно, а казачьи армии ставим под угрозу захода им с тыла. В четвертых, мы получаем возможность поссорить казаков с Деникиным, который в случае нашего успешного продвижения постарается передвинуть казачьи части на запад, на что большинство казаков не пойдет. В пятых, мы получаем уголь, а Деникин остается без угля. — С принятием этого плана нельзя медлить. Короче: старый, уже отмененный жизнью план ни в коем случае нельзя гальванизировать, — это опасно для республики, это наверняка облегчит положение Деникина. Его надо заменить другим планом. Обстоятельства и условия не только назрели, но повелительно диктуют такую замену. Без этого моя работа на южфронте становится бессмысленной, преступной, ненужной, что дает мне право или, вернее, обязывает меня уйти куда

угодно, хоть к чорту, только не оставаться на юж-фронте. Ваш Сталин».

Получив это письмо, Ленин собственноручно написал приказание высшему штабу об изменении отжившей себя директивы. План Сталина был принят. Осуществление его повлекло за собой разгром Деникина — и решительный перелом всего положения на фронтах гражданской войны в пользу красных.

Большую роль сыграло создание Сталиным именно в этом периоде гражданской войны конной армии. «Это был, — пишет Ворошилов, — первый опыт соединения кавалерийских дивизий в такое крупное соединение, как армия. Сталин видел могущество конных масс в гражданской войне. Он конкретно понимал их громадное значение для сокрушительного маневра. Но в прошлом ни у кого не было такого своеобразного опыта, как действие конных армий. Не было об этом написано и в ученых трудах, и поэтому такое мероприятие вызывало или недоумение или прямое сопротивление». Особенно возражал Троцкий.

«Несмотря и даже вопреки желанию центра» Сталин создал конную армию. 11 ноября 1919 года реввоенсовет южного фронта просто донес реввоенсовету республики, что он «исходя из условий настоящей обстановки, постановил образовать конную армию в составе 1-го и 2-го конных корпусов и одной стрелковой бригады, впоследствии добавив и вторую стрелковую бригаду. Состав реввоенсовета конармии: командарм т. Буденный, члены: тт. Ворошилов и Щаденко». И все. Так создалась чисто революционная армия, с громадной подвижностью, которую Сталин использовал, как ударный кулак, в своем плане наступления.

19 октября 1919 г. буденовская конница треплет

под Воронежем кавалерийский корпус ген. Шкуро. 23 октября занимает Воронеж. 27 октября Буденный переходит Дон. 14 ноября захватывает станцию Касторную, берет много трофеев и пленных, перерезает сообщения противника. 17 ноября фактически формируется конная армия—и ее мощный клин разрезает отступающую армию противника на две части—меньшая отходит на Крым, главные силы к Дону. 1 января 1920 г. конная армия входит в Таганрог — политический и военный центр белых. 9 января занимает Ростов на Дону. Это был разгром белого движения.

...Эта катастрофа, для многих, для большинства, для всех почти в белом лагере была неожиданна, необъяснима. Один только человек предвидел ее: самый яркий, самый талантливый полководец белой армии, не имевший себе равных водитель белой конницы, генерал барон Врангель. Уже давно он предостерегал главнокомандующего от распыления сил и непомерного расширения фронта. Он предлагал примерно тот же план, который применил Сталин: закрепившись на небольшом относительно фронте, упершись флангами в Днепр у Екатеринослава и в Волгу, создать в одном направлении ударный кулак из концентрированных сил конницы по преимуществу и им, как тараном, пробив красный фронт, итти на Москву. Он предлагал царицынское направление — то, которое — в обратную сторону для наступления красных — было отвергнуто Сталиным. Но именно потому, почему оно было невыгодно для красных, оно было выгодно для белых: они шли по дружественному Дону, оставляли за собой верный казачий тыл. В то же время шли на соединение с силами Колчака. Генерал Деникин повел наступление сразу по трем направлениям, разбив

тем самым силы армии. Главным направлением он избрал то, что было выгодно только для красных, но не для белых — через Донецкий бассейн. Генерал Врангель был брошен на Царицын. Он быстро взял его. Но эта победа не радовала его. И когда генерал Деникин приехал в освобожденный от красных Царицын, Врангель опять пытался убедить его не распылять силы, сосредоточить прежде всего всю конную массу в одном направлении. Для царицынского было поздно уже. Армии адмирала Колчака откатывались. На соединение с ними не приходилось расчитывать. Поэтому Врангель рекомендовал сосредоточить конницу, как решающую силу гражданской войны, на ставшем главным донецко-харьковском направлении. Само собой разумеется, что объединенная кавалерия должна была иметь единое командование. Командующий мог быть только один — генерал Врангель. Он не говорил этого, но это было ясно.

Генерал Деникин задумчиво сказал:

— Я вижу, что вы хотите первый войти в Москву!

Генерал Деникин уже видел во Врангеле соперника себе. Штабная интрига разрушала силы белых успешнее даже, чем красный натиск.

Врангель остался в Царицыне, силы армии остались распыленными, врангелевский план был осуществлен противной стороной.

X

После взятия Ростова, армии, оперировавшие против ушедших в задонские и кубанские степи главных

сил противника, в том числе и конная армия, выходят из подчинения Сталину. Создается новый, кавказский фронт. Командующий фронтом Шорин, член реввоенсовета Смилга, влияние Троцкого.

Командование оказывается бездарным. Еще немного — и все достигнутые уже успехи могут сойти на нет. Красные армии терпят одну неудачу за другой. Самая ценная, с таким трудом созданная сила, конная армия, истекает кровью в бесцельных, ничего не приносящих боях. У командования нет ясного плана, нет уменья использовать благоприятные моменты. «В результате стратегического недомыслия командования фронтом, — пишет один из историков красной армии, — затратившего много времени на заранее безуспешные операции, противник закончил перегруппировку своих сил, значительно пополнился и начал готовиться к переходу в решительное наступление... Настал второй переломный момент гражданской войны на юге республики. Создавшееся положение грозило крахом всему Южному фронту. Предотвратить назревающую катастрофу можно было только самыми решительными и быстрыми мерами».

Ворошилов, член реввоенсовета конной армии, «вопреки всем законам военной субординации» берет на себя задачу изменить создавшееся положение через голову командования фронтом. После одного из безуспешных боев, где один за другим бессмысленно гибли бойцы конной армии, подсчитав ужасные потери, Ворошилов ночью бросается к прямому проводу и велит разыскать Сталина. Сталин в Харькове.

— Прошу приехать вас, — говорит Ворошилов. — Вы убедитесь во всей глупости совершаемого.

Но Сталин и так понял положение.

— Заявите категорически, — сказал он, — от моего имени, что нам важен сейчас не захват городов, станиц, районов, а в первую очередь нужно сберечь конницу, которая потребуется для решающих столкновений на Кавказском, а возможно и других фронтах. И передайте Шорину, что он снимается. Вместо него будет прислан Тухачевский.

Ленин, ознакомившись с положением, решительно настаивает, чтобы Сталин сам отправился на Кавказский фронт.

ЦК партии телеграфирует Сталину в Харьков:

— Ввиду необходимости установить подлинное единство командования на кавфронте, поддержать авторитет командфронта и командарма, использовать в широком размере местные силы и средства, политбюро ЦК признало безусловно необходимым немедленное вступление вас в состав реввоенсовета кавфронта... Сообщите, когда выезжаете в Ростов.

Но Сталин уклоняется. Он не хочет еще большего обострения отношений с Троцким. Не личных отношений — это все равно непоправимо. Но он боится, что его личное присутствие на фронте помешает делу, так как Троцкий будет тогда мешать операциям фронта. Смущает Сталина и то, что его могут заподозрить в желании присвоить себе звание «организатора побед». Лавры ему ненужны. Нет, пусть едут Тухачевский, зарекомендовавший себя победами над армиями Колчака, человек не рутины, но смелой, действенной инициативы, — и Орджоникидзе, который полностью будет проводить линию Сталина. Он, Сталин, сможет влиять на ход дел и издалека.

Сталин дипломатически отвечает ЦК, что он, конечно, подчинится, но просит еще раз продумать ре-

шение. Во первых, он болен, и вряд ли целесообразно его в таком состоянии трогать с места. Во вторых, его беспокоит, что постоянные его переброски будут неправильно поняты «местными партийными организациями», которые склонны будут «обвинять меня в легкомысленном перепрыгивании из одной области управления в другую, в виду их неосведомленности о решениях ЦК».

Ленин понимает мотивы Сталина. Он не настаивает уже. 10 февраля 20 г. он пишет Сталину:

— Я не теряю надежды, что все дело наладится без вашего перемещения . . .

Зато Сталин назначается членом реввоенсовета республики — и получает возможность непосредственно влиять на центральное руководство армиями.

. . . Тухачевский и Орджоникидзе прибывают на кавказский фронт. Выработанный реввоенсоветом конной армии план ее движения во фланг противнику они одобряют. Составляется план решительного общего наступления. 14 февраля отдается приказ о наступлении. Более, чем своевременно: генерал Деникин со своей стороны отдал приказ о наступлении. Оно назначено на 16 февраля. Красные опережают на 48 часов — и берут инициативу в свои руки.

Опять конная армия — успехами под Торговой, Белой Глиной, Егорлыкской — решает судьбу кампании. Белая армия скатывается в море. Начинается агония белого движения.

. . . Весна и лето 1920 года. Польская война. Сталин назначается членом реввоенсовета юго-западного фронта. В его распоряжении опять первая конная армия. Разгром польских армий юго-западного фронта, освобождение Киева и правобережной Украины, глу-

бокое проникновение в Галицию, организация знаменитого рейда первой конной армии, красные войска под самым Львовым — все это, пишет Ворошилов, — «в значительной степени составляет результат умелого и искусного руководства Сталина».

Героическая попытка Врангеля возродить белый фронт, выход врангелевских войск из Крыма, новая угроза Донецкому бассейну, волнения казаков на Кубани, — все это — при одновременном наступлении поляков — создает вновь серьезную опасность.

3 августа 1920 г. политбюро постановляет:

— Ввиду успеха Врангеля и тревоги на Кубани необходимо признать врангелевский фронт имеющим огромное, вполне самостоятельное значение, выделив его, как самостоятельный фронт. Поручить т. Сталину сформировать реввоенсовет, целиком сосредоточить свои силы на врангелевском фронте, в качестве командующего фронтом — Егорова или Фрунзе, по соглашению главкома со Сталиным.

В тот же день Ленин пишет Сталину:

— Только что провели в политбюро разделение фронтов, чтобы вы исключительно занялись Врангелем . . .

Сталин организует последний белый фронт. Командующим фронтом он избирает Фрунзе.

Но скоро болезнь вырывает его из строя.

XI

Кончилась гражданская война . . . Страна, революция, партия оказались на переломе. Тот строй, кого-

рый утвердился на время войны, оказался невозможным, неприемлемым для народа в мирное время. Нужна была коренная перемена.

Это был строй военного коммунизма. Ленин так определяет его: «Своеобразный «военный коммунизм» состоял в том, что мы фактически брали от крестьян все излишки и даже иногда не излишки, а часть необходимого для крестьян продовольствия, брали для покрытия расходов на армию и на содержание рабочих. Брали большей частью в долг, за бумажные деньги». Это далеко не полное определение.

Строй «военного коммунизма» во многом напоминал нынешний, сталинский, и состоял в том, что все оказалось в руках государства, все определялось и регулировалось им. Общественной жизни ни для кого, кроме как для членов партии, не было, но и у тех она определялась велениями партии, да и не до общественности было, когда надо было драться на фронтах, как то выходить из бесконечных кризисов во всех областях народного хозяйства, работать по 15, по 18 часов в сутки. Но и в личную жизнь, во все почти ее проявления вмешивалась государственная власть. Единственное, может быть, что оставалось ненормированным, это была любовь ... Но все остальное зависело от государства. Без ордера совета нельзя было иметь жилья. Без разрешения нельзя было проехать по железной дороге. Надо было состоять на государственной службе, чтобы иметь право на продовольственную карточку, на кусок хлеба, на кусок тарани. Иначе ничего нельзя было иметь. Можно было, правда, ехать, рискуя заразиться сыпняком, выменивать хлеб у крестьян, но везде стояли заградительные отряды, и не всем удавалось выменянное привезти к до-

му. За каждой квартирой, за каждой комнатой следили всевидящие глаза Чека. Люди, надломленные голодом, вернувшиеся к примитивному, звериному быту, готовы были зачастую на все. И сын доносил на отца, отец на сына, жена на мужа и т. д. Все магазины были закрыты. Были только государственные лавки, где ничего почти не было, и все отпускалось только по норме, только по карточкам. В подполье, тайком, шла спекуляция. Торговали краденым с правительственных складов продовольствием, одеждой, всем, что попадало под руку — эту торговлю выслеживала Чека, арестовывала, ссылала, расстреливала людей. Царил самый жестокий террор.

Промышленость почти не работала. Не было топлива. Не было сырья. Почти не было рабочих. Рабочие, кроме тех, что ушли на фронты, защищать красное свое отечество, занимались мешечничеством, спекуляцией продуктами, на машинах, приспособленных для выделки машин же, или других громадных и ценных вещей, точили зажигалки, продавали их, этим жили. Рабочий класс — что признавал и Ленин — был в большей части своей деклассирован. Часть рабочих вернулась в родные деревни. Там можно было хоть сколько нибудь сытно жить.

Но и туда приходила власть. Она, как говорит Ленин, забирала не только крестьянские излишки, но и продовольственные запасы самого крестьянина. Взамен она оставляла ничего нестоющие бумажные деньги, курс которых катастрофически падал с каждым днем и составлял в конце концов много миллиардов на один прежний золотой рубль. Но что иное, кроме этих бумажных денег, могла дать власть крестьянину? — Запасы, накопленные «капиталистиче-

ским строем», за счет которых и жила первое время революция, были съедены, израсходованы. Почти совсем разрушенная промышленность еле-еле удовлетворяла потребности армии. Фактически власть и город жили за счет ограбления крестьянства.

И этот строй, который мог быть терпим только потому, что шла война, был энтузиазм, люди понимали, что надо, ради победы народной революции, ради закрепления земли за народом, ради вытеснения иностранцев из России, эту войну довести до конца, — этот строй многие идеализировали и считали подлинным воплощением социализма. Может быть, настоящий социализм и есть именно строй такого порядка — но народ, но страна такого социализма не хотели!..

1 марта 1921 г. против советской власти восстал Кронштадт, — ее постоянная опора. Солдаты гарнизона, матросы линейных кораблей на своих делегатских собраниях вынесли требования:

— Немедленно сделать перевыборы совета тайным голосованием. Дать свободу слова и печати для анархистов и левых социалистических партий. Свобода собраний, профессиональных союзов и крестьянских объединений. Собрать не позже 10 марта беспартийную конференцию Петроградской губернии. Упразднить всякие политотделы. Немедленно снять все заградительные отряды. Упразднить коммунистические боевые отряды во всех воинских частях. Дать право действия крестьянам над всей землею так, как им желательно.

Это были немного сумбурные, окрашенные сильно и местными интересами, не вполне ясные требования. Но за ними стоял голос всей земли. И он говорил:

— Свободные советы — без коммунизма и коммунистов!

— Свобода торговли!

— Свобода пользования землей!

3 марта от имени делегатского собрания броненосца «Петропавловск» было выпущено воззвание, в котором объявлялось о переходе власти в руки временного революционного комитета, о назначении тайных выборов в советские органы. Там же прокламировалась основная задача движения:

— Вывести республику из состояния разрухи!

Многие местные коммунисты присоединились к движению. Другие почти не противились, когда их посадили в тюрьму. Только школа красных курсантов отказалась присоединиться к восставшим и по льду ушла в Ораниенбаум.

В Москве в это время происходил X съезд партии. Весть о восстании ударила, как гром. Позднейшие сообщения говорили, что в самом Петрограде неспокойно, что рабочие только и ждут прихода матросов из Кронштадта, чтобы присоединиться к ним. Поднялась паника. Многие из «старых большевиков» готовились уже к бегству. Казалось, что дни советской власти сочтены. Что если к Кронштадту присоединится и вся армия?.. Одновременно в других частях страны начались крестьянские восстания. Самое упорное, самое жестокое было в Тамбовской губернии, получившее потом название «антоновщины» по имени своего вождя, Антонова.

На Кронштадт были немедленно двинуты все лучшие части красной армии. Туда был отправлен Троцкий. Но и он был растерян в эти дни, не знал, что делать, не был способен к решительным действиям.

Тогда Ленин направил туда, как основную силу, человека, который никогда не знал растерянности и нерешительности: Сталина. С ним отправился Ворошилов. Общее руководство операциями было поручено Тухачевскому. Сталин не оспаривал, впрочем, первенства Троцкого. Не хотел отымать у него сомнительные лавры подавления этого мятежа. Он предпочитал, как всегда, быть организатором карательной экспедиции, оставаясь в тени.

По льду, под снегом, одетые в белые халаты, были поведены на штурм Кронштадта собранные силы. Лед уже подтаял — и в Кронштадте не ожидали возможности такого наступления. Наступающие были замечены только тогда, когда они подошли к самому почти Кронштадту. Заревели пушки фортов, застучали пулеметы. Взрывался, проваливался лед. Вместе с ним уходили под воду красные солдаты. Шедшие сзади делали обход — шли дальше. Им тоже некуда было возвращаться. Красная артиллерия, по приказу Сталина, била по льду за их спиной. Они были отрезаны. Или вперед, где, может быть, победа — или верная смерть!

Кронштадт был взят. Сталин переехал туда — и с методической жестокостью начал расправу. Часть восставших успела уйти в Финляндию. Но из оставшихся были пощажены немногие. Были расстреляны даже многие из тех коммунистов, что сидели в тюрьме мятежников: за нерешительность, за то, что сдались.

В подавлении Кронштадтского восстания Сталин проявил себя тем, что он есть: человеком, которому ничего и никого не жалко, которого ничто не трогает. Он холодно, спокойно, расчетливо беспощаден.

XII.

...Кронштадт привел к нэпу. Ленин резко изменил всю политику власти, от военного коммунизма пошел на соглашение с крестьянством, на поощрение частной собственности, частной инициативы, частного и свободного товарооборота... Из этого экономического либерализма естественно должен был родиться и либерализм политический. Ленин это предвидел — и на это шел.

— Военный коммунизм, — говорил он, — был вынужден войной и разорением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой.

— Мы расчитывали, — признавался он, — поднятые волной энтузиазма, разбудившей народный энтузиазм сначала общеполитический, потом военный, мы расчитывали осуществить непосредственно на этом энтузиазме столь же великие экономические задачи. Мы расчитывали — или, может быть, вернее будет сказать: мы предполагали без достаточного расчета — непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелко-крестьянской стране. Жизнь показала нашу ошибку.

— Не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном расчете, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете потрудитесь построить сначала прочные мостки, ведущие в мелко-крестьянской стране

через государственный капитализм*) к социализму; иначе вы не пойдете к коммунизму, иначе вы не подведете десятки и десятки миллионов людей к коммунизму. Так сказала нам жизнь. Так сказал нам объективный ход развития революции.

— Есть только два пути в данный момент, — говорил тогда Ленин.

— Либо не пытаться запретить и запереть развитие капитализма. Это единственно возможная и единственно разумная политика.

— Либо попытаться запретить, запереть совершенно всякое развитие частного, негосударственного обмена, т. е. торговли, т. е. капитализма, неизбежное при существовании миллионов мелких собственников. Такая политика была бы глупостью и самоубийством той партии, которая испробовала бы ее. Глупостью, ибо эта политика экономически невозможна. Самоубийством, ибо партии, пробующие подобную политику, терпят неминуемый крах. Нечего греха таить, кое-кто из коммунистов «помышлением, словом и делом» грешил, впадая в такую политику. Постараемся от таких ошибок исправиться. Непременно надо от них исправиться, иначе совсем плохо будет . . .

Одним из тех, кто «грешил» именно такой политикой, был Сталин. Режим насилия, принуждения, режим казармы, рабочего дома, колониальной плантации

*) Надо заметить: государственный капитализм в понимании Ленина и государственный капитализм, ныне осуществляемый Сталиным — глубоко различные вещи. Ленин допускает сосуществование государственного и частного капитализма и приветствует развитие последнего. Сталинский государственный капитализм монополистичен и исключает частно-хозяйственную инициативу. Этим он приближается к военному коммунизму.

был ближе всего его узкой и властной душе. Но он подчинился Ленину. Слепо, как и всегда, пошел за ним. Долгое время проводил его политику. Пока не стал властителем сам. Тогда он вернулся, правда, в изменившейся обстановке, на путь военного коммунизма.

Еще более хмуро, чем Сталин, восприняли ленинский переход к новой экономической политике некоторые из «молодых», которым в дальнейшем выпало на долю играть большую роль в судьбах страны. Молотов не переставал говорить:

— Военный коммунизм — это вовсе не так плохо... Хорошее было время... Пожалуй, самое лучшее время революции!..

Отрицательно отнеслись к нэпу и многие слои коммунистической молодежи. Вот комсомолец Грачев, вернувшись после нескольких лет фронта, фронтовой «коммуны», после пребывания в немецком концентрационном лагере, куда он был интернирован с конницей Гая, описывает свои переживания:

— ...Я воротился уже при нэпе, — пишет он другу. — Противное, надо тебе сказать, было время. Приехал я как раз в тот момент, когда на смену рыночной мелкой рознице, на смену жалкому подпольному спекулянтику и легальному торгашу суровой эпохи военного коммунизма пришел европейский торговец в коверкоте, заседающий в огромных магазинах с зеркальными стеклами, ни дать ни взять солидные торговые дома довоенного времени!.. Ты себе представить не можешь, как было досадно смотреть на новые, нагло крикливые, свеже выкрашенные вывески магазинов, на зеркальные стекла с окороками, свежей клубникой и ананасами, лицезреть шелестящих шелками дам,

слышать томную музыку из раскрытых окон залитых огнями ресторанов и прочих мест увеселения... Признаюсь, я не раз помышлял, что партия пустила на слом всю свою октябрьскую работу и не раз порывался уйти из комсомола. Тем более, что я не один, много тогда ушло...

Так настроенная молодежь в дальнейшем на некоторое время легко подпала под влияние радикальных фраз Троцкого. А еще позже она составила гвардию Сталина, пошедшего «на последний штурм капитализма».

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ВЛАСТЬ.

I

В марте 1919 г. умирает Свердлов — первый чиновник партии и государства: секретарь центрального комитета и председатель советского ЦИК'а. Для Ленина это была громадная потеря: фактически Свердлов был его личным секретарем и помощником, причем поистине незаменимым. Его основным свойством было то, что он не имел собственного лица. Он был зато блестящим комиссионером чужих идей — и еще более изумительным по точности и твердости выполнителем чужих организационных, практических планов. Он освобождал Ленина от всей черной — подготовительной и исполнительной — работы.

Должность председателя ЦИК'а была замещена скоро и легко. На это декоративное кресло посадили добродушного, честного, импонирующего массам своей простотой и «рабоче-крестьянской» внешностью, но по существу ничтожного Калинина.

В партийном же аппарате были произведены более сложные перемены.

— Так уметь объединить в себе одном организационную и политическую работу, как это умел делать

Свердлов, — говорил Ленин на съезде партии в 1920 году, — не умел никто, и нам пришлось попытаться заменить его работу работой коллегии. Работа ЦК велась двумя выбранными на пленуме ЦК коллегиями, организационным бюро и политическим бюро, причем для согласования и последовательности решений того и другого учреждения, секретарь входил в оба бюро. Дело сложилось так, что главной задачей оргбюро было распределение партийных сил, а задачей политбюро — политические вопросы. Само собой разумеется, что это разделение до известной степени искусственно, понятно, что никакой политики нельзя провести, не выражая ее в назначении и перемещении. Следовательно, всякий организационный вопрос принимает политическое значение, и у нас установилось на практике, что достаточно заявки одного члена ЦК, чтобы любой вопрос, в силу тех или иных соображений, рассматривался, как вопрос политический . . .

Так было положено оформленное начало всемогущему впоследствии политбюро, могущему перенять на свое разрешение «любой вопрос». При Ленине, конечно, политбюро было чисто совещательным, подготовительно-исполнительным органом. Правил Ленин.

Насчет секретаря ЦК Ленин говорил: «только коллегиальные решения ЦК проводились в жизнь секретарем». Иначе и быть не могло. Тогдашние секретари, — Крестинский, Серебряков, Стасова, — чисто технические работники, — ни на что иное и не были способны.

В первое политбюро вошли: Ленин, Сталин, Троцкий, Каменев. Кандидатами были: Бухарин, Зиновьев, Калинин. «Для связи» в политбюро, как и в оргбюро, входил секретарь, Крестинский. В первое оргбюро во-

шли: Сталин, Белобородов, Серебряков, Стасова и Крестинский.

Ленин, однако, скоро почувствовал трудность положения, когда в партийном аппарате не было человека достаточно сильного и ответственного, который мог бы сосредоточить в своих руках все возраставшую работу. Перед партией — с момента окончания гражданской войны особенно — становились все более широкие и сложные задачи.

Технические работники, сидевшие в секретариате ЦК, справиться с этими задачами сколько нибудь самостоятельно не могли. За каждой мелочью обращались к Ленину. Ему приходилось все больше нагружаться. К тому же эти люди — тоже в силу своей несамостоятельности — все время находились под влияниями других, главным образом, Троцкого. Ленин не мог полностью им доверять.

Вопрос о настоящем помощнике, который мог бы и заменять Ленина в его отсутствие, — Ленин все чаще уезжал отдыхать в деревню — становился все острее.

Такой помощник выдвигался сам собой: Сталин. Будучи одновременно членом политбюро и оргбюро, он уже и сейчас зачастую фактически выполнял функции ответственного руководителя партийного аппарата, стремясь облегчить и разгрузить Ленина. Он был вне каких бы то ни было сторонних, чуждых большевизму влияний. Линия его как будто никогда и ни в чем с ленинской не расходилась. По всем основным вопросам он выступал вместе с Лениным, часто предвосхищал его мысли.

...В 1920 г. Ленин вырабатывает набросок «тезисов по национальному и колониальному вопросам» для второго съезда Коминтерна. Это — один из ос-

новных вопросов революции. Ленин рассылает свой набросок для отзыва всем членам политбюро. Сталин на южном фронте. Он пишет Ленину:

«У меня нет в данный момент возможности высказаться о тезисах подробно и обстоятельно (времени нет), но об одном пробеле в тезисах могу высказаться коротко. Я говорю об отсутствии в тезисах упоминания о конфедерации, как об одной из переходных форм сближения трудящихся разных наций. Для наций, входящих в состав старой России, наш (советский) тип федерации можно и нужно считать целесообразным, как путь к интернациональному единству. Мотивы известны: эти национальности либо не имели в прошлом своей государственности, либо потеряли ее давно, в виду чего советский (централизованный) тип федерации прививается к ним без особых трений. Нельзя сказать то же самое о тех нацинальностях, которые не входили в состав старой России, существовали как самостоятельные образования, развили свою собственную государственность, и которые, если они станут советскими, вынуждены будут силой вещей стать в те или иные государственные отношения (связи) к советской России. Например, будущая советская Германия, Польша, Венгрия, Финляндия. Едва ли эти народности, имеющие свою государственность, свое войско, свои финансы, едва ли они, став советскими, согласятся с р а з у на федеративную связь с советской Россией типа башкирской или украинской (в своих тезисах Вы делаете разницу между башкирским и украинским типом федеративной связи, но на самом деле этой разницы нет, или она так мала, что равняется нулю): ибо федерацию советского типа они рассматри-

вали бы, как форму умаления их государственной самостоятельности, как покушение на последнюю.

«Я не сомневаюсь, что для этих национальностей наиболее приемлемой формой сближения была бы конфедерация (союз самостоятельных государств). Я уже не говорю об отсталых национальностях, напр., о Персии, Турции, по отношению к которым или для которых советский тип федерации и вообще федерация были бы еще более неприемлемы.

«Исходя из этих соображений, я думаю, что в известный пункт Ваших тезисов о переходных формах сближения трудящихся разных наций необходимо внести (наряду с федерацией) конфедерацию. Такая поправка придала бы тезисам больше эластичности, обогатила бы их еще одной переходной формой сближения трудящихся разных наций и облегчила бы национальностям, не входившим в состав России, государственное сближение с советской Россией».

Это письмо было предвосхищением будущих планов сталинского красного империализма — и созданной им впоследствии гутаперчевой формы «Союза советских республик» — вместо «Российской федеративной республики». Ленин не принял тогда поправки Сталина. Не потому, что сам он был чужд идеям красного империализма. Наоборот. Он был горячим приверженцом их. Весь поход на Польшу, на котором особенно настаивал Ленин, был ничем иным, как попыткой попробовать крепость красного штыка на теле Европы. Попытка кончилась неудачей. Но от идеи европейского похода Ленин долго не мог отказаться — и накапливал силы . . .

Получив письмо Сталина, он только сделал пометку на полях своих тезисов: «Конфедерация (Сталин)»

— и поставил вопросительный знак. Очевидно, что то в этом предложении было ему не по нутру. Не было ли ему тяжело отказаться от слова: «Россия»?.. «Союз советских республик» Сталин создал уже, когда Ленина не стало.

Но по этому письму Ленин лишний раз убеждался, что у Сталина в основных вопросах советского строительства была самостоятельная и глубокая мысль. И в общих линиях она сходилась с его собственной.

II

..В 1921 г. хозяйственные вопросы стали во главу угла. Нужен был план предстоящего хозяйствования. Таковой Ленин видел в выработанном по его поручению «Плане электрификации России». Насколько сильно он им тогда увлекался, видно из того, что он говорил: «коммунизм это есть советская власть плюс электрофикация». По существу, этот план был предвосхищением предстоящей индустриализации России.

Но план встретил самое резкое противодействие в среде советских сановников. Ленин был возмущен.

— Позор один, — говорил он. — Литераторы не пропагандируют уже выработанного плана, а пишут тезисы и пустые рассуждения о том, как подойти к выработке плана! Сановники ставят ударение чисто бюрократически на необходимости «утвердить» план, понимая под этим не вынесение конкретных заданий (построить то то и тогда то, купить то то заграницей и т. п.), а нечто совершенно путанное, вроде разработ-

ки нового плана! Все это показывает неуменье работать, господство интеллигентского и бюрократического самомнения над настоящим делом. Насмешки над фантастичностью плана обнаруживают самомнение невежества.

И вот приходит письмо больного Сталина.

«Товарищ Ленин, — пишет он. — Последние три дня я имел возможность прочесть сборник «План электрификации России». Болезнь помогла (нет худа без добра). Превосходная, хорошо составленная книга. Мастерской набросок действительно единого и действительно государственного хозяйственного плана без кавычек. Единственная в наше время марксистская попытка подведения под советскую надстройку хозяйственно-отсталой России действительно реальной и единственно возможной при нынешних условиях технически производственной базы. Помните прошлогодний «план» Троцкого «хозяйственного возрождения» России на основе массового применения к обломкам довоенной промышленности труда неквалифицированной крестьянско-рабочей массы (трудовые армии). Какое убожество, какая отсталость в сравнении с планом Гоэлро*)! А чего стоят десятки «единых планов», появляющихся то и дело в нашей печати на позор нам, — детский лепет приготовишек. Или еще: обывательский «реализм» (на самом деле маниловщина) Рыкова, все еще «критикующего» Гоэлро и по уши погрязшего в рутине ...

«Мое мнение:

«1. Не терять больше ни одной минуты на болтовню о плане.

---

*) Государственная комиссия по электрификации России.

«2. Начать немедленный практический приступ к делу.

«3. Интересам этого приступа подчинить по крайней мере одну треть нашей работы (две трети уйдет на «текущие» нужды) по ввозу материалов и людей, восстановлению предприятий, распределению рабочей силы, доставке продовольствия, организации баз снабжения и пр.

«4. Так как у работников Гоэлро, при всех хороших качествах, все же не хватает здорового практицизма (чувствуется в статьях профессорская импотентность), то обязательно влить в «плановую» комиссию к ним людей живой практики, действующих по принципу «исполнение донести», «выполнить к сроку» и пр . . . »

Это была та постановка вопроса, тот подход к делу, которые именно и нужны были Ленину.

. . . Чем дальше, тем больше Ленин приходил к выводу, что Сталин — тот человек, который нужен ему в качестве помощника.

И когда Сталин серьезно заболел — Ленин забеспокоился не на шутку.

Болезнь потребовала операции. Сталина перевезли в Москву, в Солдатенковскую больницу.

«Владимир Ильич, — рассказывает лечивший Сталина доктор Розанов, — ежедневно два раза, утром и вечером, звонил ко мне по телефону и не только справлялся о его здоровьи, но требовал самого тщательного и обстоятельного доклада. Операция т. Сталина была очень тяжелая: помимо удаления аппендикса, пришлось сделать широкую резекцию слепой кишки, и за

исход ручаться было трудно. Владимир Ильич видно очень беспокоился и сказал мне:

— Если что, звоните мне во всякое время дня и ночи . . .

«Когда на четвертый или пятый день после операции всякая опасность миновала, и я сказал ему об этом, у него видно от души вырвалось:

— Вот спасибо то ! . . Но я всетаки каждый день буду звонить к вам.

«Навещая т. Сталина у него, уже на квартире, я как то встретил там Владимира Ильича. Встретил он меня самым приветливым образом. Отозвал в сторону, опять расспросил, что было со Сталиным. Я сказал, что его необходимо отправить куда-нибудь отдохнуть и поправиться после тяжелой операции. На это он:

— Вот я и говорю то же самое, а он упирается. Ну да я устрою, только не в санаторий, сейчас говорят, что они хороши, а еще ничего хорошего нет.

«Я говорю:

— Да пусть едет прямо в родные горы.

«Владимир Ильич:

— Вот и правильно, да подальше, чтобы никто к нему не приставал, надо об этом позаботиться.»

. . . И все-таки Ленин долго колебался в вопросе назначения Сталина своим помощником. Он боялся. Чего?

III

Партия Ленина никогда не была вполне единой ни по своему человеческому материалу, ни по идеям и интересам, движущим ее людьми. Единство ее выступлений во вне, ее «генеральной линии», охранялось сильной рукой и непререкаемым авторитетом ее создателя и вождя.

Пока партия была маленькой подпольной сектой, ее внутренняя расслойка была менее заметна. Расходившиеся с ее линией либо выходили из ее рядов, либо безропотно подчинялись. Да и самые расхождения тогда не столь остро чувствовались, так как все это были чисто теоретические споры, немедленных жизненных выводов из них делать не приходилось.

В процессе революции партия выросла. Она вобрала в себя и все почти активные революционные элементы населения, вобрала в себя и многие тысячи случайных, пристраивавшихся к власти людей. Наличие в руках партии власти меняло подход к идейным разногласиям. Идеи получили в революции жизненное значение, за идеями стояла власть и возможность через эту власть многое осуществлять. Следовательно, борьба за идеи в рядах партии приобрела жизненный интерес, практическое значение. В силу этого через несколько лет революции внутри партии расслоение стало исключительно сильным — и наметилась неизбежность жестокой борьбы.

В начале революции тон в партии задавала «старая гвардия», старшее поколение, причем по преимуществу его интеллигентско-эмигрантская часть.

Здесь наибольшую роль вначале играла небольшая, но сильная своей сплоченностью, ясностью и цельностью системы идей группа, собравшаяся вокруг Троцкого.

Это не были «ленинцы», большевики, русские революционеры. Сам Троцкий ленинской партии всегда был чуждым и враждебным человеком, всегда вел самую ожесточенную борьбу против ее идей. Его объединение с Лениным и вступление в партию в 17-м году было чисто тактическим шагом. Перед ним и Лениным на первых порах стояли общие враги и общая цель их преодоления. Конечно, участие Троцкого в октябрьской революции было вполне искренним — и он сыграл в ней большую роль. Но дальше — и с каждым шагом все больше — пути Троцкого и Ленина расходились. Приэтом вокруг Троцкого подбиралась и все яснее кристализовалась внутри самой ленинской партии группа одинаково с ним мыслящих, одинаково с ними переродившихся под влиянием западно-европейских условий и оторвавшихся от русских, людей. По преимуществу вокруг него группировалась не русская и не азиатская часть партии. Постепенно создалась фракция Троцкого. Эту фракцию по ее положении в партии можно определить как временно сомкнувшийся с нею отряд чистых марксистов западно-европейской складки, чистых интернационалистов и антинационалистов. Эту фракцию по ее положению в русской революции можно определить, как отряд международных кондотьери роволюционного дела. Они внесли в революцию много мужества, энергии, страсти. Но с таким же успехом они могли участвовать и в революции испанцев, индусов, готтентотов.

Для Ленина разгром русских капиталистов, борьба с международными — были только методом овладения русской народной душой и осуществления задач русской народной революции. И Ленин говорил и думал о мировой революции. Но она не была его единственной целью. Когда ее не получилось, Ленин нисколько не пал духом, но сосредоточился на русских задачах. Россия для него стояла на первом месте. Преобразованная Россия могла в дальнейшем, окрепнув, помочь преобразованию мира.

Троцкому на Россию, как таковую, было наплевать. Его Бог на небе был Маркс, на земле — западный пролетатиат, его священной целью была западная пролетарская революция. Троцкий был и есть западный империалист наизнанку: взамен культурного западного капитализма, взорвав его, он хотел иметь культурный западный пролетарский социализм. Взамен гегемонии над миром западной буржуазии — гегемонию западного пролетариата. Лицо мира должно было измениться только в том отношении, что у власти вместо буржуазии становился пролетариат. Прочая механика должна была остаться примерно прежней: то же угнетение крестьянства, та же эксплоатация колониальных народов. Словом, это была идеология, близкая идеологии западных социалистов, и разница была одна: те не имели мужества дерзать, Троцкий дерзал; те хотели только разделять власть над миром, Троцкий хотел иметь ее целиком в руках своих и избранного класса.

Россия для Троцкого была отсталой страной, с преобладанием «подлого» земледельческого населения, поэтому сама по себе на пролетарскую революцию она не была способна. Роль хвороста, разжигающего за-

падный костер, роль пушечного мяса западной пролетарской революции — вот роль России и ее народов. Гегемоном мирового революционного движения Россия не могла быть. Как только огонь революции перебросится на «передовые», «цивилизованные» страны, к ним перейдет и руководство. Россия вернется в свое прежнее положение отсталой страны, на задворки цивилизованной жизни, из полуколонии культурного капитала превратится в полуколонию культурного социализма, в поставщика сырья и пушечного мяса для него, в один из объектов западной пролетарской эксплоатации, которая неизбежно должна быть, ибо иначе нет возможности сохранить для западного рабочего его привиллегированное положение.

В самой России Троцкий стремился утвердить безраздельное господство рабочего класса, вернее, привиллегированных верхушек его. Только таким образом удастся погнать на чуждую им борьбу тупую массу деревенских рабов. Только таким образом, организовав из русского рабочего класса касту надсмотрщиков-управителей, удастся в дальнейшем подчинить русскую деревню западному паразитическому пролетариату. Отсюда враждебное отношение Троцкого к идее «рабоче-крестьянского» государства и союза, ставка на «рабочее» государство, на полное порабощение — как политическое, так и экономическое — городом деревни. Отсюда же, в дальнейшем, идея «сверхиндустриализации» России: опять не в интересах России, как таковой, но во имя быстрого создания в ней мощного рабочего класса-властителя.

Жизнь разбивала все идеи и все планы Троцкого. Революции на Западе не происходило. Наоборот, капитализм на Западе все больше «стабилизовался». В

то же самое время от русской революции все крепче начинало пахнуть мужицким, сермяжным духом. Чем дальше, тем больше русская жизнь доказывала, что далеко не все определяется пролетариатом, что он — только часть народных масс и притом не решающая часть, сколько бы об этом ни говорили демагоги. Что его роль в руках власти — роль только орудия, только моста к основным массам народа, к крестьянству, решает же судьбы страны и революции крестьянство. Поэтому «пролетарская» власть возможна только, как «рабоче-крестьянская», т. е. может быть построена только на союзе рабочих и крестьян...

Под давлением разбившей их жизни Троцкий и его группа пришли в конце концов к «ликвидаторству»: русская революция потеряла для них смысл.

Очень правильно уловил их лейт-мотив Сталин:

— Мы уже выполнили свою революционную миссию, проделав октябрьскую революцию. Теперь все зависит от международной революции, ибо без предварительной победы западного пролетариата мы не можем построить социализма, а революционеру в России, строго говоря, больше нечего делать...

— Известно, — рассказывает тот же Сталин, — что в 1923 г., накануне германской революции, часть учащейся молодежи у нас готова была бросить книги и ехать в Германию. «В России революционеру нечего делать, — говорили они, — нужно бросить книги и ехать в Германию, делать революцию».

Это было влияние троцкистских идей. Но и в Германии революции не произошло. Что осталось делать, спрашивает Сталин, нашим «ужасным революционерам»? — «Лиш одно: вертеться на холостом ходу, отдаться воле стихии и помаленьку переродиться в обыч-

ных буржуазных демократов». Ничего другого не оставалсь. И Троцкий и жалкие остатки его группы постепено стали свертывать революционные знамена вообще — и сползать к идеалу единоутробных им меньшевиков, к социал-буржуазной олигархии.

Вся система идей Троцкого, как и люди, ее отстаивавшие, были глубоко чужды и глубоко враждебны русскому народному сознанию. Русский народ в революцию осознал свою силу. И его революционные слои не хотели и не могли терпеть в своей среде выкидышей антинационально-марксистской, унижавшей его выросшую за годы революции национальную гордость мысли. Вот почему шедшая за Троцким часть европеизированной старой гвардии, несмотря на все свои заслуги на первых этапах революции, нашла резчайший отпор в народных массах — и была свалена народными слоями ленинской партии, «большевиками», «ленинцами». Шедшая было одно время за Троцким часть молодежи скоро от него отшатнулась. Лишь самые незначительные группки молодежи, по преимуществу не русской, продолжали пережевывать его идеи. Так Троцкий был отброшен от власти.

IV

Значительная часть «старой гвардии» составила так называемое «болото». Это был очень многочисленный и очень влиятельный на первых порах революции слой. К нему примкнули в процессе развития революции многочисленные слои беспринципных карьеристов, «примазавшихся», особенно, когда спала вол-

на гражданской войны и опасностей, к власти. Сюда же примыкали «старые революционеры» из других партий типа Рафеса, Лозовского, Радека, Коппа, Майского и пр., — тоже искавшие исключительно власти и выгод. Вождями болота были Зиновьев и Каменев.

Эти люди, как мы уже видели, были вообще против октября. И в дальнейшем, до самого конца своих политических дней, они не могли уверовать в октябрьскую революцию, ненавидели ее, поносили на каждом шагу.

— Октябрьский переворот он встретил с враждебным недоверием, как авантюру, заранее обреченную на неуспех, — пишет об одном из наиболее темных в рядах этих политических проходимцев, Красине, Троцкий.

И тем не менее и Красин, и Зиновьев, и Луначарский и Губельман*) и тысячи других служили режиму октябрьской революции. Они налипли на тело новой государственности, как мухи налипают на сладкий пирог. Не верили, ненавидели — и всетаки служили. Ибо ненавистная революция ненавистного народа дала им жирные куски, почетные места.

В окружении народной массы этих людей не видели никогда. Они не были ни в одном из тех мест, где строилась подлинная народная революция: ни на фронтах, ни на фабриках, ни в деревне. Они не видели ни крови, ни голода, ни вшивых, ни тифозных, — никого и ничего. Впрочем, когда некоторые из них — Зиновьев, Луначарский — попробовали появиться

*) Известен под псевдонимом Ярославский. Возглавляет борьбу с христианством в России. Секретарь ЦКК и один из руководителей ГПУ. Известен в советской литературе, как ловкий плагиатор.

в народной среде, им свистали, выгоняли вон. Если народ возмущался Троцким, то этих гиен революции он презирал и ненавидел... Они сидели, поэтому, замкнувшись, в комфортабельных квартирах и кабинетах, среди наворованных ценностей, среди своры продажных лакеев с Горьким во главе; покачивали свои ожиревшие тела на мягких рессорах дорогих автомобилей и салон-вагонов; наслаждались, как могли, среди общей нищеты и разрухи, жизнью и властью.

Словом: это были типичные представители того слоя стадных олигархов, который проникает собой, во все века, все к власти приходящие революционные партии и которого лозунгом является:

— Все из народа, все для себя!..

Революция для них постепенно стала очень выгодным делом, партия была для них вначале орудием, которым они укрепляли свою власть, потом, когда их разбили, публичным домом, где они продавались сильнейшему.

Было бы кощунством назвать этот слой революционным. Это была самая настоящая мещанская контрреволюция. Самые настоящие термидорианцы. Когда слой этот начал терять свое влияние, представители его порастряслись по обоим воинствующим революционным лагерям. Часть стала на сторону Троцкого, часть на сторону Сталина. Некоторые сели меж двух стульев, выжидая, кто победит.

Этот слой, который один момент, казалось, — это было после высылки Троцкого, — предав своих вождей, утвердился у власти за широкой спиной Сталина и грозил создать в стране подлинный «термидор», в последующие годы был смят, опрокинут, рассеян,

частью полностью выброшен за борт народными слоями партии...

...Судьба революции решалась не в кабинетах и квартирах партийных чиновников из «старой гвардии», не в столицах и городах вообще, но на фронтах гражданской войны, на широких полях земли, в дыму крестьянских восстаний, среди голода. Там представителей термидорианского болота совсем не было видно. Там редко бывали и люди типа Троцкого. Изредка только проносились они по огненной линии фронта и по развороченным полям в блестящих салон-вагонах — и не столько помогали, сколько мешали. Там были свои люди. Там вырастал слой крепких людей русской просторной земли, который именно и лег в основу ленинской партии, который именно и проделал подлинную работу революции: черную, трудную, кровавую. Эти люди в своем большинстве прежде почти никому не были известны. Часть и из них, но очень небольшая, принадлежала к партийной «старой гвардии» — к русской, подпольной ее части. Но большинство принадлежало к молодежи. Некоторые из этой молодежи тоже получили закалку еще в подпольной революционной работе, остальные же, подавляющая масса, были выращены для революции войной. Тут были выходцы из разных общественных слоев: и простые дети народа, низов, рабочей и крестьянской среды, и интеллигенты, все — вплоть до дворян, до аристократов. В результате тяжелой жизни, упорной и кровавой борьбы они все стали внутренне на одно лицо. Их души поросли звериной шерстью, покрылись мозолями — и стали непроницаемыми для праздных сантиментов и сомнений. Много, много уродства было в их душах, как много было уродства и

в сложившейся в своеобразных русских исторических условиях народной душе. Но эти люди были плоть от плоти народа. И именно такие люди были нужны стране в жестокую эпоху революции. Они походили на пионеров американского Запада. Они были пионерами новой России, которую не только хотели обратить во вторую Америку, но поставить еще выше, выше всех прочих стран, выше всего мира...

В теории они часто сбивались. Некогда было ею серьезно заниматься. И они боролись не столько за отвлеченные принципы, сколько за родную землю, за ее независимость, богатство, мощь. Они называли себя коммунистами. Но коммунизм был для них не столько целью, сколько орудием национальной борьбы. Внутри страны им разрушались фактории иностранного капитала — динамитом коммунистических идей они хотели взорвать западный империализм в его собственных твердынях. Кроме того, идеи коммунизма вносили какой то высший смысл в их борьбу. Они делали Россию носительницей огромной идеи мирового счастья, обетованной страной всех угнетенных народов, священной родиной социализма. — Совокупность их идей легла в основу своеобразного русского национал-коммунизма. Из них родилась геория социализма в одной стране и красного империализма, ставшие краеугольными камнями сталинской системы.

С такими идеями долгое время шли на борьбу, пробивались к власти народные, основные слои партии, по преимуществу ее молодое, второе поколение. За ними, тесно с ними сливаясь, шла масса еще более фанатично-русской, еще более пронизанной непримиримостью к Западу и к западным идеям и людям молодежи, рожденной уже самой революцией.

Вождем этих слоев был Сталин. Он сам был плоть от их плоти, вырос, воспитался в тех же, что они, условиях. И эти слои на своих мускулистых руках и вынесли его к власти.

...Ленин ясно различал сложившиеся в партии слои — предвидел, насколько может предвидеть будущее человек, и обострение борьбы меж ними и ее возможный исход. Борьба шла уже и при нем. Но Ленин умел держать в руках, и примирять, и использовать все слои. Он сам презирал людей болота. Но был расчетливым хозяином. В их среде было много образованных, знающих людей. Россия была бедна культурными силами. В большом хозяйстве может пригодиться всякая щепка. Вот почему он держал их. Косился он и на людей Троцкого — но и их терпел и использовал. Его симпатии были с людьми типа Сталина. Но вместе с тем он знал — они непримиримы и беспощадны. Дать власть секретаря ЦК в руки такого сильного человека, как Сталин, дать в его руки организационный аппарат, право подбирать людей — это значило дать огромный перевес националистическому, основному сейчас слою партии, это значить обречь на неизбежный разгром прочие ее слои. Это не входило в планы Ленина. Не было возможно при жизни его. Но что если он умрет, или вынужден будет отойти от работы? Ленин чувствовал себя все слабее — и с этой возможностью должен был считаться.

— Сей повар, — задумчиво говорил он о Сталине, — будет готовить только острые блюда!..

И тем не менее он решился. Была установлена но-

вая должность — генерального секретаря партии. И весной 1922 г. на эту должность был назначен Сталин. Тем самым он был намечен в наследники Ленина.

V

Вскоре, в том же 1922 г., Ленин заболел. Врачи сказали: — Надежд на выздоровление нет. Болезнь будет прогрессировать. Чудес в природе не бывает.

Силы, доселе связанные крепкой рукой Ленина, предвидя скорую развязку и неизбежный друг с другом бой, стали занимать боевые позиции.

Сталин только что стал тогда во главе партийного аппарата. Положение его было трудное. Почти все руководящие посты были заняты представителями болота, либо людьми Троцкого. Люди сталинской группы были еще по преимуществу на низах, а решала верхушка. Надо было поэтому действовать хитростью, не выдавая собственных планов, итти на блок с другими, придать себе самому вид орудия чужой воли.

Троцкий сообщает, что Сталин вначале искал соглашения с ним.

— Он пытался, видимо, сблизиться со мной. Только позже я отдал себе отчет в его попытках создать нечто вроде фамильярности отношений. Но он отталкивал меня... При каждой его попытке я делал инстинктивный шаг назад — и проходил мимо. Думаю, что в этом надо искать источников холодной, на первых порах трусливой и насквозь вероломной вражды ко мне Сталина.

Корни вражды были, конечно, гораздо глубже: в разнице мировоззрения, психологии. Но то, что Сталин попробовал вначале заключить блок именно с Троцким, вполне вероятно и понятно. Троцкий психологически, по активно-революционному складу своей натуры, был для Сталина, всетаки, гораздо более естественным союзником, чем термидорианское, контр-революционное болото. К тому же Сталин вовсе, вероятно, не думал долго итти одним путем с Троцким. Он хотел только заключить с ним временный союз, им побить болото, а затем перехитрить и уничтожить его самого.

Сталин заключил соглашение с болотом. Там с радостью приняли этот союз. Все мелкие хищники предпочитают действовать кучей. Силы, стоявшие за Сталиным, болото считало ничтожными. Но Сталин сам по себе был силой, которую вожди болота думали использовать против Троцкого, а потом, конечно, вышвырнуть.

Так возник, еще при жизни Ленина, строй олигархии — утвердилось всемогущество политбюро. Но за спиной политбюро, при невольном содействии Зиновьева и Каменева, Сталин и Молотов подбирали силы, подтягивали кверху своих людей. Зиновьев и Каменев видели в этом только усиление своего лагеря.

...Произошло чудо. Неожиданно для всех, силой гигантской своей воли, Ленин преодолел болезнь. Оправился не вполне, но мог приступить к работе. Он сразу рассмотрел все карты готовившейся игры. Понял, конечно, ее возможные последствия. И задумался.

Вероятно, этот период — меж первым и вторым заболеванием — был самым тяжелым в жизни Лени-

на. Он твердо знал уже, что дни его сочтены. Вместе с тем он знал, что сейчас еще от него многое зависит: многое он может изменить. Но в каком направлении ? . .

Речь шла о том, кому быть его наследником. Созданный им государственный строй был построен в расчете на диктатуру лица.

Зиновьева и Каменева он сразу же откинул. Откинул и Троцкого.

Дольше остановился на «молодых» . . . Пятаков. Он из нового слоя, взрощен и закален революцией. Закален и личной судьбой. Его брата замучили в гражданской войне гайдамаки. Со спины вырезали длинные полосы кожи, потом выкололи глаза, потом у живого еще начали сверлить сердце, пока не просверлили до смерти. Это и многое другое оставило много жестких зарубок на душе Пятакова. Он упорный, твердый, тяжелый человек. Но он слишком уж администратор. Слишком злоупотребляет администрированием: люди для него машины за номерами. Он не сможет повести за собой массу. Он не сможет и уловить настроений народных душ. Не годится.

Бухарин . . . Больше всех любит его Ленин. Но годится ли он хоть сколько нибудь в правители государства? — Он абстрактен, он схоласт, он и жизнь и людей рассматривает только, как отвлеченные категории, сквозь строчки книг и своих рукописей. И потом — он слишком мягок. Его мягкость — это то его свойство, за которое его так любят и не могут не любить. Недаром в шутку его зовут: мягкий воск. Но на этом воске может писать что угодно любой бес-

принципный человек, любой демагог. На самостоятельную твердую линию Бухарин не годится.

Кто же тогда?.. Остается опять один только: Сталин. Он больше всех имеет в себе данных правителя государства — и именно русского государства. Но он неизбежно приведет к расколу в партии. В силу властности своей неизбежно станет самодержцем. В душе он деспот — служащий, правда, не личным интересам, а идее, но именно поэтому особенно страшный. Что сделает он со страной?.. Он, конечно, пойдет не теми путями, что он, Ленин, не путями примирения слоев и классов в стране и примирения с Западом. Его путь — непримиримая борьба. Хуже всего то, что он деспот восточной складки, не смягченный ни одной каплей западного гуманизма. Как страшный яд, на стенках его души осела тысячелетняя традиция восточной культуры, созданной еще монгольскими властителями, складывавшейся на огромных пространствах и среди громадных человеческих масс, где отдельная человеческая личность была ничто. Годы революционной борьбы — и особенно годы гражданской войны, беспредельной власти военного диктатора на кровавом фоне фронта — только усилили в нем действие этого яда. Он любит по своему людей вообще, особенно людей своей родины, России, но человек для него ничто: его он не любит, не уважает, не ценит. Все для него только орудия. Его деспотизм может оказаться много ужаснее революционного деспотизма Кальвина и Робеспьера... Но... может быть ход истории требует именно такой силы, как Сталин, и такого строя, какой тот, по всей вероятности, создаст? Может быть, иначе России не выбиться на путь независимости и благополучия — по-

скольку не будет его самого, Ленина, умевшего сочетать твердость и смелое дерзание с гибким подходом к народным интересам и силам? Может быть, только такой тупой таран, как Сталин, и сможет пробить для России дверь в будущее? Ведь был же у Франции Робеспьер, и он оказался нужным, поскольку Франция не имела своего Кромвеля, а Наполеон пришел так поздно . . .

Ленин не нашел ясного решения в короткие дни своего возвращения к работе. Но Сталина от власти не отстранил. Решил только пойти по пути компромисса — и сознательно укрепил режим олигархии. Вместе с тем, он попытался сделать все, что был в силах за столь короткий срок, чтоб демократизовать строй государства, демократизовать и партию. Этим он думал ограничить верховную власть лица. История, однако, пошла своим ходом . . .

VI

Группа Троцкого, как ни самоуверен был ее вождь, понимала, что главной и опаснейшей для нее силой враждебного блока является Сталин. Стоило свалить Сталина — и Каменев и Зиновьев приползут мириться на животе. Понимала эта группа и то, что сейчас еще свалить Сталина легче, чем позднее. Сейчас можно еще воспользоваться авторитетом Ленина.

Вероятно, группа Троцкого улавливала те колебания, какие в отношении Сталина были у Ленина. Возможно даже, что некоторые из размышлений Ленина были в точности переданы: Троцкий имел своих аген-

тов везде, в том числе и в секретариате Ленина. Кроме того Троцкому удалось завербовать в свои ряды и настроить против Сталина простодушную и ревнивую Крупскую, жену Ленина.

И вот со стороны Троцкого — очень тонко, очень осторожно, чтобы не возбудить у Ленина подозрений — начался подкоп против Сталина.

Сталин, меж тем, все крепче захватывал в руки вожжи власти. Поскольку с ним были Зиновьев и Каменев, поскольку его союзником был Дзержинский, поскольку аппарат оргбюро был всецело в его руках через твердого и преданного ему Молотова, сделанного вторым секретарем ЦК, поскольку, наконец, и на местах он начинал постепенно все больше опираться на своих людей, — он действовал сейчас зачастую самовластно, искренне полагая, что Ленин, ценивший инициативу в людях своего окружения, это только одобрит. Но за каждым таким шагом Сталина следили люди Троцкого — и немедленно сообщали Ленину, стараясь внушить ему, что Сталин рассматривает его уже, как живой труп.

Действовали больше через Крупскую. Внушали этой недалекой женщине, что она должна держать Ленина в курсе всех дел, иначе Сталин все захватит в свои руки. Ленину меж тем становилось все хуже, и он не выходил из своей квартиры.

Крупская звонила Сталину, требуя информаций, разъяснений, все «для Ильича». Сталин, грубый по природе, возмущенный этой мелкой и придирчивой опекой, относя ее всецело на счет самой Крупской, бывал подчас с ней исключительно резок, оставлял ее запросы без ответа. Крупская тотчас бежала с жалобой к Ленину.

С другой же стороны к нему прибегали его секретари и тоже говорили:

— Сталин отказывается дать справку... У Сталина ничего нельзя добиться... Он даже не желает с нами разговаривать.

Ленин был в конце концов тоже человеком. Болезнь обострила его чувствительность. Вопрос об отношении к нему был в этот момент для него особенно болезненным. В самом деле: может быть с ним уже совсем перестали считаться ?!. Для этого властного человека, привыкшего считать себя центром всего, такая мысль была непереносима.

За несколько дней до второго удара, окончательно свалившего Ленина, Сталин тоже захворал и уехал в деревню. Этот момент группа Троцкого решила использовать для решительного шага. Использовали репрессии, которыми обрушился Сталин на грузинских коммунистов-сепаратистов, во главе с тупым и упрямым Мдивани. Это были друзья и союзники Троцкого. В то же время репрессии осуществлял Орджоникидзе. Были причастны к ним и Молотов, и Ворошилов, и Дзержинский. Таким образом, Троцкий, в случае удачи, бил не только по Сталину, но и по его ближайшим людям.

Ленину изобразили дело так, что Сталин самовластничает, рассыпает партию, обманывая его, Ленина, неверной информацией.

Ленин, находившийся на краю своих сил, раздражился невероятно. А тут ему еще подсунули несколько документов, показывавших, что Сталин подтасовывает предстоящий партийный съезд, усиленно проводя на него своих сторонников. Против кого собирает Сталин силы? Не против Ленина ли ?..

Завязав всю эту интригу через подставных лиц, Троцкий сам, чтобы иметь возможность в случае чего сыграть в полную невинность, сказался больным, лег в постель с французским романом. К нему прибежала Фотиева, ленинский секретарь и друг, тоже ущемленная Сталиным:

— Владимир Ильич, — сообщила она, — готовит против Сталина на съезде бомбу . . .

Затем Троцкому принесли записку, продиктованную Лениным:

— Я просил бы вас очень взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это находится под «преследованием» Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив . . .

От этой записки пахло уже победой над Сталиным.

Троцкий тотчас же переслал Ленину заранее подобранные материалы против Сталина. Через некоторое время другой секретарь Ленина, Гляссер, принесла Троцкому пачку рукописных материалов.

— Это от Владимира Ильича. Он хотел выступить на съезде партии против Сталина, но боится, что не сможет. Посылает поэтому вам все материалы.

. . . Новый гость в квартире Троцкого: Каменев. Он только что был у Крупской, и та сообщила:

— Владимир Ильич только что продиктовал стенографистке письмо Сталину о разрыве с ним всяких отношений.

Оказывается, бесконечно надоевшую ему своими приставаниями Крупскую, когда та вновь позвонила ему за какими то справками в деревню, Сталин жесточайшим образом, самыми последними словами изругал. Крупская немедленно, вся в слезах, побежала

жаловаться Ленину. Нервы Ленина, и без того накаленные интригой, не выдержали. Крупская поспешила отправить ленинское письмо Сталину. Копии этого письма не сохранилось. О нем известно только по рассказам. В нем Ленин писал, что грубость Сталина переходит все границы, что он ведет себя, как опьяненный властью восточный сатрап, что он недостоен быть коммунистом.

— Вы знаете ведь Владимира Ильича, — с торжеством говорила Крупская Каменеву, — он бы никогда не пошел на разрыв личных отношений, если бы не считал необходимым разгромить Сталина политически . . .

«Каменев, — описывает Троцкий, — был взволнован и бледен. Почва уплывала у него из под ног. Он не знал, с какой ноги ступить и на какую сторону повернуться».

Троцкий поспешил использовать подвернувшиеся козыри. Он постарался внушить Каменеву, что ни ему, ни Зиновьеву со стороны Троцкого опасности не грозит. В то же время он угрожал.

— Иногда, — говорил он, — из страха перед мнимой опасностью люди способны навлекать на себя опасность действительную. Имейте это в виду и передайте другим . . .

Троцкий потребовал от Каменева, чтобы тот на предстоявшей в Тифлисе партийной конференции, куда Каменев ехал в качестве представителя ЦК, выступил против линии Сталина.

Вместе с тем Троцкий решил использовать Каменева, как орудие давления на Сталина. Он дал понять, что и против Сталина он ничего предпринимать не будет.

— Я стою за сохранение status quo. Если Ленин до съезда станет на ноги, что, к несчастью, мало вероятно, то мы с ним вместе обсудим вопрос заново. Я против ликвидации Сталина . . . Но нужен крутой поворот. Кроме того необходимо, чтобы Сталин сейчас же написал Крупской письмо с извинениями за грубости, и чтобы он на деле изменил свое поведение. Пусть не зарывается. Не нужно интриг. Нужно честное сотрудничество . . .

Каменев все обещал. Немедленно отправился к Сталину. Вскоре Крупская позвонила, что она получила от Сталина письмо с извиненими. Троцкий чувствовал себя победителем . . .

Но творцы интриги, которая могла быть чреватой большими последствиями для дальнейших судеб и партии и страны, не учли одного: здоровья Ленина. Волнения последних дней так сильно повлияли на него, что он, продиктовав письмо Сталину, потерял сознание. Потом его хватил второй и последний удар. С Лениным было кончено.

Вне себя принесся в Москву Сталин. Нисколько не сдерживая своей грубости, он набросился на Крупскую, говоря, что это она доконала Ленина. Он угрожал, что обвинит ее в этом перед всей партией, что разоблачит все ее маленькие интриги. Растерянная Крупская обещала впредь не вмешиваться ни во что, обещала молчать о письме Ленина, вернула Сталину его собственное письмо.

Каменев получил еще в пути шифрованную телеграмму: Ленин в параличе, не говорит, не пишет. На грузинской конференции Каменев выступил по директивам Сталина. Блок Сталина и «болота» опять встал

против Троцкого. Последний отрезал последнюю возможность компромисса своей интригой, своими угрозами. Началась жестокая борьба.

VII

В 1924 г. Ленин умер... Но незадолго перед смертью на маленьком листке бумаги он записал свои мысли о людях, которые могли бы быть его преемниками. Эти личные характеристики были зачитаны на XIII съезде партии — и они в значительной мере предопределили исход борьбы за ленинское наследство.

Больнее всех било завещание по Троцкому, Зиновьеву и Каменеву.

Троцкий был твердо убежден, что его и никого иного Ленин наметит своим преемником. И вот... «пожалуй, самый способный из всех, но слишком самонадеян». Но это еще пустяки. Самое главное: «не большевик». Кратко, ясно — и уничтожающе. Какие могут быть после этого разговоры о преемстве? Как может «не большевик» править страной, где у власти партия большевиков?.. Ленин сухо проходил мимо Троцкого, как мимо чуждого человека.

Еще пренебрежительнее Ленин к Каменеву и Зиновьеву. Мимоходом говорит он: «Я не буду дальше характеризовать других членов ЦК по их личным качествам. Напомню только, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не является случайностью, но что он так же мало может быть ставим им в вину лично, как небольшевизм Троцкому». И все. И точка, прекращающая все разговоры.

Положение Сталина было гораздо выгоднее. Ибо о Сталине в завещании говорилось следующее:

— Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лойялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризен и т. д.».

В этой характеристике не было ни слова о политической неподходящести Сталина. Наоборот. Ленин предлагал наметить на его место человека, который, если исключить грубость, «во всех других отношениях», т. е. именно политически, имел бы свойства Сталина. Но такого человека не было. Ленин его не наметил. Прочих же людей верхушки Ленин сам отвел, как непригодных правителей, как не могущих заменить Сталина. Таким образом вопрос стоял так:

— Есть ли кем сейчас заменить Сталина?

Ответ в тот момент был ясен:

— Нет.

Тогда стал вопрос:

— Можно ли примириться с грубостью Сталина, если он во всех других отношениях подходящ?

Сторонники Зиновьева и Каменева видели в Сталине союзника. Им незачем было выступать против него. Людям, которые шли за Сталиным, тем более не было оснований его сваливать. Да и что значит грубость? — Они сами привыкли еще к большей. Поэтому, когда Сталин выступил и сказал:

— Сам знаю, что груб и резок... Но что же тут сделаешь. Таким родился.

То они ему только апплодировали.

Грубость Сталина в тот момент била только по сторонникам Троцкого. Но именно Троцкому было невыгодно давать бой на почве завещания Ленина. Даже в том случае, если б он мог тогда свалить Сталина, он сам не мог сразу стать властителем страны. Нужна была более глубокая игра. Нужно было пока что скрыть от масс, от широких слоев партии, от активных частей населения завещание Ленина. А затем надо было сделать, чтобы с течением времени завещание это потеряло вес. Для этого надо было исподваль подорвать авторитет Ленина и заменить его своим собственным. Троцкий и становится на этот путь. Начинает оттачивать свое перо, чтобы выступить в дальнейшем с ревизией и фальсификацией ленинизма и истории революции. Чтобы показать, что не он, Троцкий, шел за Лениным, а наоборот, что большевизм был всегда ошибкой, и что Ленин стал побеждать, только отрекшись от большевизма, пойдя по дороге троцкизма. После этого становилось не страшным обвинение в «небольшевизме». Эта тактика окончательно погубила Троцкого. В дальнейшем Сталин блестяще использовал его самонадеянную ошибку. Он изобразил его не как собственного соперника и врага, но как врага Ленина. Он опубликовал ряд документов из дореволюционных еще времен, в которых Троцкий резчайшим образом против Ленина выступал. Он постарался доказать — и доказал, что Троцкий всегда был враждебен Ленину и большевизму, и что нынешняя его борьба лишь новое и естественное проявление этой враждебности.

— Оппозиция, — говорил он в 1927 г. когда решался вопрос об исключении Троцкого и Зиновьева из ЦК партии, — думает «объяснить» свое поражение личным моментом, грубостью Сталина, неуступчивостью Бухарина и Рыкова и т. д. Слишком дешевое объяснение! Это знахарство, а не объяснение. Троцкий ведет борьбу с ленинизмом с 1904 года. За период с 1904 года до февральской революции 1917 года Троцкий вертелся все время вокруг да около меньшевиков, ведя отчаянную борьбу против партии Ленина. Почему? Может быть, виновата здесь грубость Сталина? Но Сталин не был еще тогда секретарем ЦК, он обретался тогда вдали от заграницы, ведя работу в подполье, а борьба меж Троцким и Лениным разыгрывалась заграницей — причем же тут грубость Сталина? За период от октябрьской революции до 1922 года, Троцкий, находясь уже в партии большевиков, успел произвести две грандиозных вылазки против Ленина и его партии: в 1918 г. — по вопросу о Брестском мире и в 1921 г. — по вопросу о профсоюзах. Обе эти вылазки кончились поражением Троцкого. Почему? Может быть, тут виновата грубость Сталина? — Но Сталин не был еще тогда секретарем ЦК, на секретарских постах стояли тогда всем известные троцкисты*), — причем же тут грубость Сталина? В дальнейшем партия имела целый ряд новых вылазок со стороны Троцкого, причем каждая вылазка оканчивалась новым поражением его ... Не ясно ли из всего, что борьба Троцкого против ленинской партии имеет далеко идущие, глубокие исторические корни? Не ясно ли из этого, что нынешняя борьба партии против троцкизма есть продолжение той борьбы, которую

*) Сталин имеет в виду Крестинского и Серебрякова.

партия вела во главе с Лениным с 1904 года? Не ясно ли из всего этого, что попытки троцкистов подменить ленинизм троцкизмом являются основной причиной провала и банкротства всей линии оппозиции? ..

И «завещание» Ленина Сталин тогда же крайне удачно использовал против Троцкого:

— Оппозиция думает козырять «завещанием» Ленина. Но стоит только прочесть это «завещание», чтобы понять, что козырять им нечем. Наоборот, «завещание» Ленина убивает нынешних лидеров оппозиции. В самом деле, это факт, что Ленин в своем «завещании» обвиняет Троцкого в «небольшевизме», а насчет ошибки Каменева и Зиновьева во время октября говорит, что эта ошибка не является случайностью. Что это значит? А это значит, что политически нельзя доверять ни Троцкому, который страдает «небольшевизмом», ни Каменеву и Зиновьеву, ошибки которых не являются «случайностью» и которые могут и должны повториться. Характерно, что ни одного слова, ни одного намека нет в «завещании» насчет ошибок Сталина. Говорится там только о грубости Сталина. Но грубость не есть и не может быть недостатком политической линии или позиции Сталина.

Цинично — но метко!

...Сталин в 1924 г. остался на своем посту. Вот как он сам рассказывает об этом:

— Я на первом же заседании пленума ЦК после XIII съезда просил освободить меня от обязанностей генсека. Съезд сам обсуждал этот вопрос. Каждая делегация обсуждала этот вопрос, и все делегации единогласно, в том числе и Троцкий, Каменев, Зиновьев, обязали Сталина остаться на своем посту... Через

год после этого я вновь подал заявление пленуму об освобождении, но меня вновь обязали остаться...

«Завещание» было скрыто от широкой партийной массы и от населения. А когда слухи о нем проникли заграницу, то никто иной, как Троцкий выступил в печати с заявлением:

— Никакого «завещания» Владимир Ильич не оставлял... Под видом «завещания» в эмигрантской и иностранной буржуазной и меньшевистской печати упоминается обычно (в искаженном до неузнаваемости виде) одно из писем Владимира Ильича, заключавшее в себе советы организационного порядка. XIII съезд партии внимательнейшим образом отнесся к этому письму, как ко всем другим, и сделал из него выводы применительно к условиям и обстоятельствам момента. Всякие разговоры о скрытом или нарушенном «завещании» представляют собой злостный вымысел и целиком направлены против фактической воли Владимира Ильича и интересов созданной им партии...

Так писал Троцкий в сентябре 1925 г. Но любопытно, что потом он сам заговорил и о «скрытии» и «нарушении» завещания, и, наконец, уже заграницей, сделал поразительнейшее сообщение: «Бесспорная цель завещания — облегчить мне руководящую работу»...

VIII

...Сталин не терял времени. Одержав формальную победу, которая на некоторое время закрепляла в его руках власть, он стал с лихорадочной быстротой

осваивать партию и переделывать партийный аппарат: только это могло дать ему окончательную победу. Кроме Молотова, Дзержинского и Орджоникидзе, его ближайшими помощниками в этой работе были Бубнов и Андреев.

«От кустарничества, — пишет Бубнов, тогдашний третий секретарь ЦК, а теперь сталинский нарком просвещения, — необходимо было перейти к организованному учету партийных сил, систематическому изучению и правильному распределению в строгом соответствии с потребностями переживаемого периода. В результате громадной работы, которая проходила под руководством Сталина, законченную организованную структуру получил партийный аппарат руководящих органов и были произведены организационные изменения в построении низового партийного аппарата на основе укрепления принципа демократического централизма».

Это — чисто-оффициальная, потому неясная и неполная характеристика той, действительно, громадной перестройки, которую произвел Сталин в партийном аппарате. Эта перестройка на сегодняшний день выразилась в том, что Сталин, сведя постепенно на нет все зачатки советского демократизма, создавшиеся было в последние ленинские годы, довел до крайнего выражения самодержавие партии в стране. И совнарком, и отдельные наркоматы, и правительства республик на местах, и крупнейшие советы — все это потеряло свое прежнее значение, обратилось в подсобные, чисто технические учреждения, в канцелярии, в консультативные и исполнительные органы партии. Сам аппарат партии был значительно расширен; в нем создавались деловые ячейки по всем отраслям государ-

ственного управления, которые и стали направлять и контролировать все действия советских органов.

В то же время в самой партии централизация была доведена тоже до крайних своих выражений, вся партийная сеть была переустроена и переукомплектована так, что полностью обеспечивалось сначала самодержавие коллегии олигархов — политбюро —, в дальнейшем самодержавие лица, диктатора, Сталина. Выборность партийных чиновников, довольно широко осуществлявшаяся прежде на местах, уступила место назначению из центра. Это делало партийных чиновников целиком от центра зависимыми. Для того, чтобы еще больше держать их в руках, в партийном аппарате была установлена система сыска за всеми через органы самой партии — ее контрольные комиссии, — а затем и через органы ГПУ — государственной полиции. Все подбиралось — малейший скользкий шаг, малейшая ошибка, ничтожнейшие штрихи личной жизни, — все складывалось в архивах партийных органов, в случае надобности вытаскивалось наружу, грозило уничтожить человека. А так как в тяжелых условиях советской жизни безгрешных людей не было, и так как было невероятно легко «припаять» любой проступок любому человеку, даже поступок несовершенный — во лжесвидетелях никогда недостатка не было, а шпионить постепенно стали все, вплоть до ближайших друзей, вплоть до жен и детей, — то все сверху до низу оказались в полной зависимости от партийных верхов. Достаточно было одного жеста — сначала кого либо из олигархов, потом верховного диктатора или кого либо из его ближних — и любой человек мог скатиться в грязь, в небытие политическое, в небытие гражданское, стать даже лицом к лицу с дулом нагана.

Кому уже никак нельзя было «припаять» действий — приписывали слова, уклоны мысли. «Материалы» на высших сановников, на ближайшихему лиц, хранил в несгораемом шкафу сам диктатор. При надобности он вытаскивал их — и угрожал. Так постепенно партийный режим превратился в партийный зажим. Партии, как более-менее свободного коллектива, не стало. Партия превратилась в огромный бюрократический аппарат, который, как чудовищный спрут, раскинул свои щупальцы по всей стране — и каждое движение которого направлялось из одного только места — из кабинета диктатора на Новой площади. «Режим, установившийся внутри партии, — писали еще в 23 году Пятаков, Преображенский, Серебряков и др., совершенно нестерпим. Он убивает самодеятельность партии, подменяя партию подобранным чиновничьим аппаратом». В этом было много правды.

Не только съезды советов обратились в чисто декоративные собрания послушно голосующих чиновников — такими же декорациями на здании диктатуры являлись и съезды партии, и ее конференции, и пленумы ЦК. Они послушно штамповали то, что предлагала им верховная власть.

И в то же самое время власть — как это ни странно — не отдалилась, но приблизилась к народным массам в известной их части. В самую партию были вовлечены большие массы новых членов: один за другим объявлялись наборы в партию «рабочих от станка», их принимали в нее десятками и сотнями тысяч*).

*) Вот цифры последнего времени. На 1 апреля 1930 г. коммунистическая партия в России насчитывала 1 852 090 членов. С 28 по 30 г. в партию было принято 602 670 рабочих. В 28 г. в партии было 58,4% рабочих; в 1931 г. рабочее ядро

И это не ослабляло, но усиливало диктаторскую верхушку. Троцкий в свое время презрительно называл тысячи тысяч новых людей народной массы «голосующей скотинкой». Частично это верно: эта маса почти слепо шла за Сталиным и близкими ему людьми и в море ее голосов тонули голоса троцкистской и болотной интеллигенции. Но почему эта масса шла именно за Сталиным и его людьми? Была ими куплена? — Нет. Покупали в большинстве голоса именно троцкистской и болотной интеллигенции. Там продажность процветала — и ею Сталин широко пользовался. Но все увеличивавшаяся масса народных членов партии шла за сталинской группой главным образом потому, что находила в ней, в ее стремлениях, в ее идеях, в самой психологии людей, ее составлявших, что то близкое и родственное себе. Она ощущала, что Сталин и его люди не просто играют в политику, не просто ищут власти, ради нее самой, ради выгод, какие она дает, но искренне стремятся что то дать народу.

И эти широкие массы нового партийного материала, сочетавшись с народным же по своему происхождению и по своим устремлениям руководством, выполняли для него громаднейшую службу: они тысячами нитей связывали партию, вернее, сталинскую ее группу, с народными массами, которые они представляли, служили в этой массе проводниками и идеологии и действий сталинизма. Поэтому диктатура Сталина

составило 68,2%. Комсомол насчитывал в 1930 г. 2 466 000 членов. С 28 по 30 г. пришло новых 529 150. Сейчас к комсомоле 3 миллиона. Рабочих в комсомоле (1930 г.) 858 798 (34,8%), крестьян 329 602 (13,4%). Имеет большое значение тесно связанная с партией детская пионерская организация. В 1928 г. в ней 1 653 701, в 1910 — 3 301 458 детей.

была, а во многих отношениях остается еще и сейчас, во многих отношениях народной диктатурой. Во всяком случае она была, отчасти есть еще и сейчас, властью, гораздо более связанной с народными массами, чем любая так называемая «демократия». И над этим надо задуматься.

— Наши товарищи, — говорит как то Сталин, — иногда не замечают, что вокруг наших партийных, советских, культурных, профессиональных, просветительных, комсомольских, армейских, женотдельских и всяких иных организаций копошатся целые муравейники самочинных организаций, комиссий и совещаний, охватывающих миллионные массы беспартийных рабочих и крестьян, муравейников, создающих в своей повседневной, незаметной, кропотливой, нешумливой работе основу и жизнь советов, источники силы советского государства*).

В этом большая правда. В этом — и не только в штыках — сила сталинского строя.

Огромнейшую, активнейшую роль играли и играют организации молодежи, на которые никто так не сумел опереться, как Сталин**). И это опять дока-

---

*) Профессиональные союзы, являющиеся верными проводниками политики сталинской партии в массах, в 1930 г. объединяли 11 585 300 членов. Надо, однако, заметить, что все-таки 20% всех рабочих оставались вне профсоюзов, а горняки, напр., были ими охвачены только на 75%. — Делегатскими собраниями работниц охвачено 107 000 «активисток». В Осоавиохим входит 5 100 тысяч членов. Союз безбожников 2 500 тыс. членов. Рабкоров — 532 тысячи.

**) Любопытны данные, приведенные Кагановичем на XVI съезде партии (1930 г.): средний возраст советского индустриального рабочего — 30-32 года. 25% индустриальных рабочих в возрасте до 22 лет.

зывает, что что то от народной души Сталин представляет, на каких то струнах ее до сих пор даже умеет играть.

IX

Опираясь на партийный аппарат, опираясь на шедший за ним тогда почти целиком слой народных революционеров, опираясь на шедшую за ними часть народной массы, опираясь на большую часть активной молодежи, — играя на высоких и низменных инстинктах всех слоев партии, обольщая успехами революции одних, ударяя по национализму других, покупая третьих местами, почестями, выдвижением, угрожая, ломая хребты, сажая в тюрьмы, расстреливая, убивая исподтишка, — Сталин победил в борьбе со всеми противниками из «старой гвардии».

Около четырех лет длилась борьба с Троцким. Она была нелегка. И партийный аппарат не имел еще сегодняшней организации, не был так послушен. И сам Сталин не имел того непререкаемого авторитета, что он в дальнейшем приобрел. Опираться наверху ему приходилось тогда по преимуществу на людей болота: опора шаткая, ненадежная. К тому же вожди болота, Зиновьев и Каменев, думали, естественно, не столько об интересах Сталина, сколько о своих собственных. Они думали перехитрить его. Но Сталин недаром прошел трудную школу заговорщика, конспиратора. Сталин недаром родился на Востоке, от отца-грузина, от осетинки-матери. Перехитрил он. Вначале он заставил Зиновьева и Каменева резчайшим образом выступить против Троцкого.

В 1925 г. Зиновьев писал:

— Кто говорит, что троцкизм может стать «законным оттенком» в большевистской партии, тот сам перестает быть большевиком. Кто хочет теперь строить партию в союзе с Троцким, в сотрудничестве с тем троцкизмом, который откровенно выступает против большевизма, тот отступает от основ ленинизма...

— Троцкий стал уже в стране символом для всего, что направлено против нашей партии, — писал в том же 1925 г. Каменев. — Мы должны принять все меры, чтобы охранить от заразы этого небольшевистского учения те слои партии, на которые оно расчитывает... Надо выбрать между троцкизмом и ленинизмом... Нельзя сочетать того и другого...

А вскоре Сталин тонко построенной интригой привел к тому, что потерявшие почву Зиновьев и Каменев, лишенные всей почти армии своих приверженцев, которая перекочевала к Сталину, почуяв в нем грядущего победителя, бросились в объятия Троцкого, заключили с ним блок. Тогда Сталин вытащил из архивов все, что они писали, и публично задал вопрос:

— Хватит ли у Каменева и Зиновьева смелости повторить теперь эти слова? Если они готовы их повторить, почему они находятся теперь в блоке с Троцким? Если они не решаются их повторить, то не ясно ли, что они отошли от ленинизма и перешли на сторону троцкизма.

В результате Сталин почти одновременно разбил не только Троцкого, но и Каменева и Зиновьева — и положил конец олигархии болота, в которой сам вынужден был так долго барахтаться. Троцкий был при презрительном и злорадном молчании страны отправлен сначала в ссылку, потом заграницу. Каменев и

Зиновьев скоро «покаялись», приползли обратно в партию, но власти уже не получили, а только сытный кусок, при условии — сидеть тихо и изредка помогать Сталину. Каменев был впоследствии использован Сталиным для провокации Бухарина на откровенные заявления, которые, будучи немедленно переданы Каменевым Сталину, послужили большим козырем последнего в борьбе с «правой оппозицией».

Борьба Сталина с правой оппозицией, с Рыковым, Томским, Бухариным, вчерашними его союзниками, которые, в конце концов, стали тоже связывать его, мешали утверждению полного, неограниченного его самодержавия, мешали полному проведению взятого им курса на полное порабощение страны и перенапряжение ее сил для осуществления его планов, была значительно легче. Вожди правой оппозиции были слишком слабыми людьми — и не сумели использовать той атмосферы сочувствия и поддержки, какая создалась вокруг их имен в стране. Они боролись, подобно Троцкому, словами, речами, резолюциями, и даже более, надо сказать, слабыми. Единственным же аргументом в той обстановке, какая создалась к тому времени в Москве, был вооруженный кулак. Единственным путем: политический заговор и переворот ... Сталин не рискнул выбросить вождей правой оппозиции из партии. За ними стояли еще слишком сильные слои. Они имели слишком глубокие корни в партии и стране. Но он их заставил публично покаяться, высечь себя самих, отстранил их от власти, посадил на нейтральные места. Бухарин сейчас ведает советской наукой, а Рыков — народный комиссар почт и телеграфов.

Любопытно, между прочим, что когда в свое вре-

мя троцкистско-зиновьевский блок резчайшим образом выступал против Бухарина, то Сталин говорил:

— Чем объяснить, что, несмотря ни на что, все еще продолжается разнузданная травля Бухарина? Чего, собственно, хотят от Бухарина? — Они требуют крови Бухарина. Именно этого требует Зиновьев... Крови Бухарина требуете? — Не дадим вам его крови, так и знайте...

И рассказывая дальше о планах троцкистов, которые в 1923 году предлагали Сталину уничтожить политбюро и на его место поставить «политизированный секретариат» в составе Зиновьева, Троцкого и Сталина, т. е. диктаторскую тройку*), Сталин говорил:

— Что это значит? Это значит руководить партией без Рыкова, без Калинина, без Томского, без Молотова, без Бухарина... Из этой платформы ни-

*) Между прочим, в 1925 г. Каменев, чтобы ослабить все возраставшее влияние Сталина в партийном аппарате, выдвинул обратный проект: «техницизирования Секретариата ЦК», т. е. лишения секретарей (Сталина, Молотова и Андреева) их слагавшегося полновластия и подчинения их во всех шагах Политбюро. Тогда Сталин, возражая, говорил: «Когда говорят о полновластном Политбюро, то такая платформа стоит того, чтобы отдать ее курам на смех. Разве Политбюро не полновластно? Разве Секретариат и Оргбюро не подчинены Политбюро? А пленум ЦК? Почему о пленуме ЦК не говорит наша оппозиция? Не думает ли она сделать Политбюро полновластнее пленума?.. Органы ЦК останутся в том же виде, в каком они существуют... Политбюро и так полновластно, оно выше всех органов ЦК, кроме пленума...»

Говоря это, Сталин знал, что Политбюро не полновластно уже — и не будет таковым уже никогда. Подчеркивая полновластие пленума ЦК, где в большинстве были его приверженцы, он бил этим олигархов Политбюро и впервые подчеркивал свое фактическое самовластие.

чего не вышло не только потому, что она была в то время беспринципной, но и потому, что без указанных мною товарищей руководить партией невозможно. На вопрос, заданный мне в письменной форме из недр Кисловодска, я ответил отрицательно, заявив, что если товарищи настаивают, я готов очистить место без шума, без дискуссии, открытой или скрытой, и без требования гарантии прав меньшинства . . .

Но Сталин остался. Мало того. С лета 1930 г., с XVI съезда партии, он стал неограниченным самодержцем советской страны. Он предпочел ни с кем не делить власть. Диктатуре политбюро, диктатуре «тройки» он предпочел свою единоличную диктатуру. Он сам поднял и поощрял разнузданную травлю Бухарина. Сам начал требовать его крови. И руководит сейчас партией без Рыкова, без Томского, без Бухарина и даже без Молотова, потому что Молотов, с назначением его председателем Совнаркома, освобожден от поста секретаря партии . . .

Еще один штрих. Было время, когда Зиновьев и Каменев торопили с расправой над Троцким. Они требовали его снятия с поста члена политбюро. Они требовали, повидимому, и чего то большего. Сталин, более осторожный, понимал, что время для этого еще не пришло, что Троцкий недостаточно еще скомпрометирован в глазах партийных масс, и такой шаг поэтому будет рассматриваться только как личная интрига. Он предлагал ограничиться только снятием Троцкого с поста наркомвоенмора. Рассказывая об этом в 1925 г., на XIV съезде партии, он говорил:

— Мы не согласились с тт. Зиновьевым и Каменевым потому, что знали, что политика отсечения чревата большими опасностями для партии, что метод от-

сечения, метод пускания крови — а они требовали крови — опасен, заразителен: сегодня одного отсекли, завтра другого, послезавтра третьего, — что же у нас останется от партии? ..

Но пришло время — и сам Сталин стал отсекать одного за другим представителей «старой гвардии». Расправившись с троцкистско-зиновьевским блоком, расправившись с правыми — он одновременно разбил и рассеял всю почти «старую гвардию». Сейчас на верхушке ее представителей почти нет. Нынешние правящие круги в подавляющем большинстве принадлежат к слоям и к поколению, вынесшему Сталина к власти — и, в свою очередь, им к власти приведенному: ко «второму», молодому поколению партии (30-40 лет). За ним идет и крепко вростает во власть «третье» поколение, молодежь.

X

Сталинская система идей несложна — но в этом ее сила: она доступна самому примитивному пониманию. В основе всего у Сталина и сейчас, как и много лет назад, лежит ленинская теория империализма, «как кануна социалистической революции». Из нее Сталин выводит идею русского, вернее, русско-азиатского, совокупности русско-азиатских народов, объединенных в советский союз, мессианизма. А из этого, в свою очередь, естественно возникает идея «красного», «пролетарского», вернее же — русско-азиатского империализма.

— Мир раскололся на два лагеря: на лагерь империализма и на лагерь борьбы против империализма.

— Во главе недовольных и борющихся на смерть с империализмом становится наша страна, советский союз.

Вот та простая формулировка, которую дает совокупности своих идей Сталин. Здесь альфа и омега всего. Прочее — коммунизм, социализм — является придатком, орудием, формой, может меняться, в зависимости от потребности. Но основная идея — борьба с империализмом, разгром его, — остается неизменной.

«Превращение капитализма во всемирную систему финансового порабощения и колониального угнетения горстью «передовых» стран гигантского большинства населения земли, — пишет Сталин, — с одной стороны, превратило отдельные национальные хозяйства и национальные территории в звенья единой цепи, называемой мировым хозяйством, с другой стороны, — раскололо население земного шара на два лагеря: на горсть «передовых» капиталистических стран, эксплоатирующих и угнетающих обширные колониальные и зависимые страны, и на громадное большинство колониальных и зависимых стран, вынужденных вести борьбу за освобождение от империалистического гнета».

Западный капитализм сам разрушает тысячелетнюю аграрную обособленность — и вытекающую из нее слабость — внеисторических наций. Он вовлекает их в капиталистический оборот. Он обстраивает их фабриками, заводами, железными дорогами, всем, что дает современная техника. Тем самым он вкладывает в их руки средства к освобождению. И отсталые нации начинают выдвигать перед собой те же самые

цели, которые когда то манили и европейские народы: создание единого национального государства, как орудия экономической и политической свободы, создание в рамках этого государства собственной промышленности, которая могла бы конкуррировать с европейской... Война усилила, ускорила этот процесс. Не говоря о том, что она заставила западный империализм быстрее строить национальную промышленность в колониальных и зависимых странах,—она заставила его призвать под ружье часть народов Африки и Азии. И когда эти народы научились сами изготовлять все те «чудеса техники», какие до сих пор изготовляли только люди Запада, когда они научились убивать людей Запада под их же собственным руководством, и увидали, что это вовсе не так трудно, и усвоили себе западную технику истребления людей, — у них потерялось то чувство рабства по инерции, тот взгляд на пришельцев с Запада, как на высшую расу, которые вчера еще их сковывали. Но ненависть к людям Запада, свойственная всем колониальным народам, от этого у них не уменьшилась. Почему же, вооружившись западной техникой, в том числе и техникой массового убийства, им не начать сбрасывать людей Запада в те моря, из за которых они пришли, не пойти самим на них походом, чтобы завершить дело своего от них освобождения их разгромом?.. Сталин считает, что объединение пробуждающихся к национальной независимости колониальных и зависимых народов для «последнего и решительного боя» с Западом — вещь вполне осуществимая.

У пробуждающихся национальностей есть большой союзник на Западе: это западный пролетариат. Правда, империализм обеспечил себе в своих метрополиях

поддержку известной части пролетариата. Он создал в его среде привиллегированную прослойку, которая тоже принадлежит к числу «паразитов» сегодняшнего мира, и тоже живет за счет эксплоатации населения «нецивилизованных» стран, а отчасти за счет эксплоатации прочих слоев пролетариата и крестьянства в собственных странах. Но привиллегированная прослойка незначительна. Большая часть пролетариата метрополий живет в нищете. Правда, и эта нищета была бы роскошью для рабов колониальных стран, ибо весь вообще жизненный уровень западного пролетариата и всего населения Запада во много раз выше уровня колониальных стран, и это повышение достигается за счет выжимания сока из последних. Но если часть колоний отпадет, рынки сократятся, а это происходит уже и сейчас, в связи с ростом национальной промышленности зависимых стран и с ростом революционного движения в них, тогда широкая масса пролетариата метрополий будет все в большей степени лишаться и нынешнего скудного куска хлеба, в конце концов, кусок этот понизится до совершенно недостаточных, «колониальных» размеров, — и тогда неизбежна пролетарская революция в «передовых» странах. Произойдет коалиция этой революции с национально-освободительным движением «отсталых» стран — и в результате нашествия новых варваров и внутренней гражданской войны, гордый Рим современности, империалистический Запад падет.

— Империализм, — говорит Сталин, — привел не только к тому, что революция стала практической неизбежностью, но и к тому, что создались благоприятные условия для прямого штурма твердынь капитализма.

Но, спрашивает сам же Сталин, причем же тут Россия? ..

— Россия, — говорит Сталин, — была узловым пунктом противоречий империализма... Противоречия эти легче всего вскрывались именно в России, в виду особо безобразного и нестерпимого их характера... Россия была важнейшей опорой западного империализма, соединяющей финансовый капитал Запада с колониями Востока... Только в России существовала реальная сила, могущая разрешить противоречия империализма революционным путем.

— В России подымалась величайшая народная революция, во главе которой стоял революционнейший в мире пролетариат, имевший в своем распоряжении такого серьезного союзника, как революционное крестьянство России. Нужно ли доказывать, что такая революция не могла остановиться на полдороге, что она в случае успеха должна была пойти дальше, подняв знамя восстания против империализма? ..

Сталин и не доказывает — он попросту утверждает, что революционная Россия должна стать организатором и вождем мирового восстания против западного империализма: гегемоном коалиции национально-освободительного движения Востока и пролетарской революции Запада.

Как будет выглядеть мир, если эта коалиция победит? — Об этом Сталин тоже говорит, хотя и достаточно неясно: это будет единое безгосударственное социалистическое общество, в котором все национальные культуры сольются в одну, и будет один только единый для всех язык.

Но на пути к этому безгосударственному обществу, говорит Сталин, «мы стоим за усиление диктату-

ры пролетариата, представляющей самую мощную и самую могучую власть их всех существовавших до сих пор государственных властей. Высшее развитие государственной власти — в целях подготовки отмирания государственной власти — вот марксистская формула». Так как образец «диктатуры пролетариата» — «самой мощной и самой могучей власти» — уже есть, уже создан, это сталинская власть, — так как диктатура эта в «высшем своем развитии» будет строиться, очевидно, по давнему рецепту Сталина, — путем присоединения советско-русским штыком к советско-русской «конфедерации» — то будущее европейских народов, еслиб планы эти осуществились, не трудно провидеть, во всяком случае на переходный от «высшей государственности» к безгосударственности период. Присоединяемым к «диктатуре пролетариата» народам Сталин обещает, впрочем, на переходное время «расцвет их национальных культур» и «право на их язык». Но с теми же ограничениями, которые сейчас ставятся народам России: будут сурово подавляться всякие стремления «обособиться и замкнуться в рамках своей национальной скорлупы, затушевать классовые противоречия внутри своей нации, защититься от великорусского шовинизма путем отхода от общего потока социалистического строительства, не видеть того, что сближает и объединяет трудящиеся массы национальностей СССР, видеть лишь то, что их может отдалить друг от друга» ...

Таковы «большие планы» Сталина. Пока что это мечты — не выходящие из рамок нынешнего советского государства, голов его властителей, их речей на партийных и прочих съездах. Но этими мечтами внутри самой России многое определяется.

XI

Для того, чтобы иметь возможность не только противостоять Западу в его предполагаемых «интервенциях», но и победить его, нужно многое. Политически и идейно Россия, по мнению Сталина, и сейчас уже выше Запада. Но нужно догнать и перегнать Запад экономически. Отсюда стремление к быстрейшему преодолению русской экономической и технической отсталости. Отсюда индустриализация страны — создание собственной продукции средств производства. Отсюда коллективизациая сельского хозяйства. Отсюда все большее усиление режима насилия в стране . . .

— Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут.

Так говорит Сталин.

— Технико-экономическая отсталость нашей страны не нами выдумана. Эта отсталость есть вековая отсталость, переданная нам в наследство всей историей нашей страны.

Но, говорят многие в стране, в том числе и в кругах правящей партии, преодоление технико-экономической отсталости — вещь сама по себе хорошая и никем не оспариваемая. Но его можно вести и более спокойным темпом, а не тем бешеным, каким оно ведется сейчас, когда силы страны перенапрягаются и все, вплоть до существования самой власти, ставится на карту . . .

— Иногда, — рассказывает Сталин, — спрашивают, нельзя ли несколько замедлить темпы, придержать движение? — Нет, нельзя, товарищи! Нельзя

снижать темпы! Наоборот, по мере сил и возможностей надо их увеличивать . . .

И он пытается объяснить почему. Вопрос, по его словам, идет «о жизни или смерти». Советская страна — «единственная страна пролетарской диктатуры, окруженная капиталистическими странами». И западный капитализм длительной передышки советскому государству не даст. Нужно пользоваться моментом.

— В прошлом, — патетически говорит Сталин, — у нас не было и не могло быть отечества. Но теперь, когда власть у нас рабочая, у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость. Хотите ли, чтобы наше социалистическое отечество было бито и чтобы оно утеряло свою независимость? Но если вы этого не хотите, вы должны в кратчайший срок ликвидировать его отсталость и развить настоящие большевистские темпы в деле развития его хозяйства. Других путей нет. Вот почему Ленин говорил во время октября: «либо смерть, либо догнать и перегнать капиталистические страны».

— Задержать темпы — это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим! История старой России заключалась в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беи. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за осталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельско-хозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно. Помните слова дореволюционного поэта: «Ты и убогая, ты и обильная,

ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь». Эти слова старого поэта хорошо заучили эти господа. Они били и приговаривали: «ты обильная» — стало быть можно поживиться. Они били и приговаривали: «ты убогая и бессильная» — стало быть, можно бить и грабить безнаказанно. Таков уж закон капитализма — бить отсталых и слабых. Волчий закон капитализма. Ты отстал, ты слаб — значит, ты неправ, стало быть, тебя можно бить и порабощать. Ты могуч — значит, ты прав, стало быть, тебя надо остерегаться ... Вот почему нельзя нам больше отставать! ..

Этот национал-коммунистический ход мыслей безукоризненно-правилен, если стать на точку зрения Сталина, и говорить не о независимости России вообще, но о независимости России сталинской, национал-коммунистической. Чисто-национальная власть в России сумела бы и без сегодняшнего бешеного напряжения всех народных сил обеспечить право своей страны на независимое развитие: революция дала для этого достаточно предпосылок. Это право могло бы быть осуществлено национальной властью не на почве ожесточенной экономической и вооруженной борьбы с Западом, но, наоборот, на почве примирения и соглашения с ним. Именно с Запада могли бы придти недостающие России для резкого экономического подъема, для реального осуществления в интересах русской нации планов индустриализации средства*).

Но иначе обстоит дело с властью национал-коммунистической, сталинской. На полное примирение и соглашение с Западом она неспособна. Это исключается всей концепцией сталинской мысли. Сталинская

*) Это, между прочим, мысль и план Ленина.

Россия и Запад — два разных и два борющихся мира. И дело не в военной интервенции с Запада, в которую и сам Сталин, конечно, не верит. Не этим путем Запад может его победить, но экономически и политически — своими основными идеями — внутри самой страны. Все дело в том, что индустриализация нужна Сталину не столько для обеспечения независимости России, как таковой, сколько для сохранения за собой власти и для осуществления своих империалистических планов*). Здание сталинской диктатуры может держаться и осуществлять свои планы, только полностью монополизировав в своих руках и политическую и экономическую власть в стране. Политическая власть давно уже в руках Сталина. Но полной экономической власти в его руках до сих пор еще нет. Она возможна только на базе охватывающего всю без исключения экономическую жизнь страны монополистического государственного капитализма. Но пока что этого нет. А когда Сталин начал свою индустриализацию — и подавно не было. Промышленность была слаба, всех потребностей населения не удовлетворяла. Уже это одно открывало возможность влияния Запада. Но самое главное: существовало и окрепало собственническое крестьянство. Здесь лежала главная опасность. Окрепши, крестьянство могло поставить вверх ногами положение дел в стране: не само быть «регулируемым» сталинской властью, но самому начать регулировать ее, что оно не однажды уже и пыталось делать, пряча хлеб, основу жизни страны. Это были слабые попытки. Но со временем они могли

*) В рассуждениях Сталина существенно: отечество у нас есть только когда и пока в нем «наша» власть, «рабочая», сталинская.

стать настойчивее и сильнее. Крестьянство, организовавшись экономически, могло сорганизоваться и политически — в рядах той же коммунистической партии, что уже стало намечаться. Дальше оно могло сплотиться со служилой интеллигенцией и капиталистическими слоями города — и поставить власти свои условия, вплоть до полного изменения ее политики, отказа от международных авантюр, перехода на чисто-национальные рельсы. Дальше оно смогло бы выдвинуть и вождей своих и свою власть. И здесь оно могло бы опереться на Запад, политически и экономически сомкнуться с ним. Но даже если бы не было формальной опоры на Запад — победа крестьянства внутри страны сама по себе была бы победой Запада: его основной идеи — индивидуализма и либерализма в политической жизни. Ведь не надо забывать: Россия не только Азия, но и Европа. И собственный Запад, и люди и идеи Запада в России есть и будут.

Сталин прав: вопрос темпов — это вопрос жизни или смерти его власти и его идей. Поэтому то он так бешено, несмотря на все трудности, идет по пути своей индустриализации. Ею он хочет освободить свою государственно-капиталистическую, вернее, военно-коммунистическую систему от зависимости от деревни, создать перевес в пользу находящегося всецело в его руках города. И здесь он частично становится на путь, предуказанный Троцким, против которого он сам в свое время восставал. Но только частично. Ибо он идет дальше. Он стремится и деревню, прямо, непосредственно, не только на пути товарообмена, включить в сеть системы своего государственного капитализма. Он стремится уничтожить крестьянина и создать сельско-хозяйственного рабочего на государ-

ственных плантациях. Только тогда, когда это удастся ему осуществить, он сможет думать, что внутри страны он победил Запад с его идеями. Только тогда он сможет двинуться на завоевание Запада во вне.

XII

К сегодняшней своей политико-экономической системе Сталин пришел не сразу.

Первоначально он пытался укрепить свою власть на соглашении с крестьянством. И не просто с крестьянством. Он ставил ставку на богатую собственническую деревню. Тогда же он проводил известный либерализм по отношению к капиталистическим слоям города — готов был вообще пойти на либерализм. То, чго он говорил в 1925 г., совершенно не вяжется с сегодняшними его словами и действиями.

— У нас есть люди в партии, — говорил он, — утверждающие, что коль скоро имеется нэп, а капитализм начал временно стабилизоваться, то наша задача состоит в том, чтобы провести политику максимального зажима, как в партии, так и в государственном аппарате, так, чтобы все скрипело кругом. Я должен сказать, товарищи, что эта политика является неправильной и гибельной. Нам нужен теперь не максимальный зажим, а максимальная гибкость... Без этого нам не удержать руля при настоящих сложных условиях.

Что вынудило Сталина на такие заявления? — Отчасти инерция продолжения ленинской политики. Отчасти борьба с троцкистско-зиновьевской оппози-

цией. Но главным образом фактическое положение вещей в деревне. В 1927 г. он рассказал о нем.

— Каково было наше положение в деревне два-три года тому назад ? . . Тяжелое. Наших предвиков и вообще сельских работников жгли и убивали. Сельскоров угощали обрезами. Кое где, в особенности на окраинах, мы имели бандитские выступления. А в такой стране, как Грузия, мы имели даже восстания . . . В такой обстановке кулак забирал силу, середняк сплачивался вокруг кулака, а беднота распылялась . . . Особенно тяжело отзывался на положении страны тот факт, что производительные силы деревни росли чрезвычайно медленным темпом, часть пахотных земель вовсе не обрабатывалась, посевная площадь представляла каких нибудь 70-75% довоенной.

Все это было вызвано, по словам Сталина, «пережитками военного коммунизма» в деревне, «зажимом», «административным произволом», переобременением деревни непосильными налогами, отсутствием стимулов для развития хозяйства и накопления*). В результате власть, помимо наличия «неумиротворенной» деревни, была лишена достаточных материальных ресурсов для жизни и работы.

И вот Сталин, в союзе с позднейшими «правыми» — тогда они были его единомышленниками — Бухариным и Рыковым, пошел по линии максимальных уступок деревне, основному ее мелко-собственническому слою. Фактически он пытался примирить с властью и кулака. Его он тогда не боялся. Все те, кто потом самим же Сталиным были «раскулачены», ограблены, сосланы на север, расстреляны, — все они тогда рас-

*) Т. е. всем тем, что имеется и вызывает те же убийства советских работников, те же восстания в деревне сейчас.

сматривались, как середняки, как опора советской власти. На XIV партийной конференции крестьянам было предоставлено право аренды добавочной земли, было законом разрешено пользование наемной силой. Были «оживлены» деревенские советы, упорядочены налоговые вопросы. Деревня получила возможность «накоплять» — и именно на накопляющую, богатеющую, собственническую деревню и ставилась ставка. Отсюда вырос в дальнейшем Бухаринский лозунг по отношению к деревне: «обогащайтесь!», отсюда выросла его теория «вростания кулака в социализм». Сталин тогда разделял эти взгляды: он всегда готов был все что угодно назвать социализмом, лишь бы это было выгодно для его планов: слова не было ему жалко. Точно также в дальнейшем он назвал социализмом свой нынешний строй монополистического государственного капитализма!*)

Сталин тогда шел даже дальше всех в ставке на соглашение с собственническим крестьянством. В 1925 г., принимая делегацию сельских корреспондентов, он «высказал свое сочувствие идее восстановления частной собственности на землю» в форме «закрепления владения землей на 40 и больше лет». Правда, под нажимом троцкистов, Сталину пришлось взять свои слова обратно, заявить, что это недоразумение, но слово было сказано — и оно показывало, как далеко готов был зайти Сталин по пути союза с «обогащающейся» деревней.

Когда Зиновьев и Каменев на XIV съезде партии

---

*) Между прочим: самое слабое в речах и писаниях Сталина, это когда он пытается доказать, что нынешний его строй, — это социализм. Он просто жонглирует словами в цитатах из Ленина.

(1925 г.) пытались ревизовать постановления предшествовавшей ему конференции и заменить тогдашнюю сталинскую политику «политикой раскулачивания», — Сталин резко возражал.

— Это была бы по сути, — говорил он позже, — политика восстановления гражданской войны в деревне. Партия отбила эту аттаку... Стала твердо на линию прочного союза с середняком... Добилась этим умиротворения деревни... А что значит умиротворение деревни? — Это есть одно из основных условий для строительства социализма. Нельзя строить социализм, имея бандитские выступления и восстания среди крестьян!..

Так говорил Сталин в 1927 году.

Деревня стала окрепать. Уже в 1927 г. посевная площадь достигла 95% довоенной. Росло, как будто, общее благосостояние страны. Но в этом то благосостоянии как раз и заключалась величайшая опасность для власти, если она хотела оставаться национал-коммунистической, а не перерождаться в просто национальную русскую власть. Окрепшая деревня стала нажимать на власть. Власть почувствовала это сразу же, как только приступила к своей индустриализации.

Лозунг индустриализации страны был выдвинут на той же XIV партийной конференции. Тотчас же встал вопрос: на какие средства сможет осуществляться индустриализация. Студенты Свердловского коммунистического университета в 1925 г. поставил Сталину вопрос еще более ясно:

— Сумеем ли мы осуществить индустриализацию страны без иностранной помощи, без кредитов извне?

Это был основной вопрос. И его задавали потом не раз. Сталин отвечал:

— История говорит, что ни одно молодое государство в мире не подымало еще своей промышленности, особенно тяжелой промышленности, без помощи извне, без займов, или без ограбления чужих стран, колоний и т. д. Это — обычный путь капиталистической индустриализиции. Англия подняла в прошлом свою индустрию тем, что она сотни лет собирала соки со всех стран, со всех колоний, вкладывая награбленное в свою промышленность. Германия построила свою промышленность за счет контрибуции, взятой с Франции, а последнее время стала подыматься потому, что она имеет займы из Америки в несколько миллиардов рублей. Но мы не можем итти ни по одному из этих путей. Колониальные грабежи исключаются всей нашей политикой А займов нам не дают. Остается в нашем распоряжении один единственный путь: поднятие своей промышленности, переоборудование своей промышленности на основе внутренних накоплений... Дело это будет сопряжено с большими трудностями, придется пережить при этом тяжелые испытания, но то, что невозможно для буржуазных государств, будет возможно для нас на пути социализма.

Да, индустриализация для сталинской власти оказалась возможной именно только «на пути социализма», т. е. на пути жестокого распространения на все хозяйство страны государственно-капиталистической системы методами доведенной до крайних своих выражений политической диктатуры. Только это подвело сталинскую власть к возможности перекачивать все соки населения страны в государственный карман — и обращать в фабрики, заводы, пушки и т. д.

«На основе внутренних накоплений» — это значило за счет еле успевшего вырости со времени введения

нэпа частного капитала в городах и, главным образом, за счет деревни. Государственная промышленность была и до сих пор остается нерентабельной: и потому приходится постоянно приплачивать не только на ее восстановление и новую стройку, но и на поддержание и работу предприятий, уже работающих.

Частный капитал города был проглочен очень скоро. Деревня же стала сопротивляться. Как только усилился нажим на обросшего жиром мужика, как он «регульнул» власть: сократил выпуск на рынок своих продуктов. Власть усилила налоговой пресс, прибегла к насильственным хлебозаготовкам — крестьянин стал сокращать посевы, резать скот. Сталин стал тогда на путь коллективизации, т. е. государственного капитализма в деревне. Иного выхода не оставалось. Только полное уничтожение хозяйственной самостоятельности крестьянина, только обращение его земли в государственную плантацию, его самого — в наемного рабочего этой плантации, могло обеспечить государству полный учет и произвольное изъятие в свое распоряжение продуктов земли. В деревне началась гражданская война. Деревня стреляет, восстает. Но у Сталина нет других путей. И потому он не говорит сейчас, что «нельзя строить социализм, имея восстания среди крестьян». Он не восстает против «раскулачивания»; наоборот, теперь это основа его деревенской политики. Он осуществляет ту программу, которую осуждал пять лет тому назад. Теперь, уже не излагая это, как взгляд противника, но как собственную программу, он может свободно сказать:

— Наша задача состоит теперь в том, чтобы провести политику максимального зажима, как в в партии,

так и в государственном аппарате, так, чтобы все скрипело кругом... Без этого нам не удержать руля при настоящих сложных условиях.

XIII

Стучат молотки. Напрягаются человеческие руки. Вертятся машины... Вырастают новые дома, целые новые города. Пробивается земля — и оттуда бьют новые потоки нефти, руды, угля. Ревут гудки вырастающих один за другим «гигантов». В их каменных животах машины рождают машины. Растворяются заводские ворота — и выползают и становятся грозными рядами броневики, танки, пушки, аэропланы. Вывозятся груды пока еще молчащих винтовок, миллионы холодных штыков. Миллионы снарядов. Вытягиваются мрачной вереницей баллоны ядовитого газа. Сколько сил, сколько драгоценной руды, сколько миллионов пудов хлеба, сколько мысли человеческой и мускулов ушло на создание всего этого... И все еще мало!.. Машины родят машины — и главным образом машины для истребления других людей. Каждый удар молотка, каждое движение колеса машины говорит:

— Даешь Европу!..

Эта мысль царит надо всем. Идет великая стройка.

Иногда вместо танков выползают тракторы, плуги. Врезаются в черную землю, подымают никогда не паханую целину. Добывают хлеб, который опять будет превращен в машины, пушки, газ... Мерно работает Волховская станция. Ростут плотины Днепростроя.

Выростает Свирстрой. Электрическая лампочка вспыхивает там, где недавно еще горела лучина. Новая система орошения начинает поить землю Средней Азии. Новые горы хлопка бросаются в прожорливую пасть фабрик. Оттуда выходят длинные километры ткани. Пакуются — и отправляются заграницу: в обмен на машины для изготовления машин — и на изобретения, дающие возможность лучшим образом убивать других людей... Ростет Магнитострой. Ширятся угольные копи Кузнецкого бассейна. Скоро уголь Сибири и руда Урала тесно сомкнутся — для новых машин и орудий войны... Вырастает Турксиб. Проектируется Волго-Донский канал. Проектируются и строятся тысячи новых вещей. Их совокупность должна поднять на невиданную высоту Россию — и снизить, бросить в грязь Запад... Страна работает: с напряжением, с затратой сил, невиданными, неслыханными никогда... Идет великая стройка.

В когда то переполненных портах сейчас еще относительно пусто. Но высятся новые элеваторы: туда ссыпают омытое кровью и слезами зерно. По трубам новых нефтепроводов льется густая река нефти. Высятся бесконечные ряды приготовленного для заграницы леса: тоже омоченного не только потом, но и кровью. Груды ящиков, тюков... Приходят и уходят пароходы. Забирают, увозят все, чего нет уже или почти нет у населения страны: хлеб, лес, масло, сахар, ткани... Иногда увозят то, чего в стране еще слишком много: коммунистических агитаторов, инструкции, литературу — тоже экспортный товар, за который Европа должна будет заплатить кровью беспорядков... Приходящие пароходы привозят опять машины, опять орудия войны.

В городах, в портах, в учреждениях, на фабриках толкутся иностранцы: дельцы, инженеры, туристы, корреспонденты, просто бездельники, просто Кникербокеры.

— Какое гигантское зрелище!.. Это поистине чудо!

Так говорят обычно. И идут отдыхать в обставленные со всей возможной для нищей страны роскошью отели. По дороге заезжают в магазины, где все дорого, но все есть: и икра, и балыки, и редкие фрукты, и вина, — все, чем всегда богата была Россия, и что сейчас есть только для иностранцев, да для каких то еще привиллегированных слоев.

— Какая удивительная, какая богатая страна Россия!..

Перед дверями рабочих кооперативов, где в окнах сиротливо стоят пустые банки из под консервов, увезенных заграницу, где на прилавках бурый, плохопропеченый хлеб, да в грязных бадьях ржавая селедка, стоят длинные очереди женщин и детей. Обычно молчат. А если и вырвется слово, то нехорошее, гневное.

Может быть, это лишенная прав и потому озлобленная «буржуазия», бывшие люди прежних времен, которые выкинуты из всех учреждений, потому что власть «не обязана заботиться о своих классовых врагах», и которым место сейчас только на самой черной работе, либо в лагерях принудительных работ, либо на осведомительной работе ГПУ?.. Нет. Это жены, матери, дети рабочих — «хозяев» советской страны. Получают положенный кусок — и быстро уходят в свои грязные, запущенные углы. Там новые заботы: мыла нет, дров нет, ткани нет. Ничего. Почти

ничего. Только-только, чтобы поддержать скудное звериное существование...

У машин, как бледные тени, стоят рабочие. Напряженные, измученные лица. Вяло движутся ослабевшие руки. Может быть они просто ленятся? Не хотят работать? — Нет, хотят. Работать надо.

— Неужто подведем Россию, родную страну?!..

Но голова занята не тем... Год голодной жизни. Два года. Третий год... Что будет дальше?.. Нет возможности работать и жить. И как то все-равно становится, как идет работа, что получается... От неверных движений стопорятся, останавливаются, портятся машины. Браковщики, сортировщики смотрят готовый товар... «20%... 40%... браку»... Идет великая стройка.

Бегут с предприятий. Блуждают по промышленности. Ищут где лучше, где больше платят, где столовки кормят сытнее. Другие уходят вовсе. Идут на землю. Меняют, что могут на хлеб, на мясо. Переполняют поезда. Гроздьями висят на подножках. Обрываются, гибнут иногда. Становятся мешечниками, спекулянтами, переполняют Сухаревку и другие рынки. Но длинные руки власти протягиваются во все стороны.

Рабочий прикрепляется к предприятию... Никто не смеет быть дезертиром труда... Каждый должен работать там, где поставит его власть.

Кольцо железной диктатуры все крепче сжимает рабочее тело страны. Идет великая стройка.

Но вот до крайности напряженные руки. Лихорадочно блестящие глаза.

— Братва, не выдай! Еще — еще раз!..

Это молодежь — опора сталинской власти — на работе.

— Где прорыв? Где плохо?

И туда устремляются потоки горящей энтузиазмом стройки молодежи.

Отмораживают на смертном морозе руки и ноги. Изнемогают в средне-азиатской жаре. Погибают от обвалов в угольных копях, от болотной лихорадки на лесных разработках, под пулями и топорами крестьян в колхозах. Все ни по чем!

— Даешь уголь! Даешь руду! Хлопок! Хлеб!

— Товарищи... Не выдай!.. Не ныть... Не скулить. За работу!..

Гибнут лучшие. Гибнут и худшие. Те, кто остается, задумываются. Там выстроили фабрику — для нее нет сырья. Там привезли дорогую машину — а работать на ней никто не умеет, машина ломается, ржавеет, брошенная на заводском дворе. Там привезли из заграницы еще что-нибудь, платили валюту — а, оказалось, дрянь, никуда не годится, потому что заграницей в торгпредствах по протекции сидят воры, жулики, или ничего не понимающие люди. Там наработали целую кучу товара — не на чем вывезти, транспорт из рук вон плохо работает. Там обобществили крестьянский скот — а он передох от плохого ухода. Там прислали трактор — он не работает, исправить нельзя, не прислали запасных частей. Там привезли из заграницы породистых свиней — сдохли, потому что в пище, в отбросах, оказалось стекло, жесть... Кто виноват? Люди? Система?.. Почему голодают города? Почему всего не хватает? Почему такая громадная работа — и так ничтожны по ней результаты, все неслажено, страна скрипит, как несмазаная те-

лега, шуму много, толку убийственно мало ... Почему? Где вина? Где причина? Хватит ли при такой работе сил? .. У многих стынут глаза, опускаются руки, сомнений все больше и больше. У многих глаза загораются еще больше — и пальцы сжимаются в кулаки. Пылкие и неосторожные слова бросаются в партийном собрании — и нет человека, нет комсомольца, есть государственный арестант за решеткой тюремного вагона. И маршрут вагона — север ... Идет великая стройка.

Иной раз что то взрывается в людях. Бросают работу. Так больше нельзя. Вот в мясе сегодня оказались черви. Ходить приходится босиком. После работы вымыться нечем ... Мало ли что причина ... Собрание. Решение. Стачка.

Приходит партийный комитет. Профсоюз. Власть. А неподалеку уже стоят крепкие люди в серых шинелях: отряд ГПУ. Уговоры. Разбор. Что-нибудь улучшают. Дают мыло. Дают ткань. По лишнему куску хлеба. Люди становятся на работу. Что делать иначе? — Нет выхода. И надо работать. Иначе вовсе погибнет родная страна ... Но не все занимают свои места у машин. Многие исчезают: на лесных работах севера, в затерянности сибирской тундры, в душных клетках переполненных тюрем. А иногда и там, откуда нет уже никому и никогда возврата.

Иной раз — когда уже вовсе невмоготу, и человек готов на все от слепой звериной злобы — рабочая волна выплескивается на улицу. Но что делать? — Все это — порыв минуты. Организации нет. Ни ясной цели, ни людей ведущих. Ненависть приковывается, концентрируется на ярких окнах магазинов для иностранцев и неизвестных счастливцев из своих. Ру-

ки сами хватают камни, палки... Опять серые шинели, стальные шапки войск ГПУ. В ответ на камни — пули. Кровь окрашивает улицу... Но все это — минуты. Толпа схлынула. Трупы увезены. Любопытных нет. Все, как прежде. Жизнь продолжается дальше. Стучат машины. Голодают, изнемогают люди.

По улицам, по мастерским, по рабочим квартирам гуляют листовки «сырцовцев»*):

— Товарищи... Знаете ли вы, что арестованных вчера рабочих пороли в ГПУ?

— Товарищи... Знаете ли вы..?

Сосредоточенные лица. Упрямо сжатые зубы. Короткие выстрелы. В Ленинграде убит начальник транспортного отдела ГПУ. В Харькове еще кто то. В Одессе — то же. На Кавказе — командир части, усмирявший «бунт». В советских газетах одно за другим объявления: «Трагически погиб т. Шиперович»... «Безвременно погиб т. Розенбаум»... «Безвременно скончался т. Шпандырь»... Еще и еще. Десятки, сотни выстрелов. Десятки, сотни трупов. Кровь льется с обоих сторон. Око за око, зуб за зуб — жестокий закон гражданской войны!..

Чем дальше движется рука времени по календарю пятилетки — тем больше нарастает недовольство и озлобление населения. Оно наростает стихийно — и пропорционально растущей нищете и сознанию тягостной безвыходности. Вначале думали: потерпим немного — будет легче. На пятилетку надеялись. Сейчас — третий год пятилетки. И ее воспринимают те-

*) Сырцов — б. председатель Совнаркома РСФСР. Снят с должности за резкую оппозицию Сталину и его системе. Его приверженцы ведут активную борьбу со сталинским режимом.

перь, как петлю, все туже затягивающуюся на шее населения страны. Вместо облегчения — все большие тягости . . . И чем дальше, тем сильнее и ожесточеннее становится борьба между приносимым в жертву пятилетке населением и ставящей все на карту сталинской властью. И если прежде жертвами этой борьбы под ударами населения падали по преимуществу только агенты власти, то теперь злоба и ненависть вымещается на тех, кто в глазах рабочей среды предает ее, кто выслуживается перед властью, кто сплачивается с ней ради выгод минуты. По всем заводам прокатывается волна травли «ударников». В ответ на награждение их орденами, на печатание их портретов в газетах, их начинают избивать и убивать. И центральный орган профессиональных союзов, «Труд», сообщая о ряде таких случаем, пишет: «Нельзя объяснять стечение этих фактов случайностями. Классовая сущность всех этих событий совершенно бесспорна». Когда «в Харькове рабочие Тракторостроя пытались зарубить топорами ударника Марусина», «президиум постройкома установил, что нападение произошло на почве классовой ненависти к ударнику.

Классовой ненависти? Какого класса? К кому? — Ответ один: рабочего класса к безжалостно эксплоатирующей его власти, которую рабочий чем дальше, тем меньше рассматривает, как нечто единое с собой . . . Таково одно из великих следствий надрывающей народные силы стройки: народ и сталинская власть постепенно все больше расходятся, становятся по разную сторону баррикад. А это вызывает естественное расслоение в самой партии — и самые жестокие, самые непримиримые враги Сталина и его вла-

сти выходят из среды закаленных всем своим прошлым «членов ВКП(б)» . . .

Одновременно нарастают и другие следствия уродливой системы сталинского самодержавия. Для «стройки» не хватает квалифицированных сил. Приходится выписывать иностранцев. Приходится ставить их в привиллегированное положение. Простое недоброжелательство к иностранцам, воспитанное самой властью, переходит в жестокую ненависть. Пока она тлеет в глубине народной души. Но она может вырваться наружу — и если вырвется, то только волной кровавых погромов иностранцев . . . Растет антисемитизм . . . Растут самоубийства . . .

Притаилась, молчит интеллигенция. Она ведь — наиболее угнетенный слой населения страны. Она расплачивается за все: за все грехи, ошибки, преступления власти. Чуть что — на скамье подсудимых, перед пулями палачей становятся представители интеллигенции. Она молчит. Она пытается работать, потому что она яснее, сознательнее, чем кто бы то ни было, любит родную страну. Но в душе своей она копит ненависть. Она ведет про себя — по меткому определению одного из талантливейших советских писателей, Олеши — «список преступлений и благодеяний» сталинской власти. И все говорит за то, что в этом списке преступления перевешивают . . .

Но, может быть, это только в городах, в рабочей, в интеллигентской среде? — Наоборот.

Самая упорная борьба — на просторных полях деревенской земли. Власть упорно утверждает свое на ней господство. Власть борется за хлеб — свое настоящее и будущее. Крестьянин-собственник борется

за свою землю и хозяйственную свободу. Колхозник — за свой труд, за право на урожай.

— В колхозах слишком много едят, — говорит нарком земледелия, Яковлев. — Там подушное раепределение урожая. Получают хлеб и те, кто не работает: старики, слабые, больные. Мы должны ввести сдельщину. Хлеб — только за произведенную работу, по норме, устанавливаемой государством.

— Несмотря на бешеное сопротивление, мы доведем коллективизацию до конца, — говорит «всесоюзный староста», Калинин.

Бледнеет в губернском и уездном городе партийный работник, которому говорят: «Собирайся в деревню». Он знает: там идет война — там смерть. Но ослушаться нельзя. Едет... Крепче сжимает зубы и прощупывает револьверы идущая в поход на деревню городская молодежь. Не все возвращаются обратно. Удар топора, выстрел из дряхлого ружьишка — и человека, который приехал обмерять хлеб, подсчитывать скот, организовывать колхоз, не стало... А потом и тот, чья рука подняла топор, либо нажала спуск ружья, распластывается у опушки ближайшего леса под пулями карательного отряда.

— Что сделал бы ты, — спрашивают его на коротком суде, — еслиб все было по старому?.. Ну, еслиб ты еще его не убил... Ведь должен же ты понять, что это — преступление...

— Что бы я сделал? — Убил бы опять...

Око за око, зуб за зуб... Жестокий закон гражданской войны.

Иногда подымаются целые села. Волости. Области. Опять восставала Грузия. Восставал Азер-

бейджан. Не переставая, вспыхивают восстания в далекой Сибири, где мужик всегда был свободен, никогда не знал господ ... Армия, в которой, несмотря на чистки и постоянный отбор «чуждых элементов», все-таки преобладают сыны деревни, не раз отказывалась выступать. Тогда приезжали солдаты ГПУ, подобранные один к одному, привычные к гражданской войне, гвардия сегодняшнего строя. Выкатывались пулеметы, устанавливались пушки, развинчивались баллоны удушающего газа ... И часто не у кого даже спросить, что было в таком то селе? — Нет села. Нет людей, которые в нем жили: ни женщин, ни детей, ни стариков. Снаряды и газ не щадят никого ... Идет война. Идет борьба за хлеб, самое важное, самое драгоценное, самое нужное. Будет хлеб — прояснятся глаза, усмехнутся горько сжатые губы, не будут опаздывать и натыкаться один на другой поезда, новые горы угля выползут из под земли, будет работаться по иному, все будет иначе ... Все в хлебе. Но хлеба нет.

Но человек, хотя б и голодный, хотя бы связанный по рукам и ногам, и в жестоком зверином быту хочет жить и оставаться человеком. И жизнь идет несмотря ни на что. Где то раздается и веселая и печальная музыка. Ставят новые пьесы в театрах. Выходят новые книги. Люди думают. Творят. И не только то, что угодно власти. Люди любят, люди ласкают друг друга, люди смеются. Люди плещутся под солнцем на берегах рек и морей. И то, что они живут, и не сломлены еще до конца, и хотят жить — рождает еще большее стремление сорвать мрачную пелену, покрывшую настоящее народа. Пробуждается вера в будущее. Накапливаются силы. Нет, долго

так длиться не может. Не может погибнуть от изнеможения великая страна. Не может погибнуть народ. Из мук настоящего неизбежно родится светлая новая жизнь . . .

XIV

В просторной комнате в Кремле, за длинным столом, сидят суровые и озабоченные люди. В этой комнате собирались еще тогда, когда был жив Ленин. Отсюда управлялась страна. Тогда были дни больших надежд. Тогда все казалось простым и ясным. Впереди виделось спокойное и радостное будущее.

Ленин умер. От него в этой комнате остались только крышка стола, за которым он работал, да кресло: стоят в углу, за шелковым шнуром, как в музее. Да еще портрет на стене. И из тех людей, с которыми он работал, большинства уже нет. Новые, более молодые и более суровые, пришли сюда.

Председательствует Молотов. Самый сильный в стране после Сталина человек. Твердая воля. Ясный и упорный ум. Рядом с ним его правая рука — с измученным лицом, с блестящими от постоянного напряжения глазами, незаметный, невзрачный, но с громаднейшим запасом жизненной энергии — Андреев . . . Иной раз здесь собирается человек до пятидесяти. Все люди, вышедшие из войны и революции. Избранные случаем, судьбой, люди сегодняшней страны, те, от кого, в их совокупности, зависит многое и в настоящем ее и в будущем. Это совнарком, значение которого сильно поднялось, после того, как его председателем стал Молотов.

Все вопросы жизни страны проходят перед ними. И мрачнеют лица. Выдержит ли страна? Правилен ли путь?

Каждый думает про себя. Все они прошли одну и ту же суровую школу. Все они долго шли вместе. Все они до ослепления любят свою родину, прекрасную Россию. Но сейчас, на поворотном пункте ее истории, многие думают по разному.

Одни готовы на все закрыть глаза — и упрямо итти вперед сегодняшними путями.

— Народ устал? Не хочет уже жертвовать всем? Хочет жить для себя? Требует мира? Хлеба? Свободы?.. Ничего. Потерпят, напрягутся еще и еще. Никаких усилий не жалко, ради целей, поставленных впереди. Не раз в мировой истории обнаруживалось, что массы не сознавали собственных интересов. Их или подгоняли, или они становились рабами внешней силы. Разве жалел кого нибудь Петр, подгоняя народ свой в его запоздалом историческом беге? — И мы подгоним. Потянем за собой, заставим до конца нести все тяжести индустриализации, коллективизации, войны. Кто против — сметем, уничтожим. Пусть проливается кровь, пусть рабство внутри страны. В тот день, когда прольются последние нужные для великого дела освобождения народов капли крови, оставив победные расписки на воротах западных столиц. когда весь мир склонится у ног освобождающей его коммунистической России, — тогда настанет подлинная свобода... Цель оправдывает средство!..

Так говорят одни из них — рабы властвующей над ними идеи, управители во имя ее миллионов других рабов.

Другие, наоборот, все шире раскрывают глаза, все больше оглядываются на живую народную жизнь, стараются вдуматься в народные нужды, желания, тайные мысли.

— Не пора ли, — думают они, пока что еще нерешительно, сомневаясь, — по иному как то сомкнуться с народом? Пойти по пути не мертвой идеи, но живых потребностей сегодняшнего дня? ..

Одни — национал-коммунисты.

Другие — просто уже русские, просто националисты, но рожденные и воспитанные революцией: националисты-революционеры.

Сегодня они сидят и работают все вместе. Завтра ...

...Здесь нет одного человека. Самого сильного. Того, кто сплотил и привел к власти их всех. Он, вероятно, сейчас сидит, замкнувшись, в своем подмосковном имении. Но и отсутствующий он ощущается. Пока что — каждый шаг, каждое слово собравшихся здесь людей определяется его стальной волей. И всем кажется, что и здесь звучит его четкая, с нерусским акцентом речь, и слышатся привычные слова:

— Унывать мы не будем, караул кричать не будем, работы своей не бросим и трудностей не убоимся. Кто устал, кого пугают трудности, кто теряется — пусть даст дорогу тем, кто сохранил мужество и твердость. Мы не из тех, кого пугают трудности. На то и большевики мы, на то и получили мы ленинскую закалку, чтобы не избегать их, а итти навстречу трудностям и преодолевать их!..

XV

Подмосковное имение: Горки. Белый барский дом с александровскими колоннами. И внутри еще сохранился александровский стиль: самый чистый, самый сильный русский стиль — эпохи первого русского цезаризма. «Белые стены, белые с золотом рамы картин, хрустальные люстры, мраморные античные вазы, облупившиеся, когда то белые с золотом кресла и диваны в тиковых чехлах в полоску». Тяжелые красные шелковые занавеси. Пальмы и фикусы в глиняных горшках... Жилые комнаты проще. Но и в них сохранилось много от старых барских времен. Мебель карельской березы, тяжелые с бронзой рамы зеркал, портреты важных дам в пудреных париках.

Здесь жил и умер Ленин. Здесь теперь обычно, когда он не в Москве, живет Сталин. Последнее время он все чаще и чаще сюда приезжает.

Вокруг дома — большой парк. Кроме своих — ни в дом, ни в парк никого не пускают. Из соседней деревни крестьяне выселены. Всюду посты часовых. Всюду ходит специальная сталинская охрана.

И здесь на столе — кипы бумаг. И здесь — дела без конца. И отсюда непрерывно — по телефону, через вызванных людей, через специальных курьеров — отдаются приказы, которые должны быть беспрекословно выполнены, и которые определяют сегодняшнюю судьбу страны.

В одной из комнат — экран кинематографа. В другой — любимая сталинская пианола.

...Спокойный, неподвижный сидит Сталин — с каменным лицом допотопной ящерицы, на котором живут только глаза. Все мысли, желания, планы сте-

каются к нему. Он читает, слушает, напряженно думает. Уверенно, не спеша, отдает приказания. Плетет сеть интриг. Возвышает одних людей, растаптывает других. Покупает, продает тела и души.

...Он знает все, что происходит на просторах огромной России. Но его ничто не волнует. У него нет сомнений. Ему никого и ничего не жалко. Понадобилось — и он залил кровью родную Грузию, железными цепями диктатуры приковал ее к телу социалистической России. Может быть, под пулями его солдат падали сверстники его детских игр, его лучшие друзья, участники совершенных с ним вместе убийств и ограблений, его близкие... Что из того! Они оказались предателями. Они просили помощи у империалистов Запада, сговаривались с вековым врагом, с Англией. Предателям — смерть! Нет, ему никого не жалко. Великое дело требует таких же и жертв. Надо догнать, перегнать ненавистный Запад — раздавить его, сломить его надменную мощь. Ради этого он готов принести в жертву не один только маленький народ, среди которого родился, но все ныне живущие поколения. Ленин прав: в нем живет душа восточного деспота. Он вышел, правда, из революции. Поэтому он не Чингис-хан, но Робеспьер азиатской России.

Но жизнь не стоит на месте. Жизнь идет вперед — и время разрушает все. Качается уже и трон его власти. Он знает и это. Он чувствует, что все большей становится пустота вокруг него. Каждый день приходится отбрасывать все новые слои колеблющихся и протестующих. Измена проникла в ближайшее его окружение. Еще недавно за ним стояли сомкнутыми рядами почти все суровые люди рево-

люции. Сегодня он страшно одинок и не верит уже никому. Одни хотят перешагнуть через него ради власти, другие — ради России. Он никому уже не верит — кроме тихой женщины, с которой живет. Все крепче и крепче сплетаются нити невидимых заговоров. Выхода, вероятно, нет. Его не согнут, конечно, — но сломают, уничтожат. Он — обреченный человек. Но почему? Разве его путь — не народный путь?

Сегодня — нет. Сталин уже пройденный этап революции. Он нужен был для того, чтобы практически поставить в порядок дня задачу роста национального самосознания великого народа. Он нужен был для того, чтобы острым плугом стальной воли и безграничной власти перепахать русскую землю, выкорчевывая из нее все старое. Он нужен был для того, чтобы заложить материальный фундамент здания новой национальной империи. Это сделано. На взрыхленной им почве выростают новые люди и новые идеи.

Эти люди возьмут многое из намеченной вместе с ним программы. Но внесут одно громадное добавление, одну идею, отсутствие которой сводит на нет все его усилия, делает мертвым все, к чему он ни прикоснется — рожденную и выношенную ненавистным Сталину Западом идею свободы человеческой личности. Значение этой идеи понял великий Ленин. Его понимают и новые его наследника. Из свободы личности — и только из нее — выростает хлеб: основа жизни, человека, страны, нации.

...Не ищите в Париже улицы Робеспьера. Ее нет. Это имя до сих пор под запретом. Правда, и именем Бонапарта названа одна из маленьких улиц,

затерявшихся за Сеной. Но на дворцах нации еще сохранились орлы омперии, в судах живет еще кодекс Наполеона, в учреждениях — установленные им порядки, каждый шаг по Парижу напоминает его победы, в Париже, как национальная святыня, хранится его прах.

Не было бы Робеспьера — не было бы Наполеона. На почве, подготовленной одним, другой создал здание нового мира.

Стокгольм.

14 апреля — 28 мая 1931 г.

Эта книга уже была закончена печатаньем, когда пришли сообщения о новом «повороте» Сталина. Для меня в нем нет ничего неожиданного и странного — «поворот» нисколько не противоречит моему пониманию Сталина. Те, кто следил за моими статьями, знают, что еще в конце прошлого года я писал о возможности поворота направо именно со стороны Сталина. Тогда момент еще не настал. Жизнь еще недостаточно била по сталинской системе. Сейчас она ударила сильнее. Собравшийся в июне этого года пленум центрального комитета коммунистической партии выявил, что положение режима, если не пойти на уступки, «почти катастрофическое»: страна находится в состоянии самого острого экономического и политического кризиса. Кризис еще начался весной прошлого года, когда жизнь показала, что населению не под силу те жертвы, каких требует от него режим, что силы страны надорваны и продуктивность ее труда идет на убыль. С тех пор положение неизменно ухудшалось. Поставленный пятилеткой план в области индустриализации — по оффициальным данным самого Сталина — оказался в прошлом году невыполненным на 30%. Пять месяцев этого года показали — как это выявилось, по словам бывшего главы промышленности, а сейчас председателя Государственной плановой комиссии, Куйбышева, на июньском пленуме — следующее: «если взять промышленность в целом, мы будем иметь по сравнению с прошлым годом меньший темп роста, отстающий от планового задания». Что это значит? — Ничто иное, как

провал пятилетки, частичный, правда, провал, но имеющий громадное политическое значение, поскольку на выполнении пятилетки сосредоточены все силы страны и все внимание ее населения. Не надо забывать — настоящий год это третий и «решающий» год пятилетки!..

«Меньший темп роста» получился при сильно возросших производственных возможностях, при наличии новых фабрик, при переоборудовании значительной части промышленности новыми машинами. Значит — не в технике дело, а в людях. Весьма показательно, что среди прочих «достижений» своей власти, которые Сталин сейчас считает нужным «чем скорее похоронить», находится и непрерывная неделя, принесшая с собой в предприятие «обезличку», уничтожившая индивидуальную ответственность рабочего за машину. Но не в этом ли разве, если обобщать, основной порок сталинской системы — в том, что вся страна превратилась в «обезличку» — нет людей, нет человека, есть только «механические граждане», люди-машины под кличками и номерами? Именно в этом.

Сталин понял это, как будто сейчас. «Глупо думать, — говорит он, — что производственный план сводится к перечню цифр и заданий. На самом деле производственный план есть живая и практическая деятельность миллионов». Совершенно верно. Но в том то все и дело, что до сих пор вся сталинская система сводилась к умерщвлению всего живого в деятельности миллионов. И в результате у людей России не только надорвались от беспримерного напряжения силы, но и ослабла творческая воля. Те же, у кого воля еще не окончательно утухла, направили ее на борьбу с режимом. Из кризиса экономического вырос политический — и о нем июньскому пленуму рассказал помощник Сталина по партийному аппарату Каганович. Он рассказал и о росте оппозиционных движений всех родов, и о восстаниях деревень, областей, целых народов (Грузия, Азербейджан), о стачках рабочих, о голодных погромах, о почти ежедневных убийствах ответственных партийно-советских работников среди бела дня, на людных улицах, на фабриках, в деревнях.

Сталин повернул направо. Но то, что он дал сегодня — это немного. Очень даже немного. То, что возвестил Сталин, вовсе еще не означает отказа от сталинской системы монополистического государственного капитализма. «Новая обстановка», которую хочет создать Сталин, пока что означает только самое минимальное признание в советском гражданине элементарных человеческих прав — и то только материальных, и то только у очень небольшой части населения. Сталин ставит сейчас в привиллегированное положение квалифицированную верхушку рабочего класса и техническую интеллигенцию городов. Причем делает это за счет неизбежной — и еще большей, чем прежде, — эксплоатации других слоев населения, в первую очередь крестьянства: откуда

иначе взять в обнищавшей стране и при громадной стройке средства на лучшую оплату рабочей и технической верхушки? Крестьянству же — основной и решающей части населения страны — пока что, кроме обещания вернуть через пять лет в родные села сосланных кулаков, ничего не дает. Нет, сталинский поворот, это не есть резкое и стабильное изменение системы, это вовсе не ленинский «нэп», это просто очередной шахматный ход лавирующего диктатора. Не сделай он этого хода — власть могла бы оказаться к осени в чистую изолированной. А осенью предстоит большой бой с крестьянством за хлеб. Нынешним ходом Сталин сделал попытку обеспечить за собой на время этого боя городские верхушки, постарался связать их с собой узами материальной заинтересованности.

И тем не менее сталинский поворот имеет большое значение. Политическая жизнь — что снежная гора: за маленьким комом может притти в движение и большая масса. Важно, чтобы начало таять, начало двигаться. В советской стране начало таять. Но как длителен будет этот процесс — и каковы будут дальнейшие шаги сегодняшнего властителя России? Что можно сказать здесь?!... Сталин и его дни — еще не закрытая страница истории. И нельзя поэтому подводить на ней итоги. Можно ставить только самые общие прогнозы.

Мой общий прогноз остается прежним: я думаю, что как бы далеко не пошел Сталин в своих уступках, он не является тем человеком, который выведет из революции и раскрепостит от цепей скованных его системой Россию. Сталин неспособен на это, по моему, и по натуре своей — он, вместе с тем, достаточно связан и скомпрометирован своим прошлым. Он слишком много лавировал, слишком часто обманывал, чтобы население страны смогло поверить ему надолго и всерьез. Население примет от него всякое облегчение — но без благодарности, думается, и будет попрежнему, только еще напряженнее, искать своего настоящего вождя и героя, своего либератора — Цезаря, Вашингтона, Бонапарта. Освободитель нужен — стране, народу, человеку. Потребность в нем вы можете осязать в каждой поре русской народной души. О ней говорят не только сами люди России, но ее замечает даже поверхностный взгляд случайных путешественников-иностранцев. Показательны на днях появившиеся статьи побывавшего в России английского либерального депутата Франка Оуэна. Он пишет: «Единственная опасность для Сталина — это возможность появления нового Наполеона». «Пятилетка потребовала неимоверных усилий от народа, и народ устал. Если бы кто-нибудь теперь мог обещать России передышку, народная стихия подняла бы его к власти так же, как в 1917 г. большевиков, обещавших мир».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Моему русскому читателю 5

Часть I

Ученик Ленина 19

Часть II

Дорога к власти 111

Часть III

Гражданская война 201

Часть IV

Власть 225